

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

4

ИЮЛЬ-АВГУСТ

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ССР

Москва

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов,
Зам. главного редактора член-корр. АН СССР А. В. Ефимов,
Н. А. Баскаков, Г. Ф. Дебец, М. О. Косвен, П. И. Кушнер,
М. Г. Левин, Л. П. Потапов, И. И. Потехин, Я. Я. Рогинский,
академик М. Ф. Рыльский, В. К. Соколова,
Г. Г. Стратанович, С. А. Токарев, В. Н. Чернецов
Ответственный секретарь редакции О. А. Корбе

Журнал выходит шесть раз в год

Технический редактор Н. А. Колгурина

Адрес редакции: Москва, Г-19, ул. Фрунзе, 10

Т-08194 Подписано к печати 9/IX 1959 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Тираж 1975 экз. Зак. 3540 Бум. л. 5¹/₈ Печ. л. 14,04+4 вкл. Уч.-изд. л. 17,6
2-я типография Издательства Академии наук СССР, Москва, Шубинский пер., 10

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

У ЖУ-КАН и Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

О НЕПРЕРЫВНОСТИ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ТИПА, ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КУЛЬТУРЫ ЛЮДЕЙ ДРЕВНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ

1

Историю первоначального расселения людей в Восточной Азии естественно начинать с вопроса о времени появления на этой территории древнейших их представителей — ископаемых гоминид. Новейшие палеонтологические материалы, добытые китайскими учеными, позволяют предполагать, что Восточная Азия (или, во всяком случае, ее южная материковая часть — юг и особенно юго-запад современного Китая) могла входить в ту обширную зону земного шара, в пределах которой на рубеже третичного и четвертичного периодов происходило постепенное превращение какой-то группы антропоидов в людей. Гипотезе этой не противоречат также геологические и палеогеографические данные, показывающие, что в указанную эпоху на юго-востоке азиатского материка почти повсеместно господствовал теплый климат, а влажные тропические леса чередовались с более открытыми ландшафтами типа саванн, наиболее частыми в предгорьях.

Большое значение для проблем эволюции и расселения предков гоминид имеют находки ископаемых зубов дриопитека на юго-западе Китая в уезде Кейюань провинции Юньнань. Зубы эти, обнаруженные в 1956—1957 гг. группой китайских геологов в нижнеплиоценовых слоях, были описаны одним из авторов настоящей статьи, который отнес их к особому виду дриопитека — дриопитеку кейюаньскому (*Dryopithecus keiyuanensis*), по многим признакам близкому к дриопитеку панджабскому (*Dryopithecus rinjajicus*) из Сиваликских холмов северной Индии¹. Всего в Кейюане до настоящего времени (август 1959 г.) найдено десять нижних зубов дриопитека (моляров и премоляров), принадлежащих, по-видимому, двум особям — самке и самцу. Вместе с этими зубами обнаружены коренные тетралофодона (*Tetralophodon*), очень характерного для фауны юнгстийского века начала плиоцена.

Как известно, многие специалисты (в том числе большинство советских антропологов) считают дриопитеков ископаемыми антропоидами, относительно близкими к гипотетическим третичным предкам гоминид.

¹ Woo Ju-kan g. *Dryopithecus teeth from Keiyuan, Yunnan province*, «Vertebrata Palasistica», т. I, № 1, 1957, стр. 25—31; е го же, *New materials of Dryopithecus from Keiyuan Yunnan*, там же, т. I, № 1, 1958, стр. 38—43.

Хотя вопрос этот и нельзя считать окончательно решенным, несомненно все же, что различные виды азиатских и европейских дриопитеков обнаруживают известное морфологическое сходство с древнейшими гоминидами. Установление пределов расселения указанных третичных обезьян очень важно для разработки проблемы прародины всего человечества. Вполне возможно, что место находки кейюаньского дриопитека было расположено недалеко от восточных рубежей этой прародины, примыкавшей, по мнению многих исследователей, к Гималайским горам.

В данной связи интересно вспомнить о гипотезе Г. Ф. Дебца, который, развивая и углубляя соображения, высказанные акад. П. П. Сушкиным², указывал на открытые гористые пространства Центральной и Передней Азии как на возможную зону превращения обезьяны в человека³.

Значительный интерес для понимания путей развития высших приматов в конце третичного и начале четвертичного периодов представляют костные находки гигантопитеков на юге Китая. Первоначально (1935) огромный моляр этой обезьяны был обнаружен в одной из китайских аптек Гонконга, где он использовался в качестве лечебного средства. Позднее Кенигсвальд и Вейденрейх описали еще семь зубов гигантопитека, приобретенных в Индонезии⁴. В 1955—1956 гг. специальная экспедиция Института палеонтологии Академии наук КНР под руководством Пэй Вэнь-чжуна приобрела в кооперативных лавках Гуандуна и Гуанси еще 47 зубов рассматриваемого животного, а также нашла *in situ* три его зуба в одной из пещер уезда Дасинь провинции Гуанси. При дальнейших раскопках в уезде Лючэн в центральной части Гуанси были найдены три нижние челюсти гигантопитека вместе с костями других млекопитающих, принадлежащих к характерной для южного Китая четвертичной теплолюбивой фауне (крупные орангутаны, панды, тапиры, стегодоны, мастодонты и др.)⁵.

Судя по размерам зубов и челюстей, гигантопитеки были самыми большими из всех известных до настоящего времени современных и ископаемых высших приматов. По объему коренные зубы гигантопитеков почти в шесть раз превосходят соответствующие зубы человека. Общая длина тела гигантопитека значительно превышала, по-видимому, два метра, а вес его мог достигать 250 кг и более. По тотальным размерам обезьяна эта больше всего напоминала горилл. По многим признакам строения зубов и нижней челюсти гигантопитеки заметно отличались от всех гоминид, в том числе и от их древнейших представителей (питекантропов, синантропов, гейдельбергцев). В то же время по некоторым особенностям зубы гигантопитеков приближались к человеческим (резцообразные клыки, слабо выраженная диастема и др.).

Пэй Вэнь-чжун справедливо рассматривает гигантопитеков как крупных антропоидов, по отдельным признакам приближавшихся к гоминидам, но ни в коем случае не принадлежавших к ним. Мнение Вейденрейха о том, что эти животные были не обезьянами, а древнейшими гигантскими людьми («гигантропами»), не может считаться обоснованным уже

² П. П. Сушкин, Высокогорные области Азии и происхождение человека, «Природа», 1928, № 3, стр. 250—279.

³ Г. Ф. Дебец, Территория СССР и проблема родины человека, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XVII, М., 1952, стр. 3—17.

⁴ G. H. R. Koepig's w a l d, *Gigantopithecus blacki* von Koeningswald, a giant fossil hominoid from the pleistocene of Southern China, «Anthropological papers, American Museum of Natural History», 43, 1952, стр. 291—326; F. Weidenreich, Giant early man from Java and South China, там же, 40, 1945, стр. 1—134.

⁵ Pei Wen-chung, Woo Ju-kang, New materials of *Gigantopithecus* Teeth from South China, «Acta Palaeontologica Sinica», с. 4, № 4, 1956, стр. 477—490 (на кит. яз. с англ. резюме); У Жу-кан, Предварительное сообщение о зубах и нижних челюстях гигантопитека, 1958 (рукопись).

потому, что гигантопитеки напоминают гоминид только по отдельным признакам, отличаясь от них по ряду других, часто очень существенных морфологических особенностей. Против отнесения гигантопитеков к гоминидам или даже их включения в число предков современного человечества говорят, в частности, огромные размеры тела. Мало вероятно, что в дальнейшем они по каким-то причинам сократились: в эволюции животного мира подобные случаи наблюдаются очень редко. В то же время вполне допустимо, что гигантопитеки стояли на пути известного приближения к гоминидам в связи с наземным образом жизни.

Вопрос о геологическом возрасте остатков гигантопитека довольно сложен. Предположение об их принадлежности к так называемой стегодон-аилуроподной фауне, характерной для среднего плейстоцена южного Китая, по-видимому, недостаточно обосновано. Возможно, что кости животных, входивших в состав этой фауны, попали в пещеры Гуанси вторично и совсем не одновременно с костями гигантопитеков. Правильнее связывать последние с зубами мастодонта, который жил на юге Китая не позднее, чем в период раннего плейстоцена⁶. Морфологические признаки гигантопитека показывают, что он мог принадлежать к специализированной ветви понгидов (исчезнувшей, вероятно, уже в первой половине четвертичной эры). Генетически гигантопитек мог быть потомком гигантского индолитека среднесиаликских слоев северной Индии, зубы которого, отличавшиеся огромными размерами, по некоторым признакам сходны с зубами гигантопитека⁷.

Подводя итог всему сказанному о костных остатках дриопитеков и гигантопитеков, обнаруженных за последние годы на юге Китая, следует особо подчеркнуть, что остатки эти — очень веский аргумент в пользу гипотезы о широком расселении в Восточной Азии плиоценовых и раннеплейстоценовых человекообразных обезьян, среди которых могли быть как непосредственные предки гоминид, так и близкие к ним формы, частично развивавшиеся по пути очеловечения, но позднее, вероятно, вымершие. Дальнейшие исследования должны показать, насколько обширен был ареал расселения этих древних антропоидов и насколько он далеко простирался, в частности к северу, на территории современного Китая. Климатические условия того времени во всяком случае допускали обитание теплолюбивых приматов даже в Корее и Монголии.

2

Древнейшими достоверными представителями гоминид в Восточной Азии (исключая Индокитай и Индонезию) были, вне всякого сомнения, синантропы, или пекинские люди (бэйцзинжэн), по терминологии китайских авторов. Костные остатки этих людей были обнаружены большей частью в пещере Юаньжэньдун около Чжоукоудяня, в 54 км от Пекина, китайскими и некоторыми зарубежными исследователями: С 1927 по 1937 г. там было найдено большое количество человеческих костей и зубов, включая 5 почти полных черепов, 9 черепных фрагментов, 14 кусков нижних челюстей и т. д. После Освобождения раскопки, прерванные японской оккупацией, были возобновлены Академией наук КНР. В 1949 и 1951 гг. было обнаружено пять зубов синантропа, одна плечевая и одна большеберцовая кости. Эти находки изучались проф. Цзя Лань-по и одним из авторов настоящей статьи (У Жу-каном); о них опубликовано несколько работ на китайском и английском языках.

⁶ У Жу-кан, Предварительное сообщение о зубах и нижних челюстях гигантопитека.

⁷ Там же.

По новейшим геологическим и палеонтологическим данным костные остатки синантропов должны быть отнесены к концу среднего плейстоцена; они синхронны, по-видимому, второму межледниковому периоду Гималаев. В абсолютных датах это соответствует примерно периоду от 500 до 300 тыс. лет до н. э. Естественно-географические условия, в которых жили синантропы, сравнительно мало отличались от современных; можно предполагать только, что климат северного Китая в то время был несколько более мягким и влажным, чем теперь⁸.

В окрестностях Чжоукоудяня чередовались степные и лесные ландшафты и жили различные животные, связанные как с теми, так и с другими. Вместе с синантропами встречаются кости древних слонов, верблюдов, антилоп, буйволов, носорогов, различных оленей, диких козлов, медведей, махайрдов (саблезубых тигров), гиен, нескольких видов грызунов.

По большинству морфологических признаков синантропы отличались более прогрессивными особенностями по сравнению с жившими несколько ранее яванскими питекантропами. Восстанавливая приближенно полные размеры длинных костей нижних конечностей, советские антрополги вслед за Вейденрейхом определяют средний рост мужских особей синантропа в 162—163 см, а женских — в 152 см⁹. В отличие от питекантропов, синантропы, по-видимому, уже вполне усвоили вертикальную походку, хотя и обладали еще большим количеством примитивных черт в строении скелета, черепа, зубов и мозга. Руки «пекинских людей» были полностью свободны от функций передвижения и всецело использовались для трудовой деятельности. Это доказывается как разнообразием и сложностью орудий, изготавливавшихся синантропами (см. ниже), так и некоторыми особенностями строения их конечностей.

Черепа синантропов — удлиненные, очень низкие, большей частью узколобые; черепные кости отличаются большой толщиной. Лоб, однако, не такой покатый, как у питекантропов. Характерно значительное развитие надглазничного валика, наличие прогнатизма, большая ширина лица в сравнении с высотой, тенденция к широноносости. Жевательный аппарат отличался большей мощностью, чем у современного человека, хотя и был развит слабее по сравнению с питекантропами. Зубы синантропов сохраняли ряд архаических особенностей: коронки моляров были очень массивными — длинными и широкими, но в то же время низкими; на коренных и предкоренных был резко выражен своеобразный рисунок, известный в специальной литературе под названием узора дриопитека. Диастемы, однако, отсутствовали. Очень характерно резкое различие по величине и массивности между мужскими и женскими зубами; различия эти указывают на выраженный половой диморфизм.

Вместимость мозгового черепа синантропов составляла в среднем 1075 см³, тогда как у питекантропов она равнялась 867 см³, а у современных людей — 1400 см³. Отдельные мужские особи «пекинских людей» обладали величиной мозга, встречающейся иногда и у современных людей, — до 1225 см³. Однако форма мозговой полости синантропов сохраняла немало примитивных особенностей. Так, ее высота в процентах длины равнялась только 64,6 (у *Homo sapiens* — 78,7). Передний отдел лобных долей был сильно суженным, теменная область — уплощенной, височные доли — узкими. Все это показывает, что психическая деятельность синантропов, хотя и была несомненно весьма сложной, не до-

⁸ См., например, У Жу-кан и Цзя Лань-по, Новые открытия, относящиеся к *Sinanthropus pekinensis* в Чжоукоудяне, «Acta Palaeontologica Sinica», т. II, № 3, 1954, стр. 267—288 (на кит. яз.); Woo Ju-kan, Chia Lan-po, New discoveries about *Sinanthropus pekinensis* in Choukoutien, «Scientia Sinica», т. III, 1954, стр. 335—351.

⁹ Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин, Основы антропологии, М., 1955, стр. 230; М. Ф. Неструх, Происхождение человека, М., 1958, стр. 258.

стигала еще высокого уровня мышления людей современного вида. По мнению В. В. Бунака, для синантропов (как и для питекантропов) в области мышления были характерны, наряду с разнообразными представлениями, и начальные понятия, а в области речи — выкрики-призывы, находившие выражение в определенных, но еще слабо дифференцированных артикуляциях¹⁰.

В научной литературе вопрос о морфологическом и генетическом соотношении синантропов с другими древнейшими гоминидами получил различное освещение. В то время как Ф. Вейденрейх считал питекантропов, синантропов и даже гейдельбергцев Западной Европы более или менее синхронными формами и различия между ними рассматривал как региональные, по масштабу соответствующие расовым различиям современного человечества¹¹, большинство китайских и советских антропологов видят в «пекинских людях», по сравнению с яванскими обезьяно-людьми, более высоко организованный тип гоминид. Действительно, синантропы, с их большим, чем у питекантропов, объемом мозговой коробки, менее плоским лбом и некоторыми другими относительно прогрессивными чертами, заметно отличаются от питекантропов в сторону приближения к людям современного вида, хотя и включаются в первую «protoантропическую» стадию эволюции гоминид¹².

Что касается расовых различий внутри этой стадии, то огульно отрицать их существование, конечно, не приходится, особенно если принять во внимание огромную территорию расселенияprotoантропов, простиравшуюся от современного Китая (синантропы) и Явы (питекантропы) на востоке до Германии (гейдельбергцы) и Алжира (атлантропы). Нет, однако, серьезных оснований связывать вслед за Вейденрейхом эти древние формы гоминид с определенными современными расами, рассматривая, в частности, синантропов как исходный тип развития всех монголоидов. Как известно, для доказательства специфического родства «пекинских людей» с позднейшими азиатскими и американскими вариантами монголоидной большой расы Вейденрейх указывал на некоторые морфологические признаки, свойственные тем и другим, в особенности на лопатообразную форму верхних наружных резцов и на ореховидные вздутия на внутренней стороне альвеолярного отдела нижней челюсти.

Однако Я. Я. Ротинский обратил внимание на недостаточную обоснованность подобных построений¹³. Оказалось, например, что ореховидные вздутия у современных китайцев встречаются в 15%, у бушменов — в 32%, у древних норвежцев в Гренландии — в 66%. Очевидно, особенность эту никак нельзя считать специфической для монголоидов. Что касается лопатоидности резцов, то она действительно характерна для большинства монголоидных групп, включая и американских индейцев; но зато для синантропов признак этот не является специфичным: он отмечен, например, у некоторых европейских неандертальцев (черепа из Ле Мустье и Крапины), а также на зубах женщины неандертальского типа из грота Табун в Палестине. Современные расы в период жизни синантропов и других protoантропов, надо думать, еще не сложились; формирование их относится к гораздо более позднему времени.

¹⁰ В. В. Бунак, Происхождение речи по данным антропологии, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. серия, т. XVI, М., 1951, стр. 203—290.

¹¹ F. Weidenreich, The skull of *Sinanthropus pekinensis*: a comparative study on a primitive hominid skull, *Palaeontologica Sinica*, Ser. D, № 10, 1943, стр. 1—298.

¹² Woo Ju-kang, Human fossils found in China and their significance in Human evolution, «Scientia Sinica», т. V, 1956, № 2, стр. 389—397.

¹³ Я. Я. Ротинский, Теории монокентризма и поликентризма в проблеме происхождения человека и его рас, М., 1949; его же, Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», стр. 153—204.

Тем не менее морфологическое разнообразие самихprotoантропов никак нельзя игнорировать или сводить только к стадиальному моменту: невозможно ведь построить непрерывный эволюционный ряд, в котором последовательные ступени занимали бы столь удаленные друг от друга виды, как питекантропы, синантропы, атлантропы и гейдельбергцы. Стадиальное развитие в истории этих видов ископаемых сочеталось с локальной дифференциацией. Можно предполагать, что все перечисленные формы древнейших гоминид имели общих предков в лице третичных антропоидов — вероятно, близких к дриопитекам, расселенных на обширной, но все же ограниченной территории в пределах Восточной, Центральной, Южной и Юго-Западной Азии, а, может быть, частично и в пределах Африки. Питекантропы и синантропы были, возможно, потомками наиболее восточных разновидностей этих антропоидов; первые постепенно расселялись из гипотетической человеческой прародины на юго-восток, вторые же — на северо-восток. Ареал превращения обезьяны в человека, как указывалось выше, мог сравнительно близко подходить к территории Китая, а может быть, и захватывать его, по крайней мере частично.

3

Костные остатки синантропов сопровождались, как известно, находками многочисленных каменных орудий, разбитых и обожженных костей животных и золы, что свидетельствует об употреблении огня. Орудия изготавливались как из ядрищ, так и из отщепов; материалом служили различные вулканические породы, роговой камень, тонкозернистый песчаник, кварц и изредка кремень. Форма орудий довольно разнообразна: среди них встречаются дисковидные скребла со слегка ретушированными краями, изделия типа остроконечников и т. п. Наиболее древние поделки обнаружены на дне пещеры Юаньжэньдун в местонахождении № 13 на глубине 4 м; найденные здесь разбитые куски кварца, обожженные кости и грубо обработанные орудия из рогового камня Пэй Вэнь-чжун относит к началу среднего плейстоцена (600—300 тысяч лет до н. э.). Это, по-видимому, самые ранние следы деятельности людей на территории современного Китая¹⁴.

Большинство орудий синантропов найдено, однако, вместе с их костными остатками в той же пещере в местонахождении № 1. Здесь различают 12 слоев, общей толщиной в 5 м; из них три слоя являются основными, они содержат максимальное количество скелетных и хозяйствственно-культурных остатков. Заслуживает особого внимания факт нахождения в верхнем, «травертиновом», слое, состоящем из красных глин и сталагмитовых прослоек, скреблообразных орудий из рогового камня гораздо лучшей выделки по сравнению с инвентарем нижних слоев. Значительный интерес представляют также находки из местонахождений № 15, 4 и 3, датируемые более поздним временем, чем орудия из пещеры Юаньжэньдун (300—200 тыс. лет до н. э.). Среди этих находок обращают на себя внимание остатки страусов и тушканчиков, свидетельствующие о более сухом климате, чем в предшествующие периоды. Орудия труда сходны с найденными в местонахождении № 1. Однако техника обработки камня здесь бесспорно выше; появляются даже некоторые новые типы орудий, например, своеобразные остроконечники с мелкой ретушью. В местонахождении № 15 обнаружены также типичные ручные рубила миндалевидной формы.

Вряд ли можно серьезно считаться со взглядами французского палеонтолога М. Буля и других авторов, которые отрицали принадлежность

¹⁴ Пэй Вэнь-чжу и, Чжунго цзюшицы шидайды вэньхуа (Культура палеолита в Китае), «Чжунго жэнльэй хуашиды фасянь юй яньцзю» (Исследование ископаемых людей в Китае), Сборник статей, 1955, стр. 53—90.

описанных хозяйствственно-культурных остатков синантропам и на этом основании рисовали фантастическую трагедийную картину битвы между лишенными орудий синантропами и вооруженными каменной индустрией и огнем людьми современного вида, будто бы обитавшими на севере Китая в то же время¹⁵. В действительности ни данные стратиграфии, ни какие-либо другие аргументы не могут быть приведены против принадлежности чжоукоудянских орудий «пекинским людям». Многие исследователи, как, например, Пэй Вэнь-чжун¹⁶, Х.-М. Мовиус¹⁷ и др., выделяют даже в северном Китае особую раннепалеолитическую «культуру синантропов», или «чжоукоудянскую культуру».

Орудия этой культуры обнаруживают определенное сходство с инвентарем других нижнепалеолитических культур Юго-Восточной и Южной Азии — «патжитанской» на Яве, «тампанской» на Малакке, «аньятской» в Верхней Бирме и «соанской» в Панджабе. Основными типами индустрии всех этих культур Мовиус считает грубые рубящие орудия разной формы, обработанные, в отличие от европейских ручных рубил, только с одной стороны (*chopping tools*). Он выделяет даже особую восточноазиатскую культурную провинцию, противопоставляя ее другой провинции нижнего палеолита, охватывающей юг Индии, Переднюю Азию, Африку и Западную Европу и характеризующейся «классическими» ручными рубилами.

Вопрос о территориальных вариациях нижнепалеолитических культур до сих пор не может считаться окончательно решенным. Нельзя считать, что ручные рубила шелльского и ашельского облика совершенно отсутствуют в восточноазиатских стоянках этого периода. О наличии подобных орудий в одной из пещер Чжоукоудяня уже говорилось выше. Еще чаще встречаются они на стоянках патжитанской культуры на Яве. Попадаются ручные рубила и в составе хозяйственного инвентаря тампанских, аньятских и соанских местонахождений. В то же время в нижнепалеолитических стоянках Европы найдено немало орудий, обработанных только с одной стороны, сходных с восточноазиатскими «*chopping tools*»¹⁸. Приходится, таким образом, говорить не о специфичности орудий определенных типов для восточной и западной частей нижнепалеолитической эйкумены, а только об их преобладании в пределах этих частей. Связывать такое преобладание с различным расовым составом населения нет оснований. Зато следует обратить внимание на материал, служивший для изготовления орудий: в Европе таким материалом был главным образом кремень, хорошо поддающийся обработке, в Восточной же Азии, где кремня было мало, гораздо чаще использовались и другие породы, менее «податливые» для обработки¹⁹.

Существовали, конечно, и стадиальные различия нижнепалеолитических культур, поскольку уровень развития производительных сил, составляющий их основу, не мог быть везде одинаковым на протяжении нескольких сотен тысячелетий. Даже в Чжоукоудяне можно наблюдать постепенный прогресс в технике, если сравнивать инвентарь более ранних и более поздних местонахождений. В целом же орудия синантропов хотя и являются «примитивными» по сравнению с инвентарем позднейших палеолитических культур, но отнюдь не могут рассматриваться в качестве первоначальных изделий человеческих рук. Орудия эти могли возникнуть только в результате длительного развития

¹⁵ М. Вуоле, *Les hommes fossiles, Eléments de paléontologie humaine*, Paris, 1921.

¹⁶ Пэй Вэнь-чжун, Указ. раб.

¹⁷ Н. Л. Мовиус, *Early man and pleistocene stratigraphy in Southern and Eastern Asia*, «*Papers Peabody Museum American Archeology and Ethnology*, Harvard University», XIX, № 3, 1944.

¹⁸ С. Н. Замятин, О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества».

¹⁹ Пэй Вэнь-чжун, Указ. раб.

техники обработки камня; им должны были предшествовать еще более простые изделия, на территории Восточной Азии пока не обнаруженные.

Такой вывод хорошо согласуется и с данными палеоантропологии, так как синантропов ни в коем случае нельзя считать представителями самого раннего этапа антропогенеза; средиprotoантропов они являются, скорее, наиболее поздними формами. Сложным и по-своему высоко развитым был также образ жизни «пекинских людей». Главным источником их существования была, вероятно, охота на крупных животных, в первую очередь на различных оленей, которых промышляли у водопоеев и водных переправ во время сезонных передвижений. Из мелких животных объектами охоты служили преимущественно грызуны. Значительную хозяйственную роль играло также собирание съедобных корней и клубней, плодов и ягод. Скопление костных остатков синантропов и хозяйственного инвентаря в пещерах Чжоукоудяня свидетельствует о том, что они жили здесь в течение большого промежутка времени крупным коллективом, имевшим уже, конечно, какую-то общественную организацию.

До сих пор остается нерешенным вопрос о границах расселения синантропов (или других protoантропов) на востоке Азии. Очень вероятно, что на территории современного Китая к самому концу этой стадии эволюции древних гоминид относится также череп, найденный в июне 1958 г. в одной из пещер около села Мапа²⁰ в уезде Чуцзян, на севере провинции Гуандун. Сопутствующая фауна позволяет высказать предположение о среднеплейстоценовом возрасте этой находки. Черепная крышка сохранилась полностью; она отличается массивностью и большой толщиной костей, низким сводом, очень покатым лбом, резко выраженным надглазничным валиком. От лицевой части черепа дошли до нас, к сожалению, только отдельные обломки костей. Орудий с черепом из Мапа найдено не было. Геологические и сравнительно-морфологические данные указывают, что череп этот — вероятно, самый древний в Китае после синантропа. Таким образом, по палеоантропологическим и археологическим данным можно предполагать, что древнейшие люди жили в северном и южном Китае, в некоторых районах Индокитая (Бирма, Малакка), а также в Индонезии (Ява, Суматра, Сулавеси). Были ли в эпоху нижнего палеолита населены людьми также территории, расположенные между этими странами? Вещественных материалов, позволяющих дать на поставленный вопрос безоговорочно положительный ответ, в нашем распоряжении пока нет. Но общие историко-географические соображения свидетельствуют скорее всего в пользу гипотезы о существовании уже тогда сплошного ареала расселения людей, который в пределах Восточной и Юго-Восточной Азии охватывал, вероятно, как север, так и юг Китая, простираясь отсюда через Индокитайский полуостров к Малайскому архипелагу, составлявшему тогда еще часть материка.

Пока еще очень немногочисленны в Восточной Азии костные остатки гоминид следующей за древнейшими людьми, или protoантропами, стадии развития — ступени «древних людей», или «палеоантропов». В Китае самым древним представителем этой ступени является, по-видимому, так называемый чанъянский человек, костные остатки которого — фрагмент левой верхней челюсти с двумя зубами (P_1 и M_1) и отдельный премоляр (левый P_2) — были найдены в 1956 г. в пещере Лундун в уезде Чанъян провинции Хубэй. Сопровождающая фауна (стегодон-аилуроподного типа) позволяет датировать чанъянскую находку средним плейсто-

²⁰ Предварительное изучение этого черепа проведено в сентябре 1958 г. проф. У Жу-каном, который выезжал на место раскопок.

ценом, скорее всего самым его концом²¹. Морфологически челюсть и зубы чанъянца обнаруживают ряд примитивных особенностей, позволяющих сближать их с соответствующими костными остатками неандертальцев и близких к ним форм, в частности родезийцев. К числу таких примитивных признаков чанъянского человека относятся, например, большие размеры моляра и премоляров, прямоугольно-вытянутая форма их коронок, очень сильное развитие зубных корней и т. д. Все же по сравнению с синантропом чанъянец является относительно более прогрессивной формой древних гоминид.

К палеантропам относится, по-видимому, и динцуньский человек (динцуньжэнь), три зуба которого (два верхних правых резца и нижний правый второй коренной) были найдены в ноябре 1954 г. около деревни Динцунь в провинции Шаньси²². Зубы эти принадлежали, по всей вероятности, ребенку 12—13 лет. Геологические и палеонтологические данные позволяют датировать местонахождение поздним плейстоценом, или «периодом лёсса», очень характерным для северного Китая (150—100 тыс. лет до нашего времени). Предположение Цзя Лань-по о более раннем — среднеплейстоценовом — возрасте динцуньца недостаточно обосновано, и большинством китайских палеонтологов и археологов в настоящее время отвергается.

Морфологическая характеристика динцуньских находок затрудняется их фрагментарностью и принадлежностью молодому субъекту. Несомненно все же, что зубы ребенка из Динцуня сравнительно с зубами синантропов соответствующего возраста были небольшими. Во многих отношениях резцы и моляр динцуньца напоминают аналогичные зубы неандертальских детей. Сближающими особенностями являются здесь некоторые примитивные признаки, вроде базальных бугорков на внутренней поверхности резцов или более сложного, чем у современных людей, рисунка на жевательной поверхности моляра («узор дриопитека»). Должна быть отмечена также лопатообразная форма резцов динцуньца, характерная, как известно, в эпоху нижнего палеолита для синантропов, а в более поздние исторические периоды — для большинства представителей монголоидной большой расы. В целом динцуньские находки занимают, по всей вероятности, в эволюционном ряду восточноазиатских гоминид промежуточное положение между «пекинскими» и современными людьми.

В Динцуне вместе с костными остатками человека найдены многочисленные каменные орудия, изготовленные преимущественно из роговика. Среди них встречаются обработанные как с одной, так и с обеих сторон. Некоторые орудия напоминают европейские ручные рубила, другие же обнаруживают определенное сходство с мустескими скреблами и остроконечниками. Встречаются также формы, близкие к чжоукоудяньским. Китайские археологи выделяют даже особую «динцуньскую культуру», которая большинством исследователей рассматривается как среднепалеолитическая, значительно более поздняя по сравнению с культурой синантропов. Однако различия между чжоукоудяньскими и динцуньскими орудиями могут иметь не только стадиальный, но и локально-географический характер.

Все же стадиальному моменту надо в этом случае несомненно отдать пальму первенства. Сравнение чжоукоудяньского и динцуньского инвентаря показывает, что первый относится ко второму примерно так же, как нижнепалеолитические (шэльские и ашельские) орудия Европы к сред-

²¹ Chia Lan-po, Notes on the human and some other mammalian remains from Changyang Hupei, «Vertebrata Palasiatica» т. I, 1957, No 3, стр. 247—257 (на кит. и англ. яз.).

²² Pei Wen-chung, Woo Ju-kang, Chia Lan-po, Chow Ming-ch'en, Liu Hsien-ting and Wang Chien-yi, Report on the excavation of palaeolithic sites at Tingtsun, Hsiangfenhsien, Shansi province, China, «Institute of vertebrate Palaeontology, Academia Sinica», 1958, No 2 (на кит. и англ. яз.).

непалеолитическим (мустьерским). Совершенно ясно выступает переход от грубых орудий неопределенных форм к лучше оформленным предметам, по всей вероятности с уже вполне установленной функцией. Морфологическое сопоставление зубов динцуньского ребенка с зубами детей синантропов также допускает гипотезу о генетическом родстве обеих форм. Вполне возможно, что динцуньцы были потомками синантропов или сравнительно близких к ним разновидностей древнейших гоминид. Географические соображения не противоречат, очевидно, такому допущению: Чжоукоудянь и Динцунь расположены не так уж далеко друг от друга, в одной ландшафтно-климатической зоне.

К палеантропам может быть отнесен также хэтаоский, или ордосский, человек, костные остатки которого обнаружены в среднепалеолитических стоянках Внутренней Монголии. Еще в 1922 г. французские археологи Лисан и Тейяр-де-Шарден нашли на стоянке Сараоссогол в районе Ордоса (Хэтао) верхний левый боковой резец ребенка 7—8 лет²³. Общие размеры этого зуба напоминают современные, но на его лингвальной поверхности находится выступающий базальный бугорок (*tuberculum dentale*) — особенность, которая обычно рассматривается как примитивная. Форма резца — лопатообразная, такая же как у синантропов и динцуньского ребенка²⁴. Вообще сходство хэтаоского резца с динцуньскими поразительно; несмотря на фрагментарность находок оно позволяет говорить о близком генетическом родстве обеих разновидностей восточноазиатских древних людей, обитавших почти одновременно в сходных естественно-географических условиях, сравнительно недалеко друг от друга.

В 1957 г. в районе Сараоссогола были обнаружены новые остатки хэтаоского человека — теменная и бедренная кости, — пролежавшие в земле примерно 70—100 тыс. лет. Теменная кость была извлечена из почвы террасовидного сброса речной долины. От поверхности земли она находилась на глубине 35,5 м. Эта теменная кость толще, чем соответствующая кость современного человека, но тоньше такой же кости синантропа. На внутренней поверхности ее заметны отпечатки артериального разветвления. Оно расположено в центре передней половины теменной кости, тогда как у синантропа артериальное разветвление сдвинуто к середине кости, а у современного человека — к ее передней части. Таким образом, по рассматриваемому признаку хэтаоский человек занимает промежуточное положение между синантропом и современным человеком²⁵.

Археологическая датировка хэтаоских находок довольно затруднительна, так как каменная индустрия палеолитических стоянок Ордоса носит очень сложный, как бы «противоречивый» характер. Условия залегания этой индустрии и состав сопровождающей фауны указывают на глубокую древность; здесь найдены кости слона, близкого к мамонту, носорога, дикого быка, газели, а также фрагменты скорлупы страусовых яиц. Материалом для изготовления орудий служили преимущественно грубые кварцевые гальки или валуны кремневого известняка. Нуклеусы имели в большинстве случаев типично мустьерскую форму, а из сколотых с них пластин выделялись скребла и остроконечники, также имевшие мустьерский облик. Но эти грубые орудия сопровождались в стоянках Хэто изделиями верхнепалеолитического типа, в том числе миниатюрами

²³ E. L. L. P. Teilhard de Chardin and Davidson Black, On an presumably pleistocene human tooth from the Sjara-ossogol (south-eastern Ordos) deposits, «Bulletin Geological Society of China», 5, 1926, стр. 285—290.

²⁴ Woo Ju-kang, Human fossils found in China and their significance in human evolution, стр. 289—397.

²⁵ Woo Ju-kang, Fossil human parietal bone and femur from Ordos, Inner Mongolia «Vertebrata Palasiatica», т. II, № 4, 1958 (на кит. и англ. яз.).

ными поделками геометрических очертаний, напоминающими микролиты западной части первобытной эйкумены²⁶.

Наибольшего внимания из хэтаоских стоянок заслуживают две: Шуйдункоу и уже знакомая нам Сараоссогол, на которой был найден описанный выше зуб ребенка. Первая из этих стоянок доставила, наряду с относительно небольшим числом костей животных (носорог, бык, пещерная гиена, антилопа и др.), огромное количество каменных орудий крупного размера, преимущественно скребл. На второй стоянке, наоборот, были весьма обильны остатки животных тех же видов, но почти отсутствовали крупные орудия, а собранные в небольшом количестве обработанные кремни все были очень мелки. Причину разницы в облике и количестве изделий обеих стоянок надо, возможно, искать в том, что Шуйдункоу расположена в местности, богатой галечниками из пород, служивших материалом для изготовления орудий, тогда как Сараоссогол находится в районе мощного развития лёссовых отложений, где нельзя встретить даже самой мелкой гальки какой-либо плотной породы. Определенную роль в различиях инвентаря Шуйдункоу и Сараоссогола могли, впрочем, играть и хронологические моменты. В схеме археологической периодизации древних культур Китая, составленной Пэй Вэнь-чжуном, стоянка Шуйдункоу рассматривается как более древняя, относящаяся к концу среднего палеолита (около 120—100 тыс. лет до н. э.). Стоянка Сараоссогол датируется приблизительно 100—80-м тысячелетием до н. э. Она помещается на грани между средним и верхним палеолитом. Обе стоянки Пэй Вэнь-чжун относит к особой «хэтаоской культуре», возникшей в бассейне Хуанхэ еще в начале среднего палеолита и прогрессивно развивавшейся вплоть до порога поздней поры древнекаменного века. Очень важно подчеркнуть в данном случае именно непрерывность развития северокитайского среднего палеолита на протяжении по крайней мере 40—50 тыс. лет²⁷.

Скудость костных остатков восточноазиатских палеоантропов мешает решению вопроса об их отношении к древним людям других частей эйкумены — неандертальцам и близким к ним «неандерталоидным» формам. Однако морфологически промежуточное положение чанъянцев, динцуньцев и ордосцев между синантропами и современными людьми позволяет выдвинуть гипотезу о существовании в Восточной Азии «своих» неандертальцев — потомковprotoантропов и предков неоантропов. Наличие же у динцуньцев и хэтаосцев некоторых прогрессивных особенностей строения зубов наводит на мысль об их принадлежности к группе «прогрессивных неандертальцев», вроде широко известных находок из среднепалеолитических местонахождений Палестины. Если эта гипотеза будет подтверждена более полными палеоантропологическими материалами, можно будет с большой долей вероятности утверждать, что территория современного Китая входила, по крайней мере частично, в область формирования *Homo sapiens*.

5

Костные остатки людей современного вида или «неоантропов», живших в эпоху верхнего (позднего) палеолита, были обнаружены на востоке азиатского материка, главным образом в самые последние годы. Наиболее древней из находок этой стадии развития гоминид является, по всей вероятности, череп, найденный в 1951 г. в полукилометре к западу от города Цзыяна в провинции Сычуань при реконструкции железноз-

²⁶ Пэй Вэнь-чжун, Указ. раб.

²⁷ Там же.

дорожной линии Чэнду — Чунцин²⁸. Мозговая коробка у этого черепа сохранилась почти полностью, но лицевые кости отсутствуют, за исключением части верхней челюсти с костным нёбом и несколькими альвеолярными отростками, в одном из которых сохранился корень второго левого премоляра. Череп из Цзыяна — небольшой, с сильно выступающими теменными буграми; первоначально его считали детским, но теперь китайские антропологи пришли к заключению, что он принадлежал пожилой женщине. В пользу такого предположения свидетельствуют глубокие отпечатки мозговых извилин на внутренней поверхности черепа, а также следы застарелой многолетней болезни зубов (поражение зубных каналов). По общему облику цзыянский череп относится несомненно к современному виду человека (*Homo sapiens*), обнаруживая в то же время значительное развитие надбровных дуг, заметную выраженность сагittalного гребня и некоторые другие особенности, частые у палеоантропов.

О расовой принадлежности цзыянского черепа судить нелегко из-за почти полного отсутствия лицевых костей. Мысль чунцинского антрополога проф. Фун Хань-ци о пигмеоидности этой находки не может считаться хорошо обоснованной²⁹. Большего внимания заслуживают данные о сходстве человека из Цзыяна с некоторыми ранними представителями монголоидной большой расы, в особенности с шандунскими людьми северного Китая (см. ниже). Сближающими чертами являются здесь такие признаки, характерные для цзыянского черепа, как широкие и глубокие предносовые ямки на верхней челюсти, относительно высокое переносье (при общей широконосости), сагиттальное крышеобразное поднятие черепной крышки (типично, в частности, для эскимосов), уплощенность теменных костей по обе стороны сагиттального шва и некоторые другие.

Наибольшая длина цзыянского черепа — 169,3 мм, наибольшая ширина — 131,1 мм, черепной указатель — 77,4 (мезокрания). Ушная высота — 110 мм, ее отношение к ширине — 84% (у современных людей в среднем 85,3%, с пределами вариаций 75,6 — 93,2%). Череп, таким образом, небольшой по абсолютным размерам, умеренно удлиненный, очень узкий, относительно немного более низкий, чем у большинства современных людей. Черепной свод цзыянской женщины должен быть, однако, признан довольно высоким; лоб у нее был слабо покатым, лобные и теменные бугры сильно выступали. Все эти черты, особенно в сочетании с общим грацильным обликом, в большей мере сближают цзыянского человека с тихоокеанскими (юго-восточными) монголоидами, чем с монголоидами континентальными (северными).

Костные остатки животных, обнаруженные вместе с цзыянским черепом, могут быть разбиты, по данным Пэй Вэнь-чжуна, на две группы: позднеплейстоценовую, синхронную находкам человека, и среднеплейстоценовую, обитавшую в Сычуани в более древние эпохи и попавшую в цзыянское местонахождение уже вторично в сильно минерализованном состоянии. К первой группе, имеющей для палеоантропологии Восточной Азии наибольший интерес, относятся кости и зубы мамонта, лошади, кабарги; во вторую группу входят остатки стегодонов, носорогов, различных оленей. В обеих группах представлены такие животные, как тигр, гиена, кабан, некоторые грызуны (в том числе дикобраз). Обращает на себя внимание большое количество видов, живущих или живших в прошлом в условиях открытых — парковых и степных — ландшафтов умеренного пояса.

²⁸ Pei Wen-chung, Woo Ju-kan g. Tzeyang paleolithic man. «Institute of Vertebrate Palaeontology, Academia Sinica». 1957, No 1 (на кит. и англ. яз.). См. также рецензию на эту работу (как и на книгу, указанную в примечании 22) В. П. Якимова в журн. «Сов. антропология», 1959, № 1, стр. 141—144.

²⁹ Устное сообщение проф. Пэй Вэнь-чжуна и проф. У Жу-кана.

Из орудий труда в цзыянском местонахождении было найдено только небольшое костяное шило. По свидетельству Пэй Вэнь-чжуна, оно имеет очень архаичный облик и заметно отличается от более поздних неолитических форм короткой заостренной частью. Несмотря на единичность этой находки, она представляет огромный научный интерес, так как свидетельствует о знакомстве цзыянского человека с обработкой кости. В целом костные и культурные остатки цзыянцев являются пока единственным бесспорным доказательством обитания в начале позднего палеолита людей современного вида на территории среднего Китая. Вероятно, что люди эти, бывшие потомками «прогрессивных» палеантропов типа динцуньцев и хэтаосцев, обладали уже некоторыми чертами монголоидной расы, находившейся тогда в процессе формирования.

В более позднюю эпоху по сравнению с цзыянцем жил, по-видимому, лэйпинский человек, костные и культурные остатки которого были найдены в 1956 г. Цзя Лань-по в уезде Лэйпин провинции Гуанси³⁰. Обнаружена разбитая на три куска нижняя часть черепа (обе половины верхней челюсти, правая скуловая, нёбная и затылочная кости). По степени стертости зубных коронок можно предполагать, что остатки принадлежали взрослому человеку, вероятно мужчине. Расовая принадлежность лэйпинца вряд ли может быть в настоящее время определена, хотя отнесение его к людям современного вида не вызывает никаких сомнений. Из поделок найдено два отщепа со следами обработки и орудие из кварцитовой гальки. Предположительная датировка лэйпинца позднеплейстоценовым временем основана всецело на геологических и палеонтологических материалах. Однако сам факт нахождения позднеплейстоценового представителя неоантропов на территории провинции Гуанси (с февраля 1958 г.—Гуанси-Чжуанская автономная область) представляет огромный историко-географический интерес, так как свидетельствует, подобно цзыянской находке, о том, что в рассматриваемую эпоху люди современного вида уже заселяли средний и южный Китай.

В данной связи очень интересно отметить, что, по мнению Пэй Вэнь-чжуна, к позднему палеолиту должна быть отнесена некоторая часть хозяйствственно-культурных находок, сделанных в последние годы китайскими археологами в пещерах той же провинции Гуанси³¹. Находки эти включают многочисленные каменные орудия, изготавливавшиеся главным образом из расколотых галек и нередко имевшие форму топоров или тесел. Найдены были в гуансиjsких пещерах и костяные орудия, в том числе проколки позднепалеолитического облика, очень напоминающие описанное выше шило из цзыянского местонахождения. Орудия эти принадлежали, по всей вероятности, первобытным охотникам и собирателям, жившим на опушках тропических лесов, а также по берегам многочисленных рек и озер южного Китая. Здесь можно было собирать раковины с заключенными в них съедобными моллюсками, плоды деревьев, ягоды и птичьи яйца, ловить рыбу, охотиться на мелких, а иногда и крупных животных, даже на слонов и носорогов.

Южнокитайские верхнепалеолитические (а также и более поздние мезолитические) хозяйствственно-культурные остатки обнаруживают значительное сходство (хотя и не тождество) с более или менее синхронными находками, сделанными на севере Вьетнама, особенно в пещере Кеофай в горах Баксона. Более отдаленные, но все же вполне определенные

³⁰ Woo Ju-kang, Chia Lan-po, Fossil human skull base of late paleolithic stage from Chilinshan, Leipin district, Kwangsi province, «Vertebrata Palasitica», т. III, 1959, No 1.

³¹ Устное сообщение проф. Пэй Вэнь-чжуна. Н. Н. Чебоксаров имел возможность познакомиться с этими поделками (как и с другими описанными в настоящей статье палеантропологическими и археологическими находками) во время работы в КНР в 1956—1958 гг.

аналогии прослеживаются между этими остатками и позднепалеолитическим инвентарем южного Индокитая, Индонезии и даже Австралии. Очень похожими на поделки из Юго-Восточной Азии оказываются, частности, древнейшие каменные орудия австралийского континента в особенности своеобразные рубила, сделанные из овальных кварцитовых галек, обработанных грубой ретушью по одному поперечному краю. Раньше эти были широко распространены в Австралии в эпоху первоначального освоения ее людьми³². Вполне возможно, что указанные аналогии не являются только конвергентными, но свидетельствуют о реальных генетических связях древнейших австралийцев с позднепалеолитическим населением Юго-Восточной Азии, откуда и происходило, по всем данным первоначальное заселение австралийского материка. О том же говорят, вероятно, и австралийские морфологические особенности древних (позднепалеолитических?) черепов из Вадьяка на Яве, описанных Е. Дюб еще в 1922 г.³³.

6

Наиболее многочисленные остатки позднепалеолитических людей были в пределах Восточной Азии обнаружены на севере Китая, около Чжоукоудяня, близ Пекина — там же, где были найдены кости синантропов. Здесь в так называемой Верхней пещере (по-китайски — Шандиндуна) Пэй Вэнь-чжун еще в 1933 г. нашел скелетные остатки по крайней мере семи особей, датируемые им по геологическим, палеонтологическим и археологическим данным концом древнекаменного века (50—25 тыс. лет до н. э.)³⁴. Из шандиндуńskих черепов лучше сохранились три: один мужской и два женских. Как ни мал количественно этот материал, он все же позволяет судить не только о стадиальных, но и о расовых особенностях населения рассматриваемой территории в эпоху позднего палеолита.

Мужской череп из Шандиндуна, обозначенный Вейденрейхом № 101, отличается значительной массивностью, крупными абсолютными размерами и большой вместимостью мозговой коробки (около 1500 см³). Череп этот долихокранный, с огромным продольным диаметром (204 мм), умеренной шириной и довольно большой высотой (135 мм). Обращают на себя внимание сильно наклонный лоб и резко выраженное надбровье. Лицо высокое и в то же время широкое. Глазницы низкие, прямоугольной формы. Носовые кости выступают умеренно, ширина носа значительна. Отчетливо выражен альвеолярный прогнатизм. Женские черепа в общем сходны с мужскими в таких признаках, как крупные абсолютные размеры, наклонный лоб, значительная ширина лица, низкие глазницы, альвеолярный прогнатизм и др. Естественно, что женские черепа по сравнению с мужскими характеризуются меньшей массивностью³⁵.

Если принадлежность шандиндуńskих черепов человеку современного вида (*Homo sapiens*) и не вызывала никаких сомнений, то вопрос об их расовой диагностике получил в специальной литературе различное освещение. Описавший эти черепа Вейденрейх указывает на сходство мужского черепа с верхнепалеолитическими черепами Западной Европы,

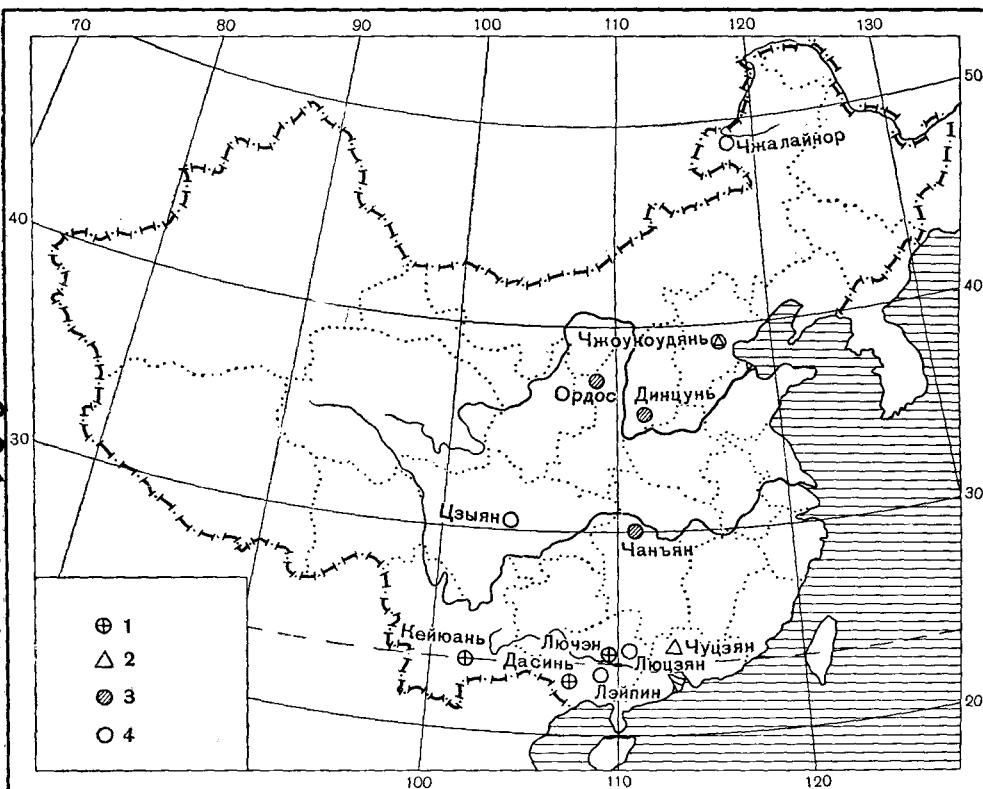
³² См., например, А. П. Окладников, Палеолит в Юго-Восточной Азии. Заселение Америки и Австралии человеком. В кн.: «Всемирная история», т. I, М., 1955, стр. 81—88.

³³ E. Dubois, The proto-australian fossil man of Wadjak, Java, «Koninkl. Akad. von Wetenschappen, Proceedings of the Section of Sciences», XXIII, 2, No 7, 1922.

³⁴ Pei Wen-chung, On the Upper Cave industry, «Peking Natural History Bulletin», XIII, 1939, стр. 175—179.

³⁵ F. Weidenreich. On the earliest representatives of modern mankind recovered on the soil of East Asia, «Peking Natural History Bulletin», т. XIII, 1939, стр. 161—174.

отмечая вместе с тем ряд монголоидных его особенностей: выступание вперед скапловых дуг, очень узкие носовые косточки, сильное развитие предносовых ямок (*fossae praenasales*) и др. Вместе с тем из женских черепов Вейденрейх сближает один (обозначенный № 102) с меланезийцами, а другой (№ 103) — с эскимосами. Сходство с меланезийцами устанавливается на основании исключительной высоты черепа № 102 при малой ширине (высотно-поперечный указатель 110), альвеолярного

Местонахождения костных остатков антропоидов и палеолитических людей в Китае:
1 — антропоиды; 2 —protoантропы; 3 — палеоантропы; 4 — неоантропы

Составил У Жу-кан

прогнатизма, значительной широконосости. «Эскимоидность» второго женского черепа (№ 103) доказывается будто бы крышеобразной формой черепного свода, долихокранией, крупным высотным диаметром и сравнительно невысоким носовым указателем.

Таким образом, получается парадоксальный вывод, что население одной пещеры состояло из представителей трех различных рас,— факт настолько необыкновенный, что Вейденрейх для придания ему хотя бы внешней правдоподобности рисует фантастическую историю похищения монголоидным мужчиной двух женщин — «эскимоски» и «меланезийки». Однако вся эта романтика первобытного «гарема» выглядит крайне неубедительно: она интересна только как пример того, куда приводит метафизическое представление об абсолютной стабильности расовых признаков на протяжении десятков тысячелетий. В действительности «мозаичность» признаков на трех шандунских черепах находит себе совсем другое объяснение. Несомненно, что многие морфологические особенности указанных черепов не должны рассматриваться как расово

специфичные для них, так как признаки эти характерны, насколько мы знаем, для позднепалеолитических неоантропов во всей области их расселения³⁶.

Правда, монголоидные черты мужского черепа № 101, правильно подмеченные Вейденрейхом, заслуживают того, чтобы быть специально подчеркнутыми. Но в полном соответствии с этими чертами находятся и аналогичные особенности женского черепа № 103, по Вейденрейху — «эскимоидного». Ведь и эскимосы — тоже монголоиды, к тому же сохранившие много древних морфологических признаков! Даже «меланезийский» череп № 102 по крупным абсолютным размерам лица, большой вместимости и некоторым другим особенностям обнаруживает скорее «монголоидность», чем «меланезоидность». Укажем хотя бы, что на черепе № 102 продольный и поперечный диаметры — 196 и 156 *мм*, тогда как на черепе № 103 («эскимоидном») они соответственно равны — 184 и 131 *мм*. Альвеолярный прогнатизм — и тот у «меланезийки» Вейденрейха выражен немногого слабее, чем у «эскимоски» (80 и 79°).

Как же все-таки объяснить наличие на шандиндуных черепах таких особенностей, как широконосость и альвеолярный прогнатизм, казалось бы не свойственных «классическим» монголоидам? Прежде всего следует подчеркнуть, что оба эти признака, даже в их сочетании, широко распространены среди несомненно монголоидных типов Юго-Восточной и Восточной Азии разных эпох. Вейденрейху помешало правильно определить место описанных им черепов в систематике гоминид и то, что он исходил из сопоставления их с современными, и притом очень специфическими и узко локальными географически, расовыми типами эскимосов и меланезийцев. В нерезкой дифференцированности расовых особенностей шандиндуных черепов отразились, по-видимому, общие закономерности формирования основных расовых типов *Homo sapiens*. Можно предполагать, что среди позднепалеолитического населения из Верхней пещеры мы имеем представителей того периода в развитии монголоидов, когда многие из характерных признаков этой большой расы еще не успели сформироваться.

В то же время необходимо отметить, что при общей слабой дифференцированности монголоидных особенностей шандиндуных черепов на них уже можно обнаружить некоторые специфические признаки, характерные для тихоокеанских (юго-восточных) монголоидов, в более поздние эпохи широко распространенных среди населения почти всех восточноазиатских стран — Китая, Кореи и Японии. Такими «тихоокеанскими» чертами шандиндуцев являются значительная высота мозговой коробки (136—150 *мм*), альвеолярный прогнатизм и некоторая тенденция к широконосости. Если же учесть большую высоту лица всех шандиндуных черепов (69—77 *мм*), то наиболее близкие аналогии им мы найдем только в Восточной Азии и полярной Америке среди древних краинологических серий эпохи неолита и палеометалла, а также среди современных северных китайцев, корейцев, маньчжур, нанайцев (гольдов), чукчей и эскимосов. Очень возможно, что люди, обитавшие в конце древнего каменного века на севере Китая, были предками позднейших человеческих коллективов, на основе которых сложились восточные, а может быть, и северо-восточные (арктические) монголоидные группы расовых типов³⁷.

³⁶ М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», стр. 329—330.

³⁷ Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении китайцев, «Сов. этнография», 1947, № 1, стр. 30—70; его же, Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии, Труды Ин-та этнографии, Новая серия, т. II, М.—Л., 1947, стр. 24—83; его же, Северные китайцы и их соседи (Исследование по этнической антропологии Восточной Азии), «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. V, 1949.

Большой интерес шандунские находки представляют и для проблемы первоначального заселения Америки. Дело в том, что характерное для шандунцев сочетание слабо дифференцированных монголоидных черт с высокоголовостью, альвеолярным прогнатизмом и тенденцией к широконосости очень распространено также среди древних и современных расовых типов коренного населения американского континента. Очень вероятно, что Америка была заселена в самом конце позднего палеолита через Берингов пролив или перешеек именно восточными высокоголовыми монголоидами, постепенно продвигавшимися на север из Китая вдоль берегов Тихого океана. Если эта гипотеза верна, то вполне естественное объяснение получает и пресловутая «эскимоидность» (может быть, правильнее сказать «америкоидность») одного из женских шандунских черепов.

Сопоставление шандунских черепов с цзыянским позволяет наметить, как уже указывалось выше, непосредственные генетические связи между этими двумя разновидностями позднепалеолитических гоминид Восточной Азии. Сравнение же цзыянских неоантропов с хэтаоскими и динцуньскими палеоантропами, а также с пекинскимиprotoантропами, как мы знаем, определенно свидетельствует в пользу гипотезы о непрерывности процессов антропогенеза и расогенеза на востоке Азии в течение всей второй половины плейстоцена. Учитывая новейшие палеоантропологические находки китайских ученых, можно считать весьма вероятным, что материковая часть Восточной Азии, и в первую очередь территории современного Китая, входила, по крайней мере частично, в зону сапиентации, т. е. формирования людей современного вида. Географические границы этой зоны сапиентации при современном уровне развития антропологии можно наметить только в самых общих чертах. Не касаясь здесь сложного вопроса о западных ее пределах в Африке и Европе, можно все же предполагать, что она охватывала какую-то часть Юго-Западной Азии, где в Палестине найдены, как известно, костные остатки наиболее «прогрессивных» неандертальцев. Отсюда через Иран и северную Индию ареал формирования *Homo sapiens* мог простираться далеко на восток вплоть до мест находок восточноазиатских палеоантропов (Чанъян, Динцунь, Хэтао) и их вероятных потомков — восточноазиатских неоантропов (Цзыян, Лэйпин, Шандун).

7

Наличие прямой преемственности между ранне- и позднепалеолитическим населением Восточной Азии подтверждается также археологическими материалами, в частности хозяйственно-культурными остатками деятельности шандунских людей. По данным Пэй Вэнь-чжуна, в Верхней пещере чжоукоудяньского местонахождения были в большом количестве обнаружены разнообразные каменные орудия из кварцитовых пластин, костяные и роговые изделия, в том числе полированные куски оленых костей и рогов (один из которых напоминает «начальнические жезлы» европейского палеолита), а также различные орнаментированные предметы³⁸. Среди последних особенно интересны крупные каменные «бусины» с отверстиями, просверленные клыки оленя, лисы, дикой кошки и других хищников, костяные подвески, просверленные речные и морские раковины, доставленные сюда с морского берега за несколько десятков километров. В целом индустрия Шандуна производит впечатление очень поздней, вероятно близкой к переходному периоду от палеолита к мезолиту.

³⁸ Pei Wen-chung, On the Upper Cave industry...

Основным занятием древних шандунцев были рыболовство и собирательство съедобных речных моллюсков. Определенную хозяйственную роль играла также охота преимущественно на степных животных, в первую очередь на оленей различных видов.

Жилищем служили пещеры; могли, впрочем, существовать и летние временные шалаши. Одежду шили, вероятно, из шкур животных. Основной общественной ячейкой, по мнению китайских археологов, был материнский экзогамный род. Погребения с охрой и многочисленными украшениями свидетельствуют о развитии религиозных представлений. Очевидно, шандунцы были одним из наиболее развитых позднепалеолитических коллективов, до настоящего времени известных по археологическим раскопкам.

Определенное сходство с шандунской индустрией обнаруживают орудия из позднепалеолитических стоянок Сибири, в особенности крупные массивные скребла и остроконечники, а также рубилообразные орудия раннепалеолитического облика, так долго дававшие повод преувеличивать древность этих памятников. Как известно, подобные же орудия встречаются, наряду с «микролитами», и на стоянках Хэто, занимающих, по данным китайских археологов, промежуточное положение между средним и верхним палеолитом. Надо отметить, что Замятнин еще в 1951 г. объединил северокитайские и сибирские позднепалеолитические памятники в особую «сибирско-китайскую область», которую он выделил для конца древнего каменного века, наряду с двумя другими областями — «европейской приледниковой» и «средиземноморско-африканской»³⁹. Естественно поставить вопрос о связи сибирско-китайской позднепалеолитической области с зоной формирования монголоидной большой расы.

Внутри рассматриваемой области особую близость между собой обнаруживают стоянки северного Китая — Шандун и Хэто — и Забайкалья. Важно подчеркнуть, что, в отличие от культур каменного века лесной зоны Сибири, а также и Европы, в степных культурах бассейнов Хуанхэ и Селенги очень рано появляются орудия микролитического облика, присутствующие уже в типичных палеолитических слоях хэтооских стоянок. В более позднее время орудия эти становятся господствующими, и вся индустрия приобретает ярко выраженный «азильский» отпечаток. Это несомненно указывает на прогрессивное развитие охоты на быстро бегающих степных животных при помощи метательных дротиков, а позднее, при переходе к мезолиту, также при помощи лука и стрел. В то же время скорлупа страусовых яиц и раковины улиток, находимые как в северокитайских, так и в забайкальских стоянках, свидетельствуют о значительной экономической роли собирательства.

Таким образом, представляется очень вероятным, что на исходе плеистоцена и в начале голоцена на широких просторах Восточной Азии — в северном Китае, Монголии и юго-восточной Сибири — постепенно складывался особый хозяйственно-культурный тип степных собирателей и охотников умеренного пояса, отличавшихся подвижным образом жизни и хорошо знакомых с употреблением лука и стрел с каменным «микролитическим» наконечником. Местным вариантом этого типа были, вероятно, шандунские собиратели речных моллюсков, рыболовы и охотники, в жизни которых рыбная ловля в связи с близостью Юндинхэ и других речек приобретала все большее значение, а вместе с тем и был становился более оседлым. Аналогичная картина, как известно, наблюдалась и в западной половине первобытной эйкумени, где в рассматриваемую эпоху также выделилась средиземноморско-африканская область с преобладанием хозяйствственно-культурных типов степных собирателей и охотников или прибрежных рыболовов.

Таким образом, можно считать установленным, что в период позднего

³⁹ С. Н. Замятнин, Указ. раб., стр. 127—145.

палеолита большая часть Восточной Азии (кроме, по-видимому, Тибетского нагорья, Тайваня и Японских островов) была уже заселена, хотя и очень неравномерно, людьми современного вида, занимавшимися собирательством, охотой и рыбной ловлей. В расовом отношении люди эти принадлежали в массе к монголоидам, внутри которых намечалось выделение двух ветвей: северо-западной (континентальной) и юго-восточной (тихоокеанской). К первой ветви относились, вероятно, позднепалеолитические наследники Центральной Азии и Сибири, ко второй — их современники на территории собственно Китая (без Внутренней Монголии и Синьцзяна), а возможно, и Кореи, для которой в нашем распоряжении нет еще вполне достоверных материалов по древнему каменному веку. На крайнем юге Восточной Азии — у границ с Индокитаем — могли присутствовать в составе населения также негро-австралоидные (экваториальные) расовые элементы.

Имела место в рассматриваемую эпоху и известная хозяйствственно-культурная дифференциация. На открытых ландшафтах северной умеренной зоны преобладающую хозяйственную роль играла охота на степных животных, а также собирательство некоторых видов моллюсков, водившихся в скудных здесь водоемах, и страусовых яиц. На востоке той же зоны, где воды было больше и ощущалась уже близость Желтого моря, на первый план в экономике выступало рыболовство и собирание пресноводных и морских моллюсков. На крайнем юге, наконец, — в субтропиках и тропиках южного Китая большое значение имела охота на лесных теплолюбивых животных, как мелких, так и крупных.

Никакими прямыми данными о языковой принадлежности позднепалеолитического населения Восточной Азии (как и всего мира) мы, конечно, не располагаем. Все же некоторые советские ученые (например, С. П. Толстов) считают вероятным, что в рассматриваемую эпоху уже началось формирование крупнейших языковых семей человечества, существующих частично и в настоящее время. Гипотеза эта представляется особенно заманчивой по отношению к тем семьям (или, может быть, лучше сказать, следуя за С. П. Толстовым, «семействам»), языки которых сильно отличаются друг от друга, что указывает несомненно на большую древность их расхождения от гипотетического языка-основы⁴⁰.

Все три главные языковые семейства Восточной Азии — китайско-тибетское, алтайское и индо-океанийское («австрийское», по терминологии В. Шмидта)⁴¹ принадлежат именно к этой категории подразделений человечества, языки которых сильно разошлись. Не исключена, таким образом, возможность, что позднепалеолитические наследники северного и среднего Китая — восточномонголоидные шандиндунцы и цзыянцы — говорили на древнейших китайско-тибетских языках, тогда как их современники в районе Хэтао и на юго-востоке Сибири пользовались алтайскими языками. Законна также постановка вопроса о складывании в ту же отдаленную эпоху на юго-востоке Азии (включая, быть может, и крайний юг Китая) языков индо-океанийского семейства.

В этой связи интересно вспомнить, что некоторые крупные лингвисты, специалисты по языкам Восточной Азии — А. Конради, Я. Пжилуский, П. Бенедикт⁴² и другие — считали, что между китайско-тибетскими и индо-океанийскими языками существует реальное, хотя и отдаленное род-

⁴⁰ Взгляды С. П. Толстова на образование древнейших языковых семей частично изложены в книге: «Очерки общей этнографии» (М., 1957), раздел «Языки» (стр. 31—41).

⁴¹ W. Schmidt, *Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde*, Wien, 1921.

⁴² A. Conrady, Eine merkwürdige Beziehung zwischen den austriischen und den indo-chinesischen Sprachen, «Aufsätze zur Sprach- und Kulturgeschichte vornehmlich des Orient zu E. Kuhs 70 Geburtstag», Breslau, 1916, стр. 475—504; J. Przyłuski, *Le Si-no-Tibétain*; в кн.: A. Meillet et M. Cohen, *Les langues du monde*, Paris, 1924, стр. 363—384; P. K. Benedict, *Thai, Kadai and Indonesian*, «American Anthropologist», XLIV, 1942, стр. 576—601.

ство. Были даже попытки конструировать особый «восточноазиатско-океанийский», или «тихоокеанский», языковый ствол, включающий все языки обоих названных семейств. Будущие исследования должны показать, есть ли фактическая основа у подобных построений. Данные антропологии, однако, и в настоящее время достаточны для заключения о широком и очень древнем распространении среди китайско-тибетских и индо-океанийских народов расовых типов тихоокеанской (юго-восточной) ветви монголоидов, связанных общностью происхождения.

8

Всэнкишай в позднем палеолите хозяйствственно-культурная дифференциация населения Восточной Азии становится еще более заметной в мезолите. Это было связано, несомненно, со значительным развитием производительных сил человеческого общества того времени и с появлением ряда хозяйствственно-технических нововведений, которые обеспечивали людям гораздо более совершенное приспособление к окружавшим их естественно-географическим условиям, чем это было раньше. Вспомним, что именно к мезолиту относится широкое распространение лука и стрел, различных вкладышевых орудий, тесел и топоров, а также одесмашнивание собаки. «Лук, тетива и стрелы,— писал Ф. Энгельс,— составляют уже очень сложное оружие, изобретение которого предполагает долго накапливаемый опыт и изощренные умственные силы, следовательно, и одновременное знакомство со множеством других изобретений»⁴³.

К сожалению, в Восточной Азии мезолит еще очень слабо изучен и трудноотделим как от позднего палеолита, так и от неолита. В Китае к собственно мезолитическому периоду может быть достоверно отнесено только очень небольшое число памятников. Правда, на севере страны — в Дунбэе, Внутренней Монголии и Синьцзяне — в большом количестве найдены орудия микролитического облика, которые раньше относили к этому периоду. Однако подавляющее большинство таких орудий представляет собой подъемный материал и не поддается точной датировке. Некоторые из них, например найденные в районе Харбина, являются, по свидетельству Пэй Вэнь-чжуна, определенно неолитическими или еще более поздними. Только во Внутренней Монголии у подножья песчаных дюн встречаются подлинно мезолитические орудия, находимые вместе со скорлупой страусовых яиц⁴⁴. Очевидно, что в это время здесь жили, как и в конце палеолита, степные охотники и собиратели.

К мезолиту должны быть частично отнесены и находки в пещерах Гуанси, уже упоминавшиеся выше. Еще в 1935 г. Пэй Вэнь-чжун обнаружил здесь грубые «макролитические» орудия без керамики, датируемые, по-видимому, рассматриваемым периодом. В соседнем северном Вьетнаме выделяют обычно две переходные от палеолита к неолиту культуры — баксонскую и хоабинскую. Французские археологи А. Мансуи и М. Колани намечают в этих культурах три последовательные ступени, из которых первая является по существу еще позднепалеолитической, а последняя постепенно переходит в развитый неолит. Хозяйственный облик населения хоабинских и баксонских пещер рисуется как быт охотников и собирателей жаркого пояса, не знавших земледелия и домашних животных и не умевших изготавливать глиняную посуду. В технике обработки камня к концу эпохи появляются лишь первые науки шлифовки⁴⁵.

⁴³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1953, стр. 21—22.

⁴⁴ J. Mairinger, Contribution to the prehistory of Mongolia, Stockholm, 1950.

⁴⁵ Н. Мансуи и М. Колани, Contribution à la préhistoire de l'Indochine, «Mémoires du Service Géologique de l'Indochine», XII, 1925.

К сожалению, расовый состав мезолитического населения Восточной Азии известен нам очень мало. Китайские антропологи в настоящее время изучают два черепа этого времени, найденные около Чжалайнора во Внутренней Монголии. Предварительное ознакомление с этими черепами показывает, что лицо у них очень плоское, абсолютно широкое и высокое, носовые кости слабо выступают, клыковые ямки выражены не резко, предносовые же, напротив, сильно развиты. Высота черепов невелика, по головному указателю они мезокранны. Все это указывает на принадлежность чжалайнорских находок к северным монголоидам, в последующие эпохи широко распространенным в Сибири и в Центральной Азии вплоть до Большого Хингана на востоке. Чжалайнор находился в мезолите, вероятно, на восточных рубежах расселения этой ветви монголоидной большой расы.

Недалеко от южных границ Китая в Тампонге (Верхний Лаос) в 1936 г. был найден женский череп, относящийся, по свидетельству описавших его французских археологов Ж. Фромаже и Е. Сорена, к мезолитической эпохе. Череп этот отличается крупными (для женщины) размерами, малой длиной, средней шириной и значительной высотой. По указателю тампонгский череп мезокранный (77,2). Лицо у него очень высокое и широкое, уплощенное. Глазницы по высоте средние, с округленными углами. Нос слабо выступающий, с плоским переносцем и суженными в верхней части носовыми костями, по указателю относительно очень широкий (60,1). Предносовые ямки сильно развиты, клыковые ямки, напротив, отсутствуют. Альвеолярный прогнатизм имеется, но выражен не слишком сильно. Нижняя челюсть массивная и широкая. По костяку, найденному вместе с черепом, общая длина тела тампонгской женщины определена описавшими ее авторами в 157 см⁴⁶. Многие морфологические особенности тампонгского черепа оказываются общими с древнейшими монголоидами, в первую очередь с женскими черепами из Шандиндуна. Сходными признаками являются сравнительно крупные абсолютные размеры черепа, большая его высота, уплощенное широкое и высокое лицо, слабо выступающий широкий нос, альвеолярный прогнатизм и даже (судя по фотографиям) крышеобразная форма черепного свода. Тампонгский череп можно, таким образом, рассматривать как принадлежащий представителю монголоидов той стадии развития, когда не все специфические особенности этой большой расы успели выработать. В то же время некоторые черты рассматриваемого черепа (сильная прогнатность, крайняя хамериния) указывают на возможность смещения продвигавшихся к югу монголоидов с восточными негро-австралоидами, составлявшими, вероятно, древнейшее аборигенное население всей Юго-Восточной Азии и проникавшими на севере вплоть до крайнего юга территории современного Китая.

Таким образом, новейшие палеоантропологические материалы, несмотря на их фрагментарность, дают возможность констатировать на территории Китая и соседних стран в конце палеолита и в мезолите наличие всех основных расовых компонентов населения позднейших исторических периодов: северных монголоидов (Чжалайнор), восточных монголоидов (Цзыян и Шандиндун), южных монголоидов (Тампонг) и австралоидов (Вадъяк). От первых ведет прямой путь к антропологическим типам, преобладающим среди монголов, эвенков и орочонов, от части среди казахов, киргизов и некоторых других национальных меньшинств северного и северо-западного Китая. Типы второй группы (восточномонголоидные), всегда бывшие основными во всем Китае к северу от хребта Циньлин, прослеживаются, начиная с эпохи неолита

⁴⁶ J. Fromage et E. Saugrain, Note préliminaire sur les formations cénozoïques et plus récentes de la chaîne annamitique septentrionale, «Bulletin de Service Géologique de l'Indochine», XXII, 3, 1936.

(культура Яншашо) и до наших дней, среди северных китайцев (хань), маньчжуро, хэчжэ (дунбэйских нанайцев), корейцев, хуэй, тибетцев и многих иных народов тибето-бирманской языковой ветви. Третья группа типов (южномонголоидная) и в настоящее время широко распространена в составе китайцев к югу от Янцзы, а также в составе национальных меньшинств юга и юго-запада КНР (чжуан, тай, ли, мяо, яо, народы языковой группы ицзу). Элементы четвертой группы (австралоидной) и теперь сохраняются среди некоторых национальных меньшинств Юньнани, особенно среди кава, бэнлун и булан, говорящих на мон-кхмерских языках⁴⁷. Преемственность развития расового состава населения Китая, уходящая корнями в древний каменный век, выступает здесь вполне определенно⁴⁸.

Приведенные выше археологические данные также свидетельствуют о непрерывности хозяйственного и культурного развития населения Китая от палеолита до современной эпохи. На крайнем севере КНР — во Внутренней Монголии, как и на крайнем юге республики — в Гуанси переход от палеолита к мезолиту и затем к неолиту прослеживается, как мы видели, очень отчетливо. В бассейнах Хуанхэ и Янцзы установить такой непосредственный переход еще нет возможности, так как неолитические культуры этих районов — яншашская, луншаньская и др. — относятся к периоду развитого неолита (III—II тысячелетия до н. э.) и связать их с памятниками более раннего времени пока не удалось. Объясняется этот пробел несомненно недостаточностью фактических археологических материалов. Общего вывода о преемственности населения Китая, его хозяйства и культуры при переходе от палеолита к неолиту, а затем и ко всем позднейшим историческим периодам это поколебать, разумеется, не может. В совокупности новейшие данные палеоантропологии и археологии уже теперь позволяют констатировать непрерывность общественно-исторического процесса на территории современного Китая, начиная от зари древнего каменного века. Огромная научно-познавательная ценность этого вывода как для истории народов КНР, так и для всемирной истории в целом очевидна.

SUMMARY

The paleontological, paleoanthropological and archeological finds of the Chinese scientists, after the Liberation (1949—1959) throw a new light on the problem of the initial settlement of people in Eastern Asia and of the further history of their anthropological structure and culture in this part of the eucumene. The teeth of the anthropoid ape, the Dryopithecus from Keiyuan (in the Yunnan province) dating back to the pliocene, were found in 1956—1957 and point to the fact that the South-West of China could form a part of the vast territory where the transformation of ape into man was taking place at the beginning of the Quarternary period. Teeth and jaws of a Gigantopithecus found in caves of the Kwangsi-Chuang autonomous region (1955—1957) give rise to the supposition that very large anthropoids lived in the South of China also at the beginning of pleistocene and had certain features in common with Hominides.

⁴⁷ О расовом составе современного населения Китая и соседних стран см. работы упомянутые в примечаниях 36 и 37. Большое значение для тех же вопросов имеет также книга М. Г. Левина «Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока» (Труды Ин-та этнографии, Новая серия, т. XXXVI, М., 1958). Во время работы в КНР Н. Н. Чебоксаровым собраны новые материалы по этнической антропологии южного Китая: обследованы китайцы (хань) Гуандуна, яо, ли, мяо, хуэй в г. Гуанчжоу и на острове Хайнань. Материалы эти подготавливаются к опубликованию.

⁴⁸ Во время печатания настоящей статьи в китайском журнале «Синьчэн хуабао» (1959, № 4, стр. 51) появилось краткое сообщение о находке в уезде Люцзян Гуанси Чжуанской автономной области полного черепа и костей конечностей человека, при надлежащего к виду *Homo sapiens*. Скелет этот относится, по-видимому, к неоантропической стадии антропогенеза. Вместе со скелетом найдены кости ископаемых животных, в частности бамбукового медведя (гигантской панда). Орудий и других культурных остатков найдено не было.

There is no doubt that the oldest representatives of the hominids in China were the Sinanthropus (the Peking men). Many remnants of their bones and culture have been discovered in the caves of Choukoutien in the environs of Peking. They lived during the period of the lower paleolithic. The Sinanthropus belong to the most ancient (protoanthropic) stage of anthropogenesis. The so-called «Mapa-man» probably belongs to the same stage. His skull was found in 1958 in the North of the Kwangtung province in the Chunkiang district in one of the caves near the Mapa village. The hominides of the following, the paleoanthropic stage of anthropogenesis corresponding to the Neanderthal men of Western Asia and Europe, are represented in China by bone remnants of ancient men from the Lungtung cave in the Changyang district of the Hupei province (1956), from Tingtsun in the province of Shansi (1954) and from Sjaraossogol in the region of Ordos (1911, 1957). Stone instruments of the middle paleolithic type were also found with the remnants of the Dintzum and Ordos men.

Men of the neoanthropic stage of anthropogenesis, which belong to the *Homo sapiens* species and lived in the upper paleolithic time, are represented in China by skulls from Tzeyang in the Szechwan province (1951), from Leipin in the Kwangsi province (1956) and from Shangtingtung (the «Upper Cave») in Choukoutien (1933). A bone awl was found with the Tzeyang skull, and a number of stone and bone implements were found with the Shangtingtung bones. The comparative analysis of more recent paleoanthropological and archeological finds shows that the upper paleolithic men of China belonging probably to the Mongoloid great race should be regarded as direct descendants, of the Hominides of the middle and lower paleolithic. A succession may also be noticed of the upper paleolithic, mesolithic and neolithic cultures created by men of the modern species (*Homo sapiens*), who probably belonged to different branches of the Mongoloid race, to the Northern, Eastern and Southern ones.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

М. М. ПЛИСЕЦКИЙ

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЭПОСА В УСЛОВИЯХ ВОЗНИКОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Встречаясь в жизни с новым, только что возникшим явлением, мы естественно задаем себе вопрос — почему оно возникло? Но сталкиваясь со старым, издавна существующим явлением, мы далеко не всегда ставим подобный вопрос. Так и в литературе при появлении нового направления или жанра критика обычно интересуется тем, что вызвало к жизни это новое явление, но мы, родившиеся через тысячи лет после возникновения многих народно-поэтических жанров, мало задумываемся над тем, почему народ их создавал. А между тем для того, чтобы разобраться в истории жанров, в том числе и героического эпоса, нужно понять, с какими потребностями общества связано их возникновение. И прежде всего нужно отказаться от мнения, будто все они созданы лишь для того, чтобы удовлетворять эстетическим потребностям человека, ибо оно очень мало объясняет, — например остается неясным, почему же понадобились именно такие формы, как героический эпос, сказка, загадка и др., а не какие-нибудь иные? Да и сами эстетические потребности нельзя, как известно, рассматривать абстрактно, они весьма различны для разных исторических эпох и классов¹. Эстетические потребности человека периода первобытно-общинного строя не только не совпадали с эстетическими потребностями людей последующих формаций, но и вообще были теснее связаны с его практическими задачами. Так, мифы были необходимы для объяснения явлений природы; они на ранней стадии развития общества синтезировали часть его опыта по освоению природы. Связанная с магическими возвретиями и мифологией календарная обрядность была призвана обеспечить успех хозяйственной деятельности человека. Свадебная обрядность, также связанная в известной степени с магическими представлениями, в условиях первобытно-общинного строя должна была обеспечить успех группового (а затем и других форм) брака, а обрядность похоронная — переход умершего к предкам и их содействие деятельности рода. Пословицы фиксировали в афористической, удобной для запоминания форме освоенные человеком закономерности (наблюдения над природой, жизнью общества), моральный кодекс, а загадки, может быть, употреблялись для проверки умственной зрелости юношей, получавших права членов рода. Все эти жанры появились в различные периоды

¹ См. об этом, например, известные высказывания К. Маркса: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1-е, т. III, стр. 627 и 660.

первобытно-общинной формации. На более позднем ее этапе появились легенды и предания об истории племени.

Сказка в ее нынешних формах, вероятно, является относительно поздним жанром, в котором слились тотемные рассказы, связанные с происхождением рода (они превратились в животный эпос), переработанные художественно мифы, воплощавшие народные технические и социальные идеалы (эти мифы были поглощены впоследствии волшебной сказкой), и относительно поздние развлекательные произведения, обогащенные впоследствии социальным содержанием и превратившиеся в сказки-новеллы и в авантюрные сказки. Отметим, кстати, что различие между мифологическим и развлекательным повествованием существовало, вероятно, уже на поздней стадии первобытно-общинного строя; это можно подтвердить на материалах фольклора ряда современных отсталых народностей². Короче говоря, можно утверждать, что фольклорные жанры возникали прежде всего в связи с практическими потребностями общества, и лишь затем по-настоящему развилось, по выражению К. Маркса, «художественное производство, как таковое»³, уже специально для удовлетворения социально-эстетических потребностей (фантастическая, авантюрная, социально-новеллистическая сказка, баллада, лирическая песня).

Первоначально художественное творчество имело иной характер и было менее разносторонним, нежели мы привыкли наблюдать в современном обществе: «Производство идей, представлений, сознания,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»⁴. Важно отметить, что художественное творчество первоначально представляло собой единое целое с представлениями людей об их истории.

Необходимо учитывать также и тот факт, что, как это ни странно на первый взгляд, творческая фантазия первобытного человека была довольно ограниченной. Иные представления первобытного человека могут казаться нам фантастическими, но ему они такими не казались, они были результатом его конкретно чувственных восприятий действительности, для него мифологические образы не были фантазией. Правильно отмечал еще И. Франко: «Первобытный человек почти ничего не создает на основе фантазии и не может создавать, так как эта фантазия у него чрезвычайно бедна ввиду малого количества и малой разнородности воспринятых впечатлений»⁵. Лишь с течением времени (но еще в первобытно-общинную эпоху) происходит постепенное развитие творческой фантазии, в результате чего возникают и развлекательные жанры.

К сказанному нужно добавить, что отношение к образам фольклора и художественной литературы (за исключением заведомо развлекатель-

² Так, у нанайцев имеется два основных фольклорных жанра: нингман (сказки) и тэлунгу (предания). Сюжеты нингман, в отличие от тэлунгу, воспринимаются «как некоторый вымысел», что подчеркивается традиционной концовкой — «далеко ли было, близко ли было». Тэлунгу (от «тэли» — «тогда»), т. е. «относящиеся к тогдашнему, прошлому времени», включают: 1) исторические предания, отражающие реальные исторические факты, как, например, появление русских на Амуре, маньчжуро-китайское владычество, межродовые войны; 2) мифы, например о животных; 3) легенды, например о сильных людях, о шаманах и проч. (См. М. А. Каплан, Основные жанры национального (гольдского) фольклора, Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1949, стр. 3, сл.). У ненцев к основным жанрам относятся сюдбабы (песни о великанах) и вадако (сказка). К исполнению первых слушатели, как свидетельствует ряд исследователей, относятся с величайшим вниманием; песни эти включают много мифологических элементов. Вадако рассказывает обычно шутливо и воспринимается как выдумка (См. З. Н. Куприянова, Основные жанры ненецкого фольклора, кандидатская диссертация, 1946, стр. 58—60. Рукопись хранится во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина). Все эти линии развития можно проследить и в восточнославянской сказке, представляющей собой, с точки зрения ее источников, весьма сложный комплекс.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 12, стр. 736.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 24.

⁵ І. Франко, Вибрані статті про народну творчість, Київ, 1955, стр. 56.

ных жанров) как к повествованию о действительно имевших место фактах в некоторой степени сохраняется в народе и теперь. Ясно, что такое отношение связано со старыми взглядами на поэзию, возникшими в эпоху, когда еще не существовало художественного вымысла в его современном значении.

Разумеется, эпические произведения в период своего возникновения не были совершенно точными в изображении конкретных фактов, героев и т. п. Эта точность была относительной. Уровень реализма был ограничен достигнутым в данную конкретную эпоху уровнем типизации и индивидуализации образов, зависел и от идеологии авторов. Но народные певцы стремились к правдивому отражению действительности, причем созданные ими песни отражали взгляды народных масс, выражали социальные (а в классовом обществе — классовые) тенденции.

Если первым фактором, оказывавшим влияние на возникновение жанров, была потребность в «литературе» определенного рода, удовлетворявшей те или иные запросы общества, то вторым фактором были реально существующие возможности их устного бытования, определявшиеся уровнем развития человеческих чувств, способностей, памяти. Устное бытование ограничивало и вводило в определенные рамки развитие тех или иных жанров, не допуская, например, перерастания сказки-новеллы в форму романа, где имелось бы много сюжетных линий, или развития драматических сцен до уровня сложных многоактных пьес и т. п. Реальные условия устного бытования закрепляли определенную, довольно простую «цепную» композицию сказок, традиционную поэтику песен и сказок с их «общими местами» и т. п. Воздействие этих двух факторов необходимо учитывать и при выяснении условий возникновения героического эпоса.

* * *

Выясняя условия, способствовавшие возникновению героического эпоса, следует вспомнить мнение К. Маркса о том, что эпос в его классической форме относится к эпохе, предшествующей тому времени, когда начинается «художественное производство, как таковое». Если эпос развился раньше, то отсюда следует сделать вывод, что он имел во время возникновения не эстетические, а какие-то другие, практические цели. Периодом возникновения эпоса К. Маркс считал поздние стадии первобытного общества.

Считая временем возникновения восточнославянского героического эпоса период военной демократии и затем ранний феодализм, мы должны прежде всего отделить последний от других этапов феодализма. Известно, что социально-политические условия на различных стадиях феодализма, при всем сходстве их основы, были весьма различны. Период раннего феодализма многими своими особенностями, в том числе и формой государственной власти, отличался от последующих стадий данной социально-экономической формации. Некоторые из этих особенностей периода раннего феодализма способствовали развитию эпоса.

Героико-эпическая поэзия (предания и героические песни) была важным средством сплочения населения в период возникновения государственности и начала развития национального сознания. Героико-эпическая поэзия была также средством борьбы народных масс с возникающей классовой (рабовладельческой или феодальной) верхушкой, присваивавшей родоплеменную собственность, укреплявшей свое право на эксплуатацию членов рода, устанавливавшей привилегии для себя. Указанные жанры находят широкое развитие впервые именно на стадии изживания племенной изоляции и создания первых форм государственности. Ф. Энгельс со всей определенностью отнес гомеровский эпос к этому периоду: «Полный расцвет высшей ступени варварства выступает перед нами

в поэзии Гомера, особенно в Илиаде⁶. Указав затем на отражение у Гомера различных особенностей данной эпохи (в том числе возникновение художественного ремесла и «зачатки архитектуры как искусства»), Энгельс дает общую оценку историческому значению этого эпоса: «...Гомеровский эпос и вся мифология — вот главное наследство, которое греки перенесли из варварства в цивилизацию»⁷.

Общественные отношения на последней стадии первобытно-общинного строя и затем в период раннего феодализма требовали создания и сохранения исторического эпоса, роль которого, ввиду отсутствия или ограниченного распространения письменности, была особенно велика. Историческая поэзия в условиях возникновения и развития национального самосознания народа и государства была жизненно необходима не только как общественно-воспитательный фактор, но и как исторический документ. Возникновение летописания, продиктованное по сути той же необходимостью фиксации исторических событий, не могло в полной мере обеспечить соответствующие нужды общества. В то же время широкое развитие летописания является лучшим свидетельством настоятельной потребности общества, начиная с первых этапов создания государства (в частности, на Руси), в фиксировании своей истории⁸.

Период военной демократии является временем возникновения героического эпоса и достижения им у многих народов высокого уровня развития или даже наивысшего расцвета, чему способствовало и то, что государство в своих первоначальных примитивных формах не было еще полностью отчужденным от масс и еще не воспринималось как враждебное массам. «Ведь в это время,— писал Энгельс,— когда каждый взрослый мужчина в племени был воином, не существовало еще отделенной от народа общественной власти, которая могла бы быть ему противопоставлена. Первобытная демократия находилась еще в полном расцвете»⁹.

Даже значительно позже, на первой стадии раннефеодального общества, верхушка не была полностью отгорожена от проникновения представителей широких трудовых слоев: «Боярство еще не успело замкнуться в касту; еще в рядах «мужей храборствующих» можно было встретить выходцев из народных масс»¹⁰. Функции государства были ограниченными¹¹.

Вполне естественно, что героический эпос периода военной демократии, а в определенной мере и периода раннего феодализма, не был направлен против государства в целом, ибо интересы масс еще не были с такой ясностью противопоставлены интересам социальной верхушки, выраженным в действиях государства, как это было впоследствии. И не случайно Н. А. Добролюбов, обладавший особой чуткостью к народности художественных произведений, подметил, что в древности в народной поэзии выражались «действительно общеноародные интересы и воззрения на жизнь»¹². В. Г. Белинский указывал, что в эпической поэме «сам поэт еще смотрит на события глазами своего народа, не отделяя от этого события своей личности»¹³. Первобытное мышление было прежде всего мышлением, связанным с родовым строем, и оно было весьма устойчивым¹⁴.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1-е, т. XVI, ч. 1, стр. 13.

⁷ Там же.

⁸ О связи летописания с потребностями общества в период объединения Руси см.: Д. С. Лихачев, Возникновение русской литературы, М.—Л., 1952, стр. 87—88 и др.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1-е, т. XVI, ч. 1, стр. 84.

¹⁰ В. В. Мавродин, Очерк истории древней Руси до монгольского завоевания, «История культуры древней Руси», т. I, М.—Л., 1948, стр. 17.

¹¹ См. характеристику «государства Рюриковичей» Марксом («Секретная дипломатия»), а также замечания Энгельса об ограниченности функций восточных государств (письмо К. Марксу 6 июня 1853 г., Соч., изд. 1-е, т. XXI, стр. 494).

¹² Н. А. Добролюбов, Собр. соч. в 3-х томах М., 1950, т. 1, стр. 289.

¹³ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. I, М., 1954, стр. 37.

¹⁴ «Но моральное влияние, унаследованные взгляды и способ мышления старой родовой эпохи еще долго жили в традициях и только постепенно отмирали» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1-е, т. XVI, ч. 1, стр. 97).

Одним из самых первых художественных проявлений политического сознания масс являются предания. Историческое предание можно рассматривать как один из многих факторов общественного развития в период разложения первобытно-общинного строя, во время ломки общественных отношений. Предания особенно хорошо сохраняют свою достоверность в тех случаях, когда являются подтверждением народных прав на определенное имущество, угодья и т. д. Э. Тейлор в «Антропологии» приводит ряд поразительно достоверных древних преданий островитян Самоа, Новой Зеландии и др. Некоторые из этих преданий сохранились в течение жизни 18 поколений (от 400 до 600 лет); они повествуют о том, как сюда приплыли предки ныне существующих родов, указывают точные места высадки судов, имена вождей и т. д.¹⁵. Тейлор не сделал из приведенных фактов необходимых выводов: ведь эти предания, фиксировавшие место высадки каждого рода, сохранялись особенно тщательно именно ввиду необходимости для родов обеспечить в правовом отношении занимаемую ими территорию.

Развитие исторических преданий в рассматриваемую эпоху связано с развитием права; фактические отношения между индивидуумами начали приобретать форму всеобщего права¹⁶.

Именно для закрепления новых правовых норм и потребовались среди прочих средств и предания. Конкретные общины при помощи преданий обосновывали те или иные свои права. А впоследствии, когда родоплеменная верхушка пыталась обосновать свои права на узурпацию общинной или племенной собственности¹⁷ и на различные привилегии, народная масса, ссылаясь на существующие традиции, обычное право (закрепленное в преданиях), оказывала ей сопротивление. Вместе с тем исторические предания и исторический эпос служили делу становления народности и ее сплочения. Если раньше целям сплочения членов рода и групп родов неплохо служили тотемные и другие мифы, доказывавшие их изначальную близость, то в период создания государственности и народностей потребовались уже исторические свидетельства об общей борьбе населения страны с внешним врагом, о давнем политическом единстве племен и т. п. При этом исторические предания развивали патриотические чувства, способствовавшие сплочению населения в борьбе с внешними врагами.

Такую роль играли, например, предания у казахов (правда, уже в новое время, в XVIII в.) в довольно типичных условиях родоплеменной борьбы. «В это богатое событиями и трудное время,— пишет Н. С. Смирнова,— эпос возник не как простой отклик на происходящее. Целью его авторов было пропагандировать спасительные для народности идеи — идеи всенародного сплочения и всенародного отпора джунгарам»¹⁸. Предания хорошо помнят действительную топонимику событий; особо «выделяются маршруты походов и места битв, побед и заключения мирных договоров», сбереглись также имена военачальников и дипломатов. Предания имеют «местный» характер; лучше всего они сохраняются там, где живут потомки участников событий.

В период военной демократии большое развитие получает война. Эта «форма сношений»¹⁹ также порождала предания, утверждавшие права завоевателя²⁰, укреплявшие авторитет военачальников и права участников похода. При этом в период военной демократии историческое предание

¹⁵ Э. Тэйлор, Антропология, СПб., 1908, стр. 371—372.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 336—337.

¹⁷ Там же, стр. 361.

¹⁸ Н. С. Смирнова, Проблема исторического и эпического в казахской литературе XVIII века, «Вестник АН КазССР», 1948, № 5, стр. 56—57.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 21.

²⁰ Эти права, впрочем, аннулировались, как только покоренный оказывался в состоянии оказать серьезное сопротивление завоевателю; неудивительно поэтому, что предания о завоеваниях лучше сохранялись у победителя, нежели у побежденного.

часто было уже совершенно лишено каких бы то ни было элементов мифа. Немало подобных преданий существовало и на Руси, и часть их была включена в «Повесть временных лет». В отдельных случаях предания Киевского периода, хотя и в чрезвычайно измененном виде, дожили до наших дней, иногда сохранили даже имена. Так, на Волыни зафиксированы предания о «шолудивом Боняке», в котором легко выявить исторический прототип половецкого хана Боняка, зверствовавшего на юге Руси на рубеже XI—XII вв., которого летописец тоже называл «шолудивым» и считал волшебником, умеющим сноситься со зверями (современные сказители называют его «характерником»)²¹. Сохранили предания память об имени и профессии молодого воина Яна Усмошвеца, победившего печенежского богатыря. В сказках он назван Кожемякой²².

С развитием классовых отношений идеиное содержание исторических преданий усложняется, в них возникают два классово различных направления.

Ф. Энгельс указывал такие существенные особенности процесса разложения этого строя: наследование имущества детьми, что усиливало семью в противовес роду; образование первых начатков дворянства и монархии в результате имущественных различий; развитие рабства, распространившегося на сородичей; превращение войны в систематический разбой, в регулярный промысел; « злоупотребление древними родовыми учреждениями» для оправдания грабежа. Государство и явилось тем учреждением, которое было направлено против «коммунистических традиций родового строя» и увековечивало «право имущего класса на эксплуатацию неимущих»²³.

Отношение к этим новым социальным явлениям и размежевывает в идеином отношении народные исторические предания и предания нарождавшегося эксплуататорского класса. Последние имели своей целью оправдание « злоупотребления древними родовыми учреждениями», порабощения сородичей, систематического грабежа, дискредитацию традиций общины и, таким образом, были направлены на укрепление позиций господствующей верхушки и ослабление сопротивления зависимых масс. Народные же предания отражали борьбу народа против нарушений освященного традицией распределения имущества, против классовых привилегий и злоупотребления древними родовыми учреждениями, призывали к единству в борьбе с врагами, внешними и «своими». Героем народного предания был выходец из масс. Если же его герой являлся представителем социальных верхов, то это был «справедливый» правитель, талантливый полководец, заботящийся о народе и опирающийся на простых людей, защитник родной земли. Героем преданий эксплуататорского класса был представитель знати; представители широких масс играли здесь только эпизодическую и служебную роль, чем подчеркивалось господствующее положение основного героя. Если прототипом преданий двух враждующих классовых сил было одно и то же историческое лицо, то оно обычно изображалось с совершенно различных идеиных позиций²⁴. Следует учесть, однако, что передовая часть социальной верхушки не отка-

²¹ Боняк посвящено несколько работ. Тексты предания см.: М. Драгоманов, Малорусские народные предания и рассказы, Киев, 1876, стр. 224, 225; О. Колберг, Роксіє, I, 1882, стр. 345 и др.

²² См., например, украинскую сказку о Кирилле Кожемяке (Н. Костомаров, Исторические монографии, изд. 1-е, т. I, Спб., 1872, стр. 138—139), тамбовскую сказку о Никите Кожемяке (И. Худяков, Народные исторические сказки, «Журнал Министерства народного просвещения», 1864, кн. 3, стр. 57—58). Ср. имя Яна Кожевникова среди богатырей в сб. «Ярославский фольклор» (сост. Б. Быстров и Н. Новиков, Ярославль, 1938, стр. 28).

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 1-е, т. XVI, ч. 1, стр. 87.

²⁴ Таков, например, образ Аблай-хана; см. работу Н. С. Смирновой о казахском эпосе «Еще о проблеме исторического и эпического в казахском эпосе XVIII века» («Вестник АН КазССР», Алма-Ата, 1949, № 1, стр. 60—67).

зывалась от идеи единства в борьбе с внешним врагом, и в этой ее творчество временами сближалось с творчеством народным.

Историческая песня лучше, нежели предание, служила целям фиксирования исторических событий, так как ее форма способствовала закреплению содержания.

Не следует игнорировать те реальные возможности, которые представляет ритмичность песенного текста для облегчения его запоминания. Русский народ говорит: «Из песни слова не выкинешь». Подобные пословицы имеются и у других народов. Не случайно сказители не любят былин в прозаической форме, придавая большое значение их складу.²⁵ И дело не только в размеренности ритмизированной речи, но и в связи ритма с эмоциональной речью. Нельзя ничего возразить против того факта, что из колоссальной массы преданий, возникавших на Руси в течение тысячелетия, в устном бытованиях их дошло до нас значительно меньше, чем былин. В частности, исторических преданий периода Киевской Руси в XIX—XX вв. записано очень мало, хотя возникало их несравненно больше, нежели песенных произведений (так же, как, например, о событиях и героях Великой Отечественной войны рассказывалось неизмеримо больше, нежели попало в песни и стихи). Песенная форма играет немалую роль в закреплении текста, к ней обращались многие народы для сохранения памяти о великих событиях. Известны слова новогреческого певца, сказанные Фориэлю: «Я не умею читать и писать, поэтому, чтобы не забыть совсем этой истории, я сложил из нее песню». Поль Лафарг придавал особое значение этому свидетельству. Он привел его в своей известной работе «Свадебные песни и обычаи. Этюд о возникновении семьи» для обоснования своей мысли: «Наши песни — единственное средство, знакомое некультурным народам и применяемое ими, чтобы сохранить результаты ежедневного опыта и поддержать память о выдающихся событиях»²⁶.

Довольно большой материал, имеющий отношение к вопросу о создании песен для сохранения памяти о событиях, подобран В. Иконниковым: Гомер свидетельствует о том, что все существенное в событиях отражалось в песне; такую же задачу выполняли шотландские и ирландские барды, армянские гусаны, также тибетские певцы; Э. Тэйлор указывает в «Антропологии», что все варварские племена передают свои исторические знания в песнях, хранящихся много поколений; песни рассматриваются ими как неоспоримый источник, который привлекается для выяснения спорных вопросов их истории²⁷. Добавим некоторые новые факты. В исландских сагах (период их создания 930—1030 гг.) Снорре уже имеются ссылки на песни, которые должны подтверждать достоверность сообщенных сведений. Так, «Сага об Эгиле», сообщая о победе одного из героев в битве при р. Двине, присовокупляет: «как об этом рассказывается в песнях, сложенных в его честь»²⁸. «До сих пор норвежские крестьяне, — пишет Б. И. Ярхо, — помнят свою генеалогию на много поколений назад. Древние исландцы тщательно берегли память о предках, составляли длинные родословные таблицы, каждый род имел свою сагу; в бытовых сагах о главных действующих лицах почти всегда говорится, чьи они дети, чьи внуки»²⁹.

²⁵ См., например, мнение Г. А. Якушова (сб. «Онежские быlinы». Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова, Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова, «Летописи», Гос. литературный музей, кн. 13, М., 1948, стр. 69).

²⁶ П. Лафарг, Очерки по истории культуры, М., 1925, стр. 51—52.

²⁷ В. Иконников, Опыт русской историографии, т. II, кн. 1, Киев, 1908, стр. 2—12.

²⁸ «Исландские саги». Редакция, вступительная статья и прим. М. И. Стеблин-Каменского, М., 1956, стр. 127.

²⁹ «Сага о Волсунгах», Перевод, предисловие и прим. Б. И. Ярхо, М.—Л., 1934, стр. 48.

В. Иконников приводит еще следующие факты. Перуанские поэты пели во время народных праздников песни о знаменательных походах. На пирах у Аттилы также исполнялись песни о его войнах. Тасит свидетельствует, что у германцев древние песни заменяли «историю и летопись». В связи с этим, по распоряжению Карла Великого, было предпринято собирание германских песен. Много данных имеется о норманских поэтах-певцах, обязанных восславлять героев походов, часто в их присутствии. Порой для лучшего запоминания в песенную, т. е. ритмическую, форму заключался и непоэтический текст, например юридические законы. Так было, например, в Швеции и Венгрии, где законы усваивались в песенной форме и сохранялись в течение жизни ряда поколений³⁰. В Галлии друиды должны были заучивать наизусть громадное количество стихов, в которых были изложены все науки того времени; обучение длилось около двадцати лет, после чего друиды передавали эти знания ученикам. Б. Д. Греков, указывая на свидетельство об этом Цезаря, подчеркивал особое значение ритмической формы для запоминания текста³¹.

Известное положение Миклошича и Вильмарксé о том, что народный эпос в общем современен изображаемым событиям или хотя бы живому их впечатлению на народ, подтверждается множеством новых материалов. Так, песни у адыгов «сочинялись и пелись тотчас же после смерти героя», причем создавались они людьми, хорошо знавшими героев. О смерти популярного в народе воина — Кучука песню сложила его вдова. Ашуг Цуг Теччуж сложил поэму о Мафоко Урсбие. Весьма примечательна история сложения песни «Кабартаем ячеште» о «ночи ужаса». В XVII в. однажды ночью на Малую Кабарду напали враги, и хотя они были отражены, но в народе сохранилась память об этой ужасной ночи. По преданию, тогда были специально избраны в народе певцы для создания песни обо всем этом: «уединились в лес, чтобы сложить песню об этом крупном событии, каждое княжество ставило перед ними требование, чтобы песня открывалась именем данного князя»³². Новейшие исследователи казахского фольклора считают, что первоначальная эпическая песня здесь — импровизационная песня героико-величального жанра. При этом «импровизации и героические песни и сказы создаются участниками военной борьбы с джунгарами или непосредственно вслед за событиями, их породившими, или одновременно с ними»³³. Казахский эпос помнит пути передвижения казахских родов в годы «великого бедствия» (1723) — нападения джунгаров. Данные об этих путях «совпадают во всех эпических текстах», которых, кстати говоря, много. Со времени тех событий прошло уже 230 лет³⁴.

Можно ли удивляться, что все народы с особым уважением относятся к своим эпическим песням? Такое отношение имеет традицию, уходящую в эпоху первобытно-общинного строя. Мы находим эту традицию, например, у отсталых в прошлом народностей Китая: «Из поколения в поколение эпические песни, сказания, легенды, предания, исторические обычаи передавались молодежи народа сани устно — старейшинами родов, теми же буоми или сказителями»³⁵. Молодежь этого народа специально изучает

³⁰ В. Иконников, Указ. раб., Дополнения, стр. 1.

³¹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, Л., 1953, стр. 400.

³² «Адыгэ Орэхэр. Адыгейские (черкесские) народные песни и мелодии», Сост. и редактор А. Ф. Гребнев, М.—Л., 1941, стр. 156; см. также стр. 148 и др.

³³ Н. С. Смирнова, Проблема исторического и эпического в казахской литературе XVIII в., «Вестник АН КазССР», 1948, № 5, стр. 58—59.

³⁴ Н. С. Смирнова, Очерки казахской литературы XVIII в. Докторская диссертация, стр. 175. Рукопись хранится во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина. Об историзме казахского эпоса см. также: В. М. Жирмунский, Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии, Сб. «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1958, стр. 46—50, 56—57.

³⁵ «Эпические сказания народов Южного Китая», Перевод, статья и комментарий Б. Б. Вахтина и Р. Ф. Итса, М.—Л., 1956, стр. 179.

эпические песни³⁶. У мяо двенадцатилетние мальчики, считающиеся уж взрослыми, вместе со своими сверстницами начинают обучаться песням своей народности³⁷.

Все это свидетельствует о большом значении в первобытно-общинном и раннефеодальном обществе слагателей и хранителей эпических песен. Б. Д. Греков пишет, что «во времена, предшествующие письму, определенный круг песен имел и значение истории... Главная задача устного творчества на исторические темы — это сохранение в памяти народов героев их имен и подвигов; большое внимание уделялось также генеалогии героев, незаметно переходившей в хронику событий, связанных с определенным историческим лицом... Это явление общечеловеческое. Естественно, что оно имело место и у славян, и у античной Руси в частности»³⁸. Действительно, нет ни малейших оснований сомневаться в том, что такую же роль играл эпос и в Киевской Руси, что здесь он имел те же задачи и, значит, часто являлся специально создаваемым историческим источником. Кирилл Туровский понимал задачи «песнотворцев» примерно так же, как и задачи историков: «Якоже историци и ветиа, рекше летописци и песнотворци, приконяютъ своя слухы в бывшя между царей рати и ополчения, да украсить словесы слышащая и възвеличить крепко (храбровавшая и) мужестзовавшая по своем цари, и че давших в брани плеши врагомъ, и тех славяще похвалами венчаетъ. колми паче нам лепо есть и хвалу к хвале приложити храбрымъ и великимъ воеводам божиимъ»³⁹.

Таким «песнотворцем» являлся на Руси, например, Боян. Его песни, воспевавшие ряд событий XI в., были известны значительно позднее; ведь автор «Слова» цитирует их более чем через сто лет после их создания. Летописцам известен также «словутный» певец Митуса, «не восхотевший» служить галицкому князю Даниилу. «Песнотворцы» представляли собой, как это ясно из приведенного выше отрывка из «Слова» Кирилла Туровского, особый разряд деятелей древнерусской культуры; их произведения были посвящены конкретным историческим событиям: Боян воспел, например, Мстислава Тмутараканского, зарезавшего Редедю на глазах касожских войск. И естественно, что летописцы относились к образам подобных песен с доверием. В науке уже неоднократно указывались те места летописей, где, по мнению исследователей, были использованы материалы песен и былин, выявлялись и следы песенного склада в соответствующих местах летописи. «Не только правдоподобно, но и вполне закономерно», — пишет Б. Д. Греков, — такое прямое воздействие устного стиха на письменную прозу. Наши первые историки-летописцы считали народное творчество вполне доброкачественным материалом, которым можно пользоваться для задач правдивого изображения прошлого, и придавали этому материалу силу доказательства»⁴⁰.

Совершенно ясно, что народные песни, сообщавшие о событиях, не были простой фиксацией происшествий. Они выражали определенное умонастроение певцов — выражителей идеологии трудящихся масс — и были поэтому могучим идейно-воспитательным средством, популяризовавшим передовые народные идеи и, в частности, идеи единства Русской земли и борьбы с социальным угнетением.

Вообще ни в коем случае нельзя противопоставлять создание произведений в целях сохранения памяти о действительных событиях задачам общественно-воспитательным. Исторические события для того и изображаются в фольклоре, чтобы память о них и их образы, воздействуя на

³⁶ «Эпические сказания народов Южного Китая», стр. 179.

³⁷ Там же, стр. 191.

³⁸ Б. Д. Греков, Киевская Русь, Л., 1953, стр. 400.

³⁹ «Слово на собор святых отец». Сб. «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы», под ред. А. И. Пономарева, вып. 1, СПб., 1894, стр. 167.

⁴⁰ Б. Д. Греков, Указ. раб., стр. 402—403.

сознание читателей и слушателей, воспитывали их в патриотическом духе, требовали следовать приведенным примерам.

Из утверждения, что песни возникали с целью фиксации исторических событий, вовсе не следует, что они создавались господствующим классом в своих целях. Из двух направлений в устном творчестве основным и доминирующим было творчество широких народных масс, а не социальной верхушки. Сохранившиеся до нашего времени былины уже во время возникновения должны были иметь в своей основе демократическую, прогрессивную идеиность, иначе они не могли бы существовать столь долго в устной традиции.

Политические песни возникали чаще всего в народе; они вызывались необходимостью сообщить о тех или иных событиях, и, таким образом, песня совмещала задачи подъема духа народных борцов и информации. Примеры выполнения таких задач народной песней (правда, уже XIX в.) дают чешские народные песни. Как рассказывает М. Буреш⁴¹, наиболее острые народные политические песни связаны с кровавыми событиями на ткацкой фабрике барона Либита в Сварове у Железного брода, когда было расстреляно много рабочих, боровшихся против произвола администрации и дикой эксплуатации. В отличие от газет, искажавших факты в угоду барону, песни правильно освещали события. Часть «сваровских» песен анонимна, авторы других известны. Песни исполнялись на рабочих сходках, некоторые были потом напечатаны.

Я ни в коем случае не переношу этих данных, относящихся к новому времени, в раннефеодальную эпоху, но, я думаю, трудно возражать против этого факта, что и в древности создавались песни для оповещения народа о важном происшествии, т. е. специально для информации.

Песни, служащие сохранению в народе памяти о том или ином событии, продолжают создаваться и ныне, особенно в тех случаях, когда исключена возможность использования прессы. Так, известный западноукраинский писатель Гаврилюк, находясь в фашистской тюрьме, создал песню «Плакаты», которую послал в село, чтобы она «висела» как такой плакат, который снять невозможно⁴². В одной из сложенных в гитлеровских лагерях смерти еврейских народных песен, записанных экспедицией АН УССР в Черновицах в конце 1940-х годов, безымянный автор говорит о том, что он создал эту песню для того, чтобы люди не забыли о фашистских зверствах и ненависть к фашистам не угасла.

Или вот еще не менее убедительный пример. В конце XIX в. обманутые агентурой заокеанских капиталистов эмигранты-галичане специально создавали песни, рассказывающие об истинном положении вещей, чтобы предупредить земляков и тем прекратить дальнейшую эмиграцию. Одна из них помещена в сборнике, изданном под редакцией Ивана Франка:

А тисячу вісімсот літ девядесять п'ятій,
Прийшла пісня з Бразилії, варт її переймати.
А хто її перейме, той буде съпівати...

Дальше следует сообщение о том как «агенти нас подурили»...⁴³

Как видим, в самом тексте песни содержится совет выучить ее и использовать для других.

Разумеется, имелись и другие причины, стимулировавшие возникновение песен с историческими мотивами,— одной из них было стремление певцов рассказать о своих переживаниях, связанных не только с конкретным событием, но, еще чаще, с существующей политико-экономической ситуацией. Так возникли многочисленные песни о крепостном праве и о его

⁴¹ M. Bureš, Lidova poesie bojoující, Praha, 1951.

⁴² См. О. Гаврилюк, Оповідання і вірші, Львів, 1950, стр. 38.

⁴³ См. М. П. Павлик, Пісні про Бразилію, «Етнографічний збірник», V, 1898, стр. 239.

ликвидации. Кстати, песни, направленные против феодального закабаления, могли возникать даже еще в раннефеодальный период; были тогда вероятно, и песни, обличавшие усобицы князей. В них могли упоминаться конкретные исторические события и личности. В поздних песнях крепостных, например уходивших от барщины за Дунай, порой упоминается имя царицы Екатерины, весьма способствовавшей усилению крепостного права на Украине⁴⁴.

Рассматривать все причины возникновения исторических песен (и былин) здесь нет возможности. Подчеркнем лишь, что одной из самых важных причин являлась необходимость как для народа, так и для складывающегося раннефеодального государства фиксирования своей истории в закрепленных традицией песнях, что влекло за собой особо бережное отношение певцов к упоминаемым в произведениях событиям и именам. Такое отношение и закрепилось в традиции, хотя, конечно, некоторые изменения были неминуемы.

Характерно, что народ очень резко отличает былины от песен, относясь к первым несравненно более серьезно. Интересно, например, что во многих местностях в великий пост песни петь нельзя, а старины — можно⁴⁵.

Очень серьезно и с большим доверием относилась к былинным текстам основная масса сказителей, с которыми познакомились собиратели XIX в. Большая часть певцов стремилась возможно точнее воспроизвести содержание произведения и убедить слушателей в их достоверности. Известно высказывание А. Гильфердинга: «...Множество признаков убедили меня что северорусский крестьянин, поющий былины, и огромное большинство тех, которые его слушают, — безусловно верят в истину чудес, которые в былине изображаются». Гильфердинг дальше сообщает, что слушатели верили во все то, о чем поется в былине, «как если бы дело шло о событии вчерашнего дня; правда, необыкновенном и удивительном, но тем не менее вполне достоверном»⁴⁶. Скептики встречались среди сказителей чрезвычайно редко⁴⁷. Один из сказителей на все сомнения в достоверности необычайных вещей, встречающихся в былинах, отвечал, что в старину «люди были вовсе не такие, как теперь»⁴⁸. Все собиратели свидетельствуют, что большая часть сказителей старалась передать текст так, как исполнял тот сказитель, от которого былина была усвоена.

Доказательством стремления сказителей к точности передачи текста может быть и такое свидетельство Гильфердинга: «Когда я замечал им, что они пропустили что-нибудь или спели нескладно, то иные старались «выпомнить» лучше это место, но никому в голову не приходило сгладить пропуск или нескладицу собственным измышлением. Обыкновенно же, хотя бы указана была в былине явная нелепица, сказитель отвечал: «так поется», а про что раз сказано, что «так поется», то свято; тут, значит, рассуждать нечего... Не раз сказитель, пропев про князя Владимира какой-нибудь стих, весьма к нему непочтительный, просил за это не взыскивать, потому-де мы сами знаем, что нехорошо так говорить про святого, да что делать? Так певали отцы, и мы так от них научились»⁴⁹.

Для рябининской традиции характерно классически строгое отношение к содержанию былины; особенно это касается Ивана Трофимовича Рябич-

⁴⁴ См., например, «Пісня кріпосних втікачів» в сб. «Думи та історичні пісні», Сост. М. Плісецький, Київ, 1941, стр. 231.

⁴⁵ См., например, А. Григорьев, Архангельские былины и исторические песни, Прага, т. II, 1924, стр. 26.

⁴⁶ А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, изд. 4-е, т. I, М.—Л., 1949, стр. 36.

⁴⁷ Гильфердинг называет лишь двух таких сказителей; оба были начитанными людьми и старообрядцами (стр. 37). Старообрядчество связано с отрицательным и скептическим отношением к «мирским песням» (см. «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», изд. 2-е, т. I, СПб., 1909, стр. XVI).

⁴⁸ А. Ф. Гильфердинг, Указ. раб., стр. 37.

⁴⁹ Там же, стр. 53—54.

нина и Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. Иван Трофимович возмутился, когда педагоги женского учебного заведения попросили его пропустить некоторые строки, которые они сочли неприличными; он сказал: «На то она и старинка, что как старики певали, так и нам петь надо!.. Сам знаешь, не нами сложилась, не нами и кончится»⁵⁰. Наставала на верности былин историческим фактам и такая выдающаяся сказительница, как Н. С. Богданова (Зиновьева)⁵¹. Убежден был «в справедливости всего, о чем говорится в былинах», и алтайский сказитель Леонтий Тушицын⁵². Онежский сказитель А. Б. Суриков, как сообщали собиратели, «глубоко верит в правду, реальность излагаемых... сюжетов, любит размышлять о содержании былин и песен, пытаясь примирить встречающиеся противоречия»⁵³. Содержанию былин верил и один из виднейших сказителей на Кулое Е. Д. Садков⁵⁴.

Именно на основании многих подобных материалов В. Ф. Миллер категорически заявил о полном доверии певцов к былинам, причем не только к их историческим данным, но и к элементам фантастики⁵⁵.

Нужно сказать, что среди некоторой части сказителей заметно и иное отношение к текстам. Общеизвестно, что весьма свободно изменял былевые сюжеты Щеголенок, что А. Сорокин предлагал Гильфердингу спеть былину «так или иначе». Довольно свободно относилась к былевым текстам и создавала иной раз совершенно новые редакции А. М. Крюкова. Одну из таких ее редакций недавно подробно рассмотрела А. М. Астахова, дав общую оценку поэтической деятельности сказительницы и указав, что по своей творческой манере она до некоторой степени приближается к своей дочери — М. С. Крюковой, являющейся типичным сказителем-импровизатором⁵⁶. Нельзя, однако, обойти совершенно определенное замечание А. Крюковой, говорившей, что «проклят будет тот, кто позволит себе прибавить или убавить что-нибудь в содержании старин»⁵⁷. Само по себе это замечание явно связывает творчество А. М. Крюковой с классической традицией. Весьма ценно сообщение Р. Липец о взглядах самой М. С. Крюковой: «Исторически достоверными она считает только былины золотицкие, лишь отчасти мезенские, все же сборники из других районов она не может читать без сильного раздражения — «всё врака!», все, по ее мнению, искажено и перепутано»⁵⁸.

Остается лишь выяснить стимулы, заставлявшие мать и дочь Крюковых (как и Сорокина и некоторых других сказителей) отходить от этой традиции. Известную роль здесь, как видно, сыграло стремление певца особо выделить себя перед собирателем, занять какое-то особое место, проявить исключительное личное мастерство.

Ясно одно — такое отношение к былинным текстам явно более позднее, вторичное; его усиление, вероятно, в какой-то мере связано с собирательской работой.

Стремление точно передать текст характерно для сказителей любого героического, особенно именно исторического эпоса. Н. Семенов свидетельствовал о ногайских сказителях, что они «исторические факты вос-

⁵⁰ «Этнографическое обозрение», кн. 23, 1894, стр. 119.

⁵¹ «Русское народное поэтическое творчество», т. II, кн. 2, М.—Л., 1956, стр. 289.

⁵² См. письмо С. И. Гуляева к Л. Майкову, «Былины и песни Южной Сибири», Новосибирск, 1952, стр. 302.

⁵³ «Онежские былины» («Летописи», Гос. лит. музей), стр. 536.

⁵⁴ А. Григорьев, Указ. раб., т. II, стр. 146.

⁵⁵ В. Миллер, Былинное предание в Олонецкой губернии, «Русская мысль», 1894, кн. III, стр. 6.

⁵⁶ А. М. Астахова, Былинный эпос, «Русское народное поэтическое творчество», т. II, кн. 2, стр. 251—253, 293—296.

⁵⁷ А. Л. Маслов, Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад, «Труды музыкально-этнографической комиссии», т. II, М., 1911, стр. 307.

⁵⁸ «Былины М. С. Крюковой», записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец, вводная статья Р. Липец, «Летописи», Гос. литературный музей, М., 1939, стр. 25.

тровергают с точностью летописца⁵⁹. Так обстоит дело и с исполнением рун «Калевалы», несмотря на то, что они имеют менее выраженный исторический характер. «Певцы рун, подобно русским сказителям, — пишет современный исследователь, — чаще всего с замечательной бережливостью передавали заученные песни своим потомкам, стараясь не исказить не только фабулу, но и каждую строку. Поэтому даже при устной передаче от одного рунопевца к другому, через десятки поколений много рун дошло до нас в поразительной сохранности. Они ярко характеризуют ту эпоху, когда были созданы»⁶⁰. Исполнитель бурятского эпоса считает, что он не имеет права «ничего от себя ни прибавлять, ни убавлять, ибо за такое свое звание он, по всеобщему убеждению, расплачивался своей душою»⁶¹.

Певцы эпических произведений очень часто стараются каким-либо образом подчеркнуть правдивость их повествования. Достоверность текста они как бы хотят подтвердить обычной концовкой «то старина, то и деянье»⁶². А. В. Марков замечает, что старины посвящались конкретным лицам, так как недаром в заключительных словах поется, что такому-то «славу поют, старину скажут»⁶³. В украинских думах обычна концовка, в которой упоминается, что герой умер, но слава его не умрет, например:

Правда, панове, полягла Кишки Самійла голова
В Києві — Каневі монастирі...
Слава не вмре, не поляже!⁶⁴

В эпосе историзм очень часто подчеркнут стремлением певца указать точное время и место события. В старейшей записи думы о Самийле Кишке (первые годы XIX в.) так сообщается о времени возвращения его из плена и о его смерти:

Приехал Кишко Самыйло, гетман запорожский,
в осени о Покрове,
Та умер в Филиповку об Николае⁶⁵.

Приведем пример из исторической песни:

Не дивуйтесь, добрій люди,
Що на Вкраїні повстало:
Ой за Дащевом під Сорокою
Множество ляхів пропало⁶⁶.

Достоверность содержания произведения иной раз певцы подчеркивают с первых же слов. Вот начало словацкой песни о сожжении Миявы немцами (1621):

Poslyšte, krest'ane, noviny pravdivé⁶⁷.

Украинские исторические песни и баллады о местных событиях, о чрезвычайных происшествиях также часто начинаются с обращения к слуша-

⁵⁹ Н. Семенов, Туземцы северо-восточного Кавказа, СПб., 1895, стр. 483.

⁶⁰ С. С. Гадзяцкий, Карелия в IX — первой четверти XIII в., «Очерки истории СССР», ч. I, М., 1953, стр. 703—704.

⁶¹ «Аламжи-Мерген», Вводная статья Г. Д. Санжеева, М.—Л., 1936.

⁶² На это было обращено внимание еще 126 лет тому назад (См. Е. Макаров, Листки из пробных листков для составления истории русских сказок, «Телескоп», М., 1833, ч. 17, стр. 123—131, 385—399; ч. 18, стр. 111—132, 343—358. См. ч. 18, стр. 123).

⁶³ А. Марков, Свидетельства о термине «старина» (былина), «Этнографическое обозрение», 1912, кн. 92—93, стр. 219—221.

⁶⁴ «Українські народні думи та історичні пісні», Київ, 1955, стр. 48.

⁶⁵ П. Житецкий, Мысли о народных малорусских думах, Киев, 1894, стр. 233.

⁶⁶ П. Кулиш, Записки о Южной Руси, т. II, СПб., 1857, стр. 252.

⁶⁷ «Historické piesne», Tetsty a komentáre pripravil R. Brtáň. Úvod napísal A. Melicherčík, Bratislava, 1953, стр. 105.

телям с просьбой обратить особое внимание на описываемое событие, причем само собой разумеется, что рассказ будет правдивым:

Чи чуєте, люди добрі, що хочу казати,
Бо я хочу Штєлюкові співанку співати⁶⁸.

Чу чули ви, люде добрі, такої публіки,
Пішли хлопці в гайдамахі із нашої Ріки⁶⁹.

Чи чули ви, добрі люде, як звони звонили,
Та де жъ мого товариша в Белесені ймили⁷⁰.

Таким же обращением начинаются и словацкие «ярмарочные» песни:

Postojte, občania, piseň sí posuňte...⁷¹.

Достоверность рассказанного факта в балладах порой подчеркивается указанием на то, какое отношение имел их автор к герою происшествия; это указание как бы играет роль авторской подписи, заверяющей текст. Песня об убийстве Степана Нестерюка заканчивается так:

А вже тобі, Нестерюку, співанка зложена.
Ой у саду, у садочку зазуля ковала,
Тоту собі співаночку сестричка складала,
Вона собі іскладала, все єї співала,
Щоби брата, Степаночка, та не забувала⁷².

Еще более характерно окончание одной буковинской баллады о трагической гибели крестьянина по имени Власий:

Ой ковала зозулечка, тай сіла на тоці,
Цей припадок, люди, стався в двадцять сьомім році.
Ой ковала зозулечка, камень покочила,
Цю співаночку покойному склав Лисько з Бурила.
Всі зірнички та й на небі, місяць припізнився,
Тужив Лисько за Власієм і піснеу пожурився⁷³.

В словацкой песне о Мурамском замке сообщается имя автора, указывается, что он был свидетелем событий, и приводится их дата⁷⁴.

Исполнители героического эпоса настолько уверены в том, что поют «песню правды», что порой даже отказываются исполнять те песни, прав-

⁶⁸ Я. Головацкий, Народные песни Галицкой и Угорской Руси, т. III, вып. 1, М., 1878, стр. 59.

⁶⁹ Я. Головацкий, Народные песни Галицкой и Угорской Руси, т. I, М., 1878, стр. 162.

⁷⁰ Там же, стр. 161.

⁷¹ A. Melicherčík, Spoločensky spev na Slovensku, Bratislava, 1944, стр. 15. Интересно, что «ярмарочные» песни исполнялись с соответствующим реквизитом. Ярмарочный певец носил с собой плакат, на котором была записана основная часть текста песни. При пении исполнитель показывал на плакате соответствующее место. Это способствовало усвоению песни слушателями.

⁷² Я. Головацкий, Народные песни Галицкой и Угорской Руси, т. I, стр. 56

⁷³ Записано в с. Виженцы (Северная Буковина) в августе 1940 г. от К. Клема, 19 лет. Фонды Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, Материалы экспедиции в Буковину, 1940 г., № 45.

⁷⁴ «Historicke piesne», стр. 61.

дивость которых им представляется сомнительной. Знаток сербо-хорватского эпоса М. Мурко приводит типичный факт: один певец из Боснии не хотел петь песню о смерти Францишека Дердинанда, поскольку ее исполняют в трех вариантах и он не знал, который из них верный⁷⁵.

Характерно, что отношение сказителей к сказкам совершенно иное, и народ говорит «Сказка — складка, а песня — быль» или даже «Сказка — врач, а песня — быль». «Детское это» — пренебрежительно отзывался о сказках исполнитель былин Егор Суриков⁷⁶. Николай Торопов сказок «вовсе не знал и относился к ним пренебрежительно, называя их „вранницами“»⁷⁷. Такого же мнения был Ф. Грибанов: «О сказках отзывался пренебрежительно: „О, эти пустяковины знал, когда молод был, о Еруслане Лазаревиче да о Бове; а вот о старинах и теперь размышляю, что это правда была“»⁷⁸. Современные сказители очень редко противопоставляют былины сказкам. Вот типичное сообщение об отношении одного из сказителей к обоим жанрам: «К былинам Самылин сохранил большое уважение, в 1926 г., во время записи, он с трогательным старанием пытался восстановить в памяти забытое. Иное отношение он высказывал к сказкам: „Сказки, — говорил он, — неинтересны, другое дело старины“»⁷⁹. Очень хорошо это различие в отношении сказителей к сказке и к былине ощущал еще В. Г. Белинский: «Есть большая разница между поэмою или рапсодом и между сказкою. В поэме поэт как бы уважает свой предмет, ставит его выше себя и хочет в других возбудить к нему благоговение... Отсюда происходит большая разница в тоне того и другого произведения: в первом — важность, увлечение, иногда возвышающееся до пафоса, отсутствие иронии, а тем более пошлых шуток; в основании второго всегда заметна задняя мысль, заметно, что рассказчик сам не верит тому, что рассказывает, и что внутренне смеется над собственным рассказом»⁸⁰.

Наблюдения автора данной статьи над бытованием сказок также подтверждают это положение. Современная крестьянская аудитория слушает первоклассного сказочника с вниманием, следя за замысловатыми фантастическими образами волшебной сказки, остроумными сюжетными ходами или удачными репликами героев бытовой сказки, но никто из слушателей, за исключением детей, не верит в правдивость ее произшествий.

Стремление сказителя передать текст произведения в сохранном виде может объясняться двумя основными причинами: ритуальным значением произведения (например, заговоров и заклинаний) или желанием сохранить память о важном событии или о героической личности. Первая причина для былинного эпоса (или во всяком случае для большей части дошедших до нас сюжетов) отпадает, зато вторая играла в его развитии исключительно важную роль. Мы видим, что для основной массы сказителей правдивость не была условной; образы былин считались достоверными, иначе для чего бы певцам стремиться возможно точнее воссоздать содержание. «Сохранение исторически ценного в историческом эпосе, — как пишет Д. С. Лихачев, — есть результат сознательного, исторического отношения народа к содержанию эпоса»⁸¹.

В историческом эпосе необходимость сохранения в тексте достоверных данных сказывается несравненно сильней, нежели в других жанрах. Есте-

⁷⁵ М. Мурко, Предисловие к т. XI «Prace slovanského ústavu v Praze», Прага, 1933, стр. XIV.

⁷⁶ А. М. Астахова, Былины Севера, т. I, М.—Л., 1938, стр. 478.

⁷⁷ А. М. Астахова, Былины Севера, т. II, М.—Л., 1951, стр. 10.

⁷⁸ Там же, стр. 467.

⁷⁹ Там же, стр. 377.

⁸⁰ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. V, М., 1954, стр. 354—355.

⁸¹ Д. С. Лихачев, Возникновение русской литературы, М.—Л., 1952, стр. 51.

ственное для талантливых певцов стремление улучшить образ при его воссоздании, теснее связать с переживаемым моментом, актуализировать, заострить его социальную направленность, модернизировать социальные конфликты и т. п. в историческом эпосе тоже имеет место, но в значительной мере сдерживается необходимостью сохранить достоверность содержания. В древности этого требовал также контроль слушателей, которым могли быть хорошо известны описываемые события или хотя бы соответствующие предания.

Из сказанного следует, что развитие героического эпоса в период разложения общинного строя и особенно в раннефеодальный период вызывалось общественными задачами, связанными с возникновением классов и складыванием государственности. Данный жанр был не только орудием идеиного воспитания населения, но в то же время был средством информации и более или менее надежным историческим источником, своего рода государственным документом, подтверждавшим сведения о тех или иных победах над противником, те или иные факты дипломатического и торгового характера и проч.⁸²

Некоторые выводы. Одной из важных причин, стимулировавших возникновение и расцвет героического эпоса, была в период возникновения и становления государственности и пробуждения национального сознания настоятельная потребность общества в фиксировании своей истории. Эта потребность вызывалась как воспитательными задачами общества, так и целями правовыми, дипломатическими и другими. В этом отношении эпос (как и исторические предания) был призван служить тем же задачам, которые выполняло и летописание. Отношение певцов русских былин к тексту, их стремление к точности его передачи, убежденность в достоверности содержания и стремление ее подчеркнуть и доказать, противопоставление былин сказкам свидетельствуют о былевом эпосе как об эпосе по преимуществу историческом.

Исторический эпос должен был интенсивно развиваться именно в условиях первых значительных социальных катаклизмов. Это означает, что расцвет былевого эпоса нужно относить уже к раннефеодальному периоду, а возникновение эпоса исторической тематики — к поздней стадии первобытно-общинного строя.

SUMMARY

Among the reasons which stimulated the rise and development of heroic epos was, in the period of the emergence of the state and the dawn of national consciousness, the urgent need felt by society of recording its history. This was called for by society's educational tasks and its legal, diplomatic and other functions. In this respect, epic poetry served the same purposes as chronicle writing. The attitude taken by the reciters to

⁸² В данной статье я остановился лишь на некоторых причинах, обусловливавших расцвет восточнославянского героического эпоса в эпоху, когда впервые складывались на Руси классы, развивалось национальное сознание, восточнославянские племена осознали свое единство и стали рассматривать «землю Русскую» как единое целое, — в эпоху, когда создавалась русская государственность. Других условий возникновения героического эпоса я здесь не буду разбирать, тем более, что пытался осветить этот вопрос в одной из довоенных работ (М. Плещецкий, Умови творения в епосу в Київській Русі, «Літературна критика», 1940, № 11—12, стр. 76—91). Историки указывают на возникновение политических образований в VI и VIII вв. и на «интенсивный процесс классообразования у восточных славян» в эти столетия. (Б. Д. Греков, Указ. раб., стр. 117. См. также его труд «Борьба Руси за создание своего государства», М.—Л., 1945, стр. 15—46). Поэтому представляется необходимым осторожно подходить к приурочению определенных эпических героев и целых произведений к периоду еще более древнему, нежели время зарождения классового общества. Попытки же вынести весь былевой эпос за пределы феодализма игнорируют самое существенное в русских былинах: идеи единства Русской земли, необходимости обороны всей страны от кочевников, образ Киева — как центра страны, и др.

their narrative — e. g. by the Russian byliny tellers — their striving for accurate rendering, their belief in the authenticity of the events (they constantly sought to emphasize and prove it), and the fact that the byliny were contrasted to fairy tales, all characterize this type of epos as a primarily historical genre.

The development of historical epos was necessarily bound up with the first great social upheavals. The emergence of epics based on historical themes should therefore be referred to a later stage of the primitive-communal system, and their efflorescence to the early feudal period.

It should be born in mind that the documentary value of an epic as a historic source was invariably limited by its specific features of a folklore genre — by the current standards of typification and individualization of characters and poetical canons characteristic of the folklore of the given people in general, and its epic poetry in particular. At the same time the rhythmic quality of the epics helped to commit them to memory and thus to preserve in unrecorded form the history of the people.

М. АБДУРАИМОВ

ПЕРЕЖИТКИ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ В УЗБЕКСКОМ КИШЛАКЕ ХУМСАН

(XIX — начало XX в.) *

Горное селение Хумсан расположено в Бостандыкском районе Ташкентской области¹, к северо-востоку от Ташкента, в предгорьях западного Тянь-Шаня, на берегу р. Угам. Кишлак лежит в лощине, с трех сторон окруженней высокими горами.

В XIX—начале XX в. в Хумсане сохранялись пережитки сельской общины. Они проявлялись в укладе общественной жизни, в землепользовании, скотоводстве, ремесле и т. д. Описание этих пережитков общины устроев, все более разрушавшихся в условиях роста классового расчленения узбекского народа, составляет задачу настоящей статьи.

Свою общину хумсанцы называли «юрт»² или (очень редко) «джамоа».

Одной из характерных особенностей сельской общины в Хумсане было сохранение здесь до недавнего времени пережитков патриархально-родовых отношений. До коллективизации в кишлаке насчитывалось более полуторы тысячи семейств, и каждое из них знало, к какой родовой группе оно принадлежит, знало и родоначальника этой родовой группы.

Основные родовые группы — «тол» — в Хумсане были следующие: Шо(х)бува, Олимбува, Мирсидиквой, Мирзабек, Толиббува, Тоирбува, Турдивой, Разыкбува, Ирисвой³. Возможно, что хумсанские толы некогда включались в состав существовавших в самом Хумсане или других местах больших родов, входивших в тот или иной племенной союз. Однако даже у глубоких стариков, проживающих ныне в кишлаке, не сохранилось воспоминаний о том, к какому из известных в литературе крупных тюркских племен принадлежали их предки.

От людей, пришедших в кишлак позднее, коренные жители обособлялись, называя их «авлод» (потомки, потомство). Судя по их именам, авлоды были выходцами из таджикского, казахского, киргизского и другого населения, проживавшего в соседних горных местностях Бостандыкского района. Авлоды: Исмат-таджик, Букамбай-киргиз, Тулак-казах, Курбан-кул-калмык, а также чукайчи⁴ поныне составляют довольно

* В основу статьи легли личные наблюдения автора, уроженца Хумсана, а также информация, полученная от его жителей старшего поколения. Большую помощь при написании статьи оказали мне О. А. Сухарева и Я. Г. Гулямов.

¹ В начале 1956 г. по постановлению Президиума Верховного Совета КазССР Бостандыкский район из состава Казахской ССР перешел в состав Узбекской ССР.

² В Хумсане и ныне употребляют средневековый тюрко-монгольский термин «юрт» в смысле стоянки, населенного места, кишлака.

³ Воспоминания Беркинбува Сабирова (1867 г. рожд.), Муллы Махаммад домла Баева (1869 г. рожд.), Абдулхакима Халова (1866 г. рожд.), Бувараимбува, сына Исмаилбува (1865 г. рожд.). В говоре хумсанцев слово «бува» означает «бобо», т. е. «дед».

⁴ «Чукайчи» — ремесленник, занимавшийся производством «чукай» — обуви из сырой смятой кожи.

большую часть населения кишлака. По нашим сведениям, они появились в Хумсане в середине или во второй половине XIX в. Престарелые жители Хумсана хорошо помнят приход в кишлак в 1880-х годах Тулак-казаха и Букамбай-киргиза. Эти пришельцы, хотя и стали членами общины, ни в какие топы принты не были; когда в начале XX в. между членами топов и авлодами стали заключаться браки, потомство их все же в топы не допускали. До установления советской власти авлоды были лишены многих прав; они не могли избирать и быть избранными в органы управления кишлака; их дома находились на окраинах, в неблагоустроенных местах, а авлоды Тулак-казаха жили даже вне кишлака, в местности Кирагил (к северо-востоку от Хумсана). Авлоды были беднее, чем члены топов.

Устойчивость родственных связей и замкнутость топов отражались в обычаях заключения брака. Каждый топ старался не отпускать никого из своих членов на сторону. Был распространен кросскузенный брак, реже встречался брак ортоказанный; последний был обусловлен экономическими расчетами. Если девушка являлась единственной наследницей бога того отца или предполагалось, что, наряду с другими наследниками — мужчинами, она унаследует значительную часть земли и скота, ее ни когда не отдавали замуж за чужого. Но, с другой стороны, богатые семьи были заинтересованы в большом числе рабочих рук. Некоторые принимали все меры к тому, чтобы закрепить за собой работников — «кошчи» (издольщиков) и «кароли» (батраков). Бывало, что хозяин, не желая лишиться своего кошчи, женил его сам; некоторые богатые крестьяне женили кошчи на своих дочерях. Такой брак был одним из средств эксплуатации: кошчи-зять всю жизнь безвозмездно работал на своего тестя.

Большинство хумсанцев жило большими патриархальными семьями, после женитьбы сыновей не выделяли, стараясь не дробить хозяйство. Если кто-нибудь из сыновей выделялся после женитьбы, в этом обвиняли молодую сноху или мачеху новобрачного, если она у него была. Накануне коллективизации (1929 г.) в Хумсане было еще много неразделенных семей. Небольшое число их продолжает существовать и поныне. Так, Беркинбува Сабиров (1867 г. рожд.), в прошлом зажиточный крестьянин, до последнего времени не выделил своих сыновей. В его семье 26 человек: все они питаются вместе, как говорится у узбеков, — из одного котла. Старший сын Беркинбува Сабирова Пират имеет 16 детей и внуков, а его младший сын Махмуд только одного ребенка; при этом Махмуд, работающий заготовщиком фруктов в Бостандыкском сельпо, зарабатывает значительно больше, чем его многодетный брат Пират. И все же, несмотря на неравные доли вкладов в общее хозяйство, семья живет очень дружно.

Сельская община Хумсана имела свою правящую верхушку. Над всей общиной стоял «аксакал» (старшина), в подчинении которого находились «эллик-бashi» (пятидесятники) «даха» (кварталов). По воспоминаниям одного из бывших аксакалов, Мулла Назара (умер в 1931 г. в возрасте 98 лет), аксакала и пятидесятников до присоединения Средней Азии к России назначал бегляр-беки Ташкента⁵. После присоединения Средней Азии к России аксакал и эллик-бashi, в соответствии с порядком, установленным Положением об управлении Туркестанским краем, переизбирались через каждые три года. Выборами аксакала и эллик-бashi руководил мингбashi, представитель местной уездной администрации.

На должность аксакала обычно претендовали одновременно несколько человек. По словам стариков, каждый влиятельный топ выставлял свою кандидатуру. Претендент на должность аксакала и богатые члены

⁵ «Бегляр-беки» (букв. бек над беками) Ташкента в качестве наместника кокандского хана управлял всеми северными частями ханства — от Ташкента до Ак-Мечети (ныне Кзыл-Орда).

его топа давали взятки мингбashi, эллик-bashi и некоторым влиятельным избирателям и в течение нескольких дней устраивали для них угождение. В назначенный день все претенденты собирали своих избирателей отдельными группами в центре кишлака, и мингбashi со своими людьми производил подсчет собравшихся. Аксакалом становился тот, чья группа была больше. Процедура избрания эллик-bashi кварталов была той же. В выборах принимали участие все члены топов; авлоды, как уже говорилось, в выборах не участвовали.

В органах местной администрации Хумсана главную роль играли привилегированные топы: Шобува и Мирзабег. Все должностные лица — аксакалы, эллик-bashi, мингбashi, кази и др. — избирались из этих двух топов. Поэтому топы Шобува и Мирзабег постоянно соперничали и находились во вражде друг с другом.

Аксакалов избирали почти всегда из топа Шобува. Мингбashi тоже обычно избирались из того же топа, а кази — из топа Мирзабег.

* * *

До коллективизации основное место в хозяйстве хумсанцев занимало богарное земледелие. Орошаемых земель, используемых для садоводства, бахчеводства и овощеводства, у хумсанцев было немного, и они играли меньшую роль, чем в соседних кишлаках (Ходжент, Чимойлик, Газелкент, Хандайлык и др.). Все богарные земли, пригодные для возделывания зерновых культур, находились в общем пользовании.

По воспоминаниям стариков, хорошо знающих особенности хозяйства хумсанцев по крайней мере за два поколения назад, в давние времена орошение земель вообще было не в обычай хумсанцев. Но в середине и особенно во второй половине XIX в. положение изменилось. Вся община или отдельные ее члены стали все более заниматься освоением и орошением новых земель «буз» и «курук» (эти слова можно условно перевести русскими терминами: залежные и целинные земли) ⁶.

Земли, находившиеся в северо-западной части кишлака, орошались водами арыков, выведенных из ручьев Консай и Аркыт, и носили название «дала» (букв.— поле).

В Хумсане земля орошалась двумя способами: арыками, выведенными из речек (сай) или ручьев (анхор), и водами родников (булак). Водой пользовались все, кто принимал участие в проведении арыка и чьи посевы и сады были расположены в орошаемой им полосе. Вода родников считалась собственностью тех, на чьих землях находились родники.

За регулированием водопользования из оросительного арыка следил мираб, назначаемый водопользователями. Мираб распределял воду по «чакам» (очередям). Каждый получал воду, когда подходила его очередь, будь то днем или ночью. За работу мирабу назначалась определенная плата, обычно зерном. Каждый пользователь водой, смотря по размерам орошаемых полей, платил ему от одного до двух пудов пшеницы.

Об устройстве арыков, их ремонте и очистке заботилась вся община, и орошаемая земля вначале была собственностью всей общины. Престарелые жители Хумсана хорошо помнят, что только в 1880-х — 1890-х гг. произошел дележ этих орошаемых земель между всеми членами хумсанских топов, причем при распределении земли все члены топов получили одинаково — по одному кошу⁷. Жители, пришедшие в Хумсан позже и не входившие в топы, орошенной земли не получили. Те члены топов, которым не хватило земли на «дала» получили (тоже по одному кошу) орошаемые поля в других местах близ селения.

⁶ Другое значение термина «курук» и литературу о нем см. ниже.

⁷ «Кош» — участок земли, вспахиваемый в течение дня упряжкой из двух быков.

Но вскоре подавляющее большинство членов общинь лишилось своих наделов. С развитием частной собственности на землю начался захват орошаемых земель верхушкой общинь, и устои сельской общинь в Хумсане стали все больше разрушаться.

Захват общинных земель начался с плодородной, орошенной родниками водами восточной окраины Хумсана. В конце XIX в. группа людей, принадлежавших к верхушке жителей Хумсана, объявила эту землю запретной, недозволенной («харом») и не позволила засевать ее другим членам общинь. Правда, какая-то часть общинь, по-видимому, оказали им сопротивление. Тогда бай пошли на уступки, пустив на земли «харом» еще нескольких жителей Хумсана, а некоторых сопротивлявшихся подкупили. Захватившие землю разбили в этом районе фруктовые сады, стали засевать поля вместо зерновых культур клевером, бахчевыми и т. д.

Затем начался захват и других плодородных земель сельской общинь — упомянутых выше «дала», орошенных силами всех жителей кишлака. Во второй половине XIX — начале XX в. их стали постепенно захватывать зажиточные крестьяне и кулаки. Утраты земельных наделов большинством членов общинь была вызвана налоговым гнетом и острой материальной нуждой. Бедняки закладывали свои земли богатым баям, которые платили за них налоги; потом они не могли расплатиться с землевладельцами и вынуждены были продавать им свои земли. Иногда бедняки крестьяне уходили из кишлака в поисках заработка с тем, чтобы накопить денег и выкупить свою землю, но это почти никому не удавалось. Постепенно все земли «дала» превратились в собственность захвативших богатых семей.

О практике широкого заклада земли беднейшей частью населения Ферганской долины и о сосредоточении орошаемых земель в руках богатых семей и разрушении основы общинного землевладения писал агроном В. Юферев⁸. Тот же процесс описан в новейшей этнографической литературе по материалам, собранным в Наманганской области⁹.

Захват общинных земель шел не только путем заклада и покупки, но и путем прямого завладения теми землями, которые при затрате известного труда и средств можно было обеспечить водой. На юге Хумсана имелись тугаи — заросли дикорастущих фруктовых деревьев и камыши, которыми в прошлом пользовались все жители кишлака. Это уроцище местные жители называли Тукай. В конце 1880-х годов один из богачей очистил участок тугаев от деревьев и кустарников, вспахал его и засеял зерном. На следующий год он провел арык из речки Аркыт, оросил этот участок, засеял его клевером, посадил фруктовые деревья и огородил уроцище Тукай, соорудив вокруг него дренажные канавы (завур) и ограждение из колючих прутьев.

Когда после захвата уроцища Тукай некоторые члены общинь стали проявлять недовольство, почти во всех мечетях кишлака после намазов начали выступать имамы и другие духовные лица с напоминанием о том, что «земля принадлежит богу, а вода — султану, владыке страны». В данном случае имелись в виду богачи и амалдоры кишлака. Богачи, захватывавшие общинные земли, ссылались на известную норму мусульманского права, признающую частную собственность на «оживленную», т. е. орошенную, землю.

В первую очередь богатые семьи Хумсана захватывали те земли, где были родниковые воды. В кишлаке и поныне сохранилось более тридцати больших фруктовых садов, разведенных на землях, орошаемых такими

⁸ В. Юферев, Хозяйство сартов Ферганской области, Ташкент, 1911, стр. 16—22.

⁹ О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова, Прошлое и настоящее селения Айкыран. Опыт этнографического изучения колхоза имени Сталина Чартакского района Наманганской области, Ташкент, 1955, стр. 36—89.

водами. Здесь разводили цветущие сады и высевали разнообразные поливные культуры, тогда как принадлежавшие другим дехканам соседние земли засевались только богарными зерновыми культурами. Среди освоивших эти земли под сады не было ни одной бедной семьи. Для скопления воды владельцы родников сооружали возле них большие водоемы, называвшиеся «думба». Соседям воды для орошения не давали — им разрешали лишь поить скот и брать воду для питья. Для подхода скота и людей к водоему владельцы «думба» оставляли тропинки (в Хумсане такие тропинки существуют и поныне; они называются «ёлгиз аёк йўл», т. е. дорожками, по которым можно ходить лишь пешком и по одиночке), а остальной участок огораживали колючим кустарником. Отгороженная земля называлась средневековыми терминами «кура» или «курук»¹⁰. Только в тех случаях, когда вода была в избытке, ее владелец отпускал излишки соседям за определенное вознаграждение; чаще всего он отрезал за это часть соседней земли.

Вскоре в Хумсане появились собственники не только родниковой воды, но и больших оросительных каналов. Так, Сатиболдыбай из топа Шобува на северо-западной окраине кишлака соорудил арык, отведя воду из родников, известных под названием Минг-булак, и оросил им более двадцати батманов земли¹¹. Он же вывел другой арык протяженностью более 25 верст на северо-востоке Хумсана и оросил земельные массивы, известные под названием Суфа. Участок более чем в пятнадцать батманов был засеян клевером. В последующее время крестьяне, посевы которых были расположены в полосе этого арыка, принимали участие в ремонте и очистке арыка, и потому им разрешалось пользоваться его водою. Но жители казахских аулов Бечит и Капаль, расположенных к юго-востоку от Хумсана, за получение воды из арыка Сатиболдыбая обязаны были платить ему зерном и баранами, иначе владелец арыка не разрешал им пользоваться водой. После смерти Сатиболдыбая (в конце 1890-х годов) указанные арыки были расширены его сыном Шомадбаем, одним из крупных землевладельцев начала XX в. Шомадбай соорудил еще один новый арык, известный под названием Чимган-арык. Все эти арыки были заброшены в годы разрухи, связанной с гражданской войной¹².

Другие богачи кишлака вывели большой арык из речки Кирагил. В отличие от других арыков, он не был предназначен для орошения: здесь построили водяные мельницы, приносившие довольно крупный доход.

Не ограничиваясь захватом орошаемых земель, верхушка Хумсанской общины постепенно присваивала себе и богарные земли кишлака.

Вместе с развитием частной собственности на землю и воду и с ростом классового расслоения в кишлаке появились различные социальные группы, на характеристике которых мы должны коротко остановиться.

Выше указывалось, что наряду с владельцами больших земельных угодий (как поливных, так и неполивных) среди хумсанцев имелись ма-

¹⁰ Кўра (кўръя) — тюркско-монгольский термин, означающий ограду из камыша или из прутьев, внутри которой ставились палатки на зимовье. «Для могущественного Тимура и славных царевичей устроили кура из тростника, а внутри их воздвигли высокие шатры и палатки» (Шарафуддин Али Иезди, Зафар-намэ, Калькуттск. изд., 1885—1888, стр. 381). Тюркское «курук» означает запретное, заповедное место: «Близ Шамсабада Малик-Шамсуль-Мульк отвел пастбище для царских лошадей и назвал это место Гурук (состав. курук). Он огородил это место крепкими стенами» (Мухаммед Наршахи, История Бухары. Пер. с персидского Н. Лыкошина, под ред. В. Б. Бартольда, Ташкент, 1897, стр. 40); См.: А. Л. Троицкая, Заповедники курук кокандского хана Худаяра, «Сборник Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», вып. III, Л., 1955, стр. 125 сл.

¹¹ Батман земли — площадь, на которой высевается 1 батман пшеницы. В Хумсане батман равнялся 11 пудам.

¹² Запись воспоминаний Эрматбайбачи, сына Шомадбая (1882 г. рожд.).

лоземельные и совсем безземельные крестьяне. Безземельные становились издольщиками (кошчи) и батраками (кароли)¹³. В большинстве и другие не были членами топов, а набирались из числа авлодов — кайчи, Букамбай-киргизов, Тулак-казахов и других. Подавляющее большинство этих авлодов были безземельными и бесскотными; у многих было даже ослов, столь необходимых в условиях Хумсана в качестве верховых и вьючных животных. Их жилища обычно состояли из одной комнаты и навеса с маленьkim двориком: запас одежды — из двух-трех бах, штанов и ватного халата из хлопчатобумажной ткани. Не в лучших экономических условиях находились те кошчи и кароли, которые были членами топов.

Богатые семьи нанимали по несколько кошчи и кароли. Обязанности их были определены довольно четко. Кошчи занимался вспашкой земли, поднятием зяби, посевом зерна. После окончания весенних посевов он заготавливал сено на зиму. Тем временем подходила пора жатвы, а затем посева озимой пшеницы. За свою работу все кошчи, работавшие на данного хозяина, получали от него $\frac{1}{4}$ урожая зерновых на весах. За работы, не связанные с зерновыми культурами (например, на сенокосе в саду, на бахчах и т. д.), кошчи не получали ничего. При этом кошчи получив $\frac{1}{4}$ часть урожая, обязаны были платить и $\frac{1}{4}$ часть поземельного налога хозяина. Обычно они не были в состоянии платить этот налог — за них платил бай, и кошчи тем самым становились все более зависимыми от него.

Бедняку-кошчи было трудно обзавестись семьей. После женитьбы он был обязан платить еще один налог, так называемый «рахат-пули»¹⁴, или «даха-пули» (квартальный налог). Между тем, лишь став плательщиком рахат-пули, человек получал все права самостоятельного члена общины. Составляя основную массу эксплуатируемых слоев населения в Хумсане, многие кошчи становились потомственными издольщиками; здесь не знал случая, чтобы кошчи когда-либо снова становился самостоятельным крестьянином, имеющим землю и рабочий скот. Наоборот, по мере роста классового расслоения все больше малоземельных крестьян превращалось в кошчи.

Обязанности батраков-кароли далеко не ограничивались домашними хозяйственными работами. В зависимости от сезона они должны были пасти хозяйствский скот, готовить топливо на зиму, носить воду, доставлять пищу на поля, где работали кошчи, и т. д. Обязанностью кароли считалось также пригонять вьючных животных с поля в кишлак и гонять быков на гумно. Труд батраков ценился очень дешево: за целый год работы они получали от 0,5 до 1,5 батмана пшеницы, в зависимости от их возраста и характера выполняемой работы. Кроме того хозяин давал кароли одежду из хлопчатобумажной ткани. Если кароли хотел одеться получше, хозяин ему в этом не отказывал; наоборот, он с охотой выполнял его просьбу, но сумму, израсходованную на одежду, вычитал потом из заработанных денег. Таким образом, многие кароли входили в долги и долгие годы должны были расплачиваться с хозяином своим трудом. Хороших батраков бай разными способами старались удержать у себя: для этого когда работники достигали возраста 20—22 лет, их иногда переводили в разряд кошчи.

Еще одной категорией эксплуатируемого населения были каранды. Они работали главным образом на бахчах и огородах, т. е. на орошаемых землях, нанимаясь на летнее время. В кишлаке их было немного. В отли-

¹³ Кошчи (букв. пахарь) в Хумсане называли издольщиков, с марта по октябрь работавших у богатых крестьян за $\frac{1}{4}$ часть урожая. Кароли — батраки, главным образом из числа юношей и подростков, которых нанимали на целый год или с ранней весны до зимы за определенное количество зерна, реже — других продуктов или скота.

¹⁴ «Рахат», или «рахт» (таджикско-персидск.) — букв. «домашняя утварь».

чие от кошчи, карандэ не выполнял работ, связанных с зерновым хозяйством. Вознаграждение карандэ составляло $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ урожая.

Так называемых поденщиков (мардикоров) в Хумсане не было. Нам кажется, что это объясняется отсутствием здесь даже в начале XX в. капиталистических отношений, отсутствием денежного обращения и преобладанием натурального хозяйства.

Довольно многочисленную социальную категорию жителей Хумсана составляли бедные, малоземельные крестьяне. Большинство из них имело одного быка и небольшой участок (2—3 коща) земли. Часто двое таких крестьян объединяли свои средства производства и вели совместное хозяйство, называвшееся «шерикчилик» (товарищество, сообщество). Существовал и другой вид шерикчилика: те из крестьян, которые имели землю, но не имели рабочих быков или семян, либо, наоборот, имели семена и быков, но не имели земли, объединялись с владельцами недостающих им средств производства. При первом виде шерикчилика компании назывались «тэнг-шерик» (равные товарищи), в принципе они получали равные доли; при втором — владелец земли (ярим-шерик, т. е. «полушерик») получал $\frac{1}{3}$ урожая, а остальное шло владельцу быков и семян. Как при первом, так и при втором виде шерикчилика семена считались неприкословенными, и прежде чем делить урожай между шериками, выделяли семена. Строго учитывались и рабочие руки. Если кто-нибудь из шериков имел больше рабочих рук, он по соглашению сторон получал больше зерна. Среди шериков первой категории в Хумсане всегда существовало равноправие и согласие: напротив, второй вид шерикчилика стал орудием эксплуатации малоземельных крестьян. Бедные крестьяне, отдавая свои земли под засев зажиточным, вынуждены были работать на своей же земле наравне с кошчи богачей. Кроме того, если владелец быков и семян выставлял больше рабочих, он и за это высчитывал с них при дележе урожая. Иногда положение бедных крестьян — ярим-шериков, компаниями которых были бай, фактически не отличалось от положения кошчи. Таким образом, шерикчилик также стал одной из форм эксплуатации сельской бедноты.

Существовали в Хумсане и косвенные способы эксплуатации беднейшей части населения. Для этого служили различные виды взаимопомощи: «урок хашари»¹⁵ (хашар для жатвы хлеба), «личан хашари» (сено-косный хашар), «кош оши»¹⁶, «үтун оши» (угощение за дрова) и т. д. Не ходить на хашар считалось в глазах общества недопустимым. Весной (во время посева яровой пшеницы и сенокоса), летом (во время жатвы и молотьбы) и осенью (во время посева озимых и заготовки дров на зиму) хашар отнимал по несколько дней у бедняков-крестьян. Как правило, хашар устраивали аристократия общины и богатые семьи. Среди них были такие семьи, которые совсем не имели кошчи, а вели свое хозяйство на основе хашара. Это были главным образом амалдоры и представители духовенства. Так, Мулла Ахмад мингбashi, Махмуд аксакал, Мулла Карагатай домла, Мулла Акбар бай и др. вели все свое хозяйство путем организации хашаров, а обосновавшийся в Хумсане ташкентский табиб Мирдавуд каждый год таким образом засевал и убирал пшеницу на площади в 40 батманов земли¹⁷.

Пережитки соседской общины сохранялись и в скотоводстве.

¹⁵ Хашар — помочи, общественная взаимопомощь.

¹⁶ Кош оши — букв. «угощение за вспашку земли». Кош оши устраивали обычно богатые семьи, и все те, кто принимал участие в угощении, на следующий день обязаны были идти со своими быками, запряженными в омач, на поле устроившего кош оши. Такой кош оши нельзя смешивать с традиционной церемонией кош оши, устраиваемой в доме каждого крестьянина весной перед началом полевых работ.

¹⁷ По воспоминаниям Наджима Мухсиддинова (1882 г. рожд.), Насраддина, сына Ахмада мингбashi (1906 г. рожд.), Артыкбая, сына Муллы Карагатая дамлы (1896 г. рожд.), Фазил-хана (1885 г. рожд.) и др.

Наличие в Хумсане богатых горных пастбищ и сенокосов способствовало развитию скотоводства, которое занимало большое место в хозяйстве кишлака. Почти все жители его имели скот, причем приблизительно $\frac{1}{4}$ часть их — в довольно большом количестве. Пастбища и сенокосы находились в пользовании всех хумсанцев. Скотоводов других районов пользованию пастбищами и сенокосами не допускали; разрешение давалось лишь за плату (деньгами или натурой), которая шла в пользу общин.

Сено каждое хозяйство заготовляло, исходя из количества принадлежащего ему скота, наличия рабочих рук и выручных животных для ставки сена в кишлак. Состоятельные люди, имевшие много скота, заготавливали сено не только на ближайших сенокосах, но и на дальних горных лугах. Сенокошение считалось одной из главных сельскохозяйственных работ, так как скот почти четыре месяца (с конца ноября до конца марта) содержался в хлевах.

С наступлением мая начиналась откочевка на дальние пастбища. Небогатые скотовладельцы объединяли свой дойный скот (коров, коз и овец) и посыпали на кочевья одну какую-нибудь семью на определенных договорных условиях. Такая семья после перекочевки в кишлак отдавала часть молочных продуктов владельцам скота, а за свою работу получала плату молочными продуктами, иногда и скотом, в большинстве же случаев зерном. Состоятельные хозяева откочевывали со своими стадами сами.

Для выпаса небольшого количества оставшегося в кишлаке скота владельцы его выделяли пастуха — «подачи». Осенью он получал за свой труд по полпуда пшеницы за каждую голову крупного рогатого скота в возрасте свыше трех лет. Кроме того, владельцы коров сообща одевали, обували и кормили пастуха. Каждый вечер в порядке очередности он ехал в одном из домов нанявших его хозяев, а в другой дом приходил с посланной дой, в которую хозяйка дома накладывала ему пищу и давала лепешки для его семьи; утром он шел в третий дом, где ему давали пищу, которую ему должно было хватить до вечера¹⁸.

Для того чтобы можно было ранней весной содержать скот вблизи кишлака, все посевные площади, кроме орошаемых, делили на три части («уч дала», букв. — трехполье), и одну из них оставляли под пастбища. Эти поля называли «подалок» (поле для выгона скота). Когда скот пригоняли с летних пастбищ, его пасли на пожнивье. Поля же, оставленные для выпаса скота весной, осенью засевали озимой пшеницей. Подалоки, оставленные под пастбища, никто не имел права засевать; если же кто-либо засевал их самовольно, население выгоняло сюда скот и уничтожало посев. Здесь ясно сказывалось право общинной собственности на богаринские поля.

Общинное пользование пастбищами хумсанских скотоводов имеет аналогии с хозяйством горных таджиков¹⁹ и узбеков Южного Таджикистана²⁰.

В общинном владении жителей Хумсана находились леса и кустарниковые заросли, где производились заготовка топлива, сбор дикорастущих плодов и лекарственных растений.

Каждое хозяйство заготовляло столько дров, сколько ему требовалось, но за это оно должно было платить определенную сумму общине. Налог на государство за заготовку дров не платили. По словам стариков, лет 70—80 назад средства, накопленные от платы за дрова, расходовались на

¹⁸ По воспоминаниям подачи Сафара Букамбаева (1892 г. рожд.) и Нармана Исраилова (1893 г. рожд.).

¹⁹ См. Е. М. Пещерева, Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычая, Ташкент, 1927; Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боро, Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. Л., 1936.

²⁰ Б. Х. Кармышева, Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, Статистика 1954.

нужды кишлака (для ремонта дорог, починки мостов, очистки арыков и т. д.).

По сей день сохранились пережитки общинной взаимопомощи при заготовке топлива: кто не имеет сам возможности заготовить себе дрова на зиму или не располагает вьючными животными для их перевозки, устраивает упоминавшийся выше «үтун оши». Вечером, накануне дня помощи, он приглашает к себе и угожает нескольких молодых людей, которые на другой день едут за дровами и привозят их устроившему «үтун оши».

Пережитком сельской общины являлся сохранившийся в Хумсане порядок сбора дикорастущего грецкого ореха. Перед сбором все ореховые рощи распределялись по жребию между кварталами кишлака, после чего все население — молодые и старики, мужчины и женщины, богатые и бедные — по квартальным группами шли в ту ореховую рощу, на которую пал их жребий. Сбор урожая превращался во всенародный праздник. Выходили из кишлака рано утром. Впереди шли «карнайчи» (трубачи), «сурнайчи» (флейтисты), «ашулаки» (певцы), «уйинчи» (танцовщики). На месте работы устраивали торжественные угождения. Кушанья готовили для всех в большом квартальном котле («даха казан»). Во время обеда и вечером после работы организовывали пение, танцы, игру на музыкальных инструментах и т. д. Характерно, что урожай ореха распределялся не по числу людей, работавших на сборе ореха, а по количеству семей, входивших в ту или иную даху. Одинокие старики, старухи или женщины с малолетними детьми, не имевшие возможности принять участие в сборе урожая, также получали свою долю паравне с другими семьями квартала. Авлоды при сборе и распределении урожая ореха пользовались равными правами со всеми другими жителями кишлака.

Насколько непреложным было право членов общины на те материальные блага, которые, по обычаям, принадлежали всей общине, можно видеть на таком характерном примере. В Хумсане очень много ореховых деревьев находилось посередине богарных полей, засеянных зерновыми, и все эти деревья считались принадлежавшими юрту, а не тем, кто засевал поля. Право общины на урожай орехов не распространялось только на те деревья, которые росли во фруктовых садах и на полях, засеянных клевером, бахчевыми и овощными культурами, т. е. на поливных землях.

* * *

В Хумсане были свои ремесленники: ткачи, портные, кузнецы, сапожники, столяры и др. За свой труд они получали от общины плату натурой. Например, в Хумсане было два кузнеца. Они работали круглый год и выполняли разные заказы крестьян, изготавливая преимущественно земледельческие орудия. За каждое из своих изделий они платы не требовали, но летом и осенью, во время сбора урожая, каждое хозяйство первым долгом выделяло «уста хаки» — «долю мастера», доставляя продукты к нему на дом. Так же работали портные, сапожники, парикмахеры²¹.

Говоря о ремесле и домашних промыслах, нельзя не остановиться на одном интересном обычаях хумсанских женщин и девушек. Для производства хлопчатобумажных тканей женщины сами готовили осенью и зимой нитки на прядку «чарх» (в Хумсане «чах»). В кишлаке существовала своего рода артель девушек, прядвших нитки, которая называлась «кизлар дахасы» (даха девушек)²².

²¹ По воспоминаниям кузнецов Карабой Хакимова (1890 г. рожд.) и Мирзаахмеда Халматова (1891 г.), ткача Тура Назарова (1881 г.), парикмахера Агзама Алимова (1898 г.), сапожника Шахоба Максудова (1894 г. рожд.).

²² Слово «даха» в производственном значении в таджикско-персидских и арабских словарях не встречается. Но в арабском языке есть эквивалент этого слова — «этикоф», которое означает: усердно работать над чем-нибудь, усиленно заниматься

Девушки собирались со своими прялками и хлопком в доме у одной из них и в течение установленного времени, ни днем ни ночью никуда не выходя, пряли нитки; сначала все пряли их для одной, потом для другой и т. д. Замужние женщины в даха не входили, у них существовала другая форма совместной работы — «чахсан»²³. Собираясь на чахсан со своими чехами (прялками), женщины в течение одного дня пряли нитки для той из них, которая пригласила их к себе²⁴.

Выше мы уже говорили, что ремесленники получали за свой труд на турой. Натурой же расплачивались жители кишлака со служителями мечетей — имамами и муэззинами, с людьми, следившими за благоустройством мазара (они же были могильщиками), с таводжи (глашатаем), учителями школ при мечетях и другими лицами, обслуживающими общественные нужды.

Участие членов общины в оплате труда ремесленников не было равным. Платить обязаны были все. Но те, кто больше прибегал к услугам ремесленников, должны были платить больше. Однако в оплате служителей мечети, мазара, парикмахеров и таводжи все жители кишлака участвовали в равной мере, хотя зажиточные крестьяне по желанию могли платить этой группе людей больше, чем другие. Содержать служителей мечети, мазара, таводжи и парикмахеров обязаны были и возглавляющие общину аксакалы и эллик-бashi, проживавшие в Хумсане мингбashi и кази, а также обосновавшиеся здесь торговцы (преимущественно ташкентцы).

К числу лиц, обслуживающих общину, относились «мурдашуй» (обмыватели мертвых). Мурдашуй имелись в каждом квартале отдельно для мужчин и женщин. Им платили не все, а лишь те дома, в которых кто-либо умирал. Труд мурдашуй каждый оплачивал по-своему — зерном, одеждой и другими вещами из числа принадлежавших покойному. Так же оплачивались «туйбashi» и «дастарханчи» — организаторы различных празднеств и траурных церемоний.

Чем объяснялось длительное сохранение пережитков сельской общины в кишлаке Хумсан? Нам думается, что главной причиной этого была удаленность кишлака от больших торговых центров и, как следствие этого, — слабое развитие товарно-денежных отношений.

Как уже говорилось, в кишлаке преобладало натуральное хозяйство. Почти всеми необходимыми для повседневной жизни предметами жители кишлака снабжали себя сами. Так, хозяйственное мыло они изготавливали из корня растения «етимак» (мыльный корень), щелочки, которую женщи-

чес-либо, отдаваясь чему-либо (см. «Словарь к арабской хрестоматии и корану». Состав. В. Гиргас, Казань, 1881, стр. 545—546; Х. К. Баранов, Арабско-русский словарь, под ред. и с предисловием акад. И. Ю. Крачковского, вып. 2, М.—Л., 1941, стр. 319). В дервишско-мистической литературе слова э́тикоф и даха употребляются в смысле уединения на определенное количество дней (обычно три дня, десять дней и сорок дней) в мечети (см. «Гияс-ул-лугат», Каунпар, 1899, стр. 57). Среди мусульманских ремесленников слово «даха» употреблялось в производственном значении. По правилам даха, ремесленники одной профессии устанавливались в течение определенного времени (десять дней или сорок дней) работать никуда не выходя, пока не будет изготовлено определенное количество товаров. За консультацию по этому вопросу приношу благодарность ст. научному сотруднику Ин-та востоковедения АН УзССР Мулле Фаттаху Расулову.

²³ Специалисты по узбекской хозяйственной терминологии и фольклору, старшие научные сотрудники Института языка и литературы АН УзССР М. Алавия и С. Ибраимов сообщили мне, что обычай проведения чахсан бытовал также в Ферганской долине, называясь «здесь «чахсан» (в Коканде) и «чарх-хасан» (в Андижане). Как в Фергане, так и в Хумсане происхождение обычая чахсан связывается с преданием, по которому дочь пророка Мухаммеда Биби Фатима, родив двух сыновей Хасана и Хусана, якобы позвала на помощь соседок и близких знакомых с их чархами и просила заготовить нитки для ткани на рубашки новорожденным.

²⁴ По воспоминаниям Раджаб биби Арифовой (1882 г. рожд.), Садаф биби Мансуровой и Умурджан Мирмахмудовой (1904 г. рожд.).

ны делали из околоплодника ореха, и сала крупного рогатого скота. Чай употребляли редко: вместо него заваривали в кипяченом молоке растение «джиджи-куки», или «кийик ути», имеющее тонкий аромат. До 1920-х годов хумсанцы почти не пользовались керосиновыми лампами, а употребляли светильники с самодельным растительным маслом. Самодельной была и посуда, изготавливавшаяся из местной глины.

Таким образом, в старину у жителей Хумсана не было особой нужды в деньгах. Дед автора настоящих строк — Мулла Назарбайбува, бывший человеком довольно богатым, рассказывал, что он никогда не имел в руках ни одной тенги денег. Многие известные старики-дехкане — Хасанбайбува, Ходжумбайбува, Джалалбува, по словам хорошо знавших их людей, вообще не умели считать деньги.

На базары ²⁵ хумсанцы ездили редко — главным образом для того, чтобы, сбыв часть продуктов земледелия и животноводства, добить средства для уплаты налогов. Только в том случае, если после этого оставалось немного денег, на них приобретали некоторые городские изделия.

Нередко продукты своего хозяйства (зерно, масло, шерсть, даже скот) дехкане отдавали базарным торговцам в кредит (насийя) и в установленное время года получали долг на базаре. Или же, наоборот, дехкане забирали в кредит необходимые им предметы и расплачивались за них натурой осенью из собранного урожая. Такая расплата тоже происходила на базаре. У хумсанцев до наших дней сохранилась поговорка: «бозорда оласи — берасимиз бор» (т. е. «на базаре нам надо получать и отдавать долги»). На гузаре (торговом центре кишлака) имелись мелочные лавки, содержавшиеся ташкентскими торговцами, в них покупали такие товары, как сладости, иголки, булавки, фабричные нитки для шитья, женские украшения и др., также неизменно расплачиваясь натурой. Купцов — выходцев из числа самих хумсанцев — не было. Жители кишлака смотрели на эту категорию людей почти с презрением: им приписывали такие пороки, как коварство, лживость и жадность.

Тем не менее в начале XX в., в связи с общим процессом социально-экономического развития колониального Туркестана и ростом классового расслоения, порядки и обычаи, свойственные сельской общине, стали быстро изживаться и исчезать даже в таком отдаленном и замкнутом уголке, как кишлак Хумсан. А с победой Великой Октябрьской социалистической революции здесь произошли коренные преобразования, изменившие в самой основе хозяйственную жизнь и общественный быт кишлака.

В середине 1920-х гг., в период земельно-водной реформы, беднейшие крестьяне, в первую очередь кошчи, были наделены землей и водой. Организовался Союз кошчи, представителем которого в Хумсане был избран бывший кошчи Холмат Махсудов (впоследствии председатель сельсовета и председатель колхоза). В 1927—1928 гг. в Хумсане была создана первая сельскохозяйственная артель. Члены Союза кошчи и другие беднейшие крестьяне составили в Хумсане, как и в других кишлаках Узбекистана, то основное ядро, опираясь на которое Коммунистическая партия и советское правительство осуществили коллективизацию республики. После коллективизации весь земельный фонд и орудия производства перешли в руки трудящихся крестьян.

При всесторонней помощи партии и советского правительства, благодаря братской поддержке русского и других народов нашей страны, такие кишлаки, как Хумсан, где до установления советской власти господствовали патриархальные порядки сельской общины, за короткий исторический срок сделали гигантский скачок к социализму. В настоящее время эконо-

²⁵ Базары имелись в трех больших селениях: Ходжикенте (в 7 км к юго-западу от Хумсана), Искандере (ныне железнодорожная станция Барраж, в 30 км к юго-западу от Хумсана), и Троицком поселке (возникшем после присоединения Средней Азии к России, в 30 км к северо-востоку от Ташкента).

мический и культурный облик Хумсан, материальное благосостояние культуры и быт его населения — членов многоотраслевой сельскохозяйственной артели имени Алишера Навои, — изменились до неузнаваемости. Но изучению современного Хумсаня, его людей, их хозяйства, быта культуры должно быть посвящено специальное исследование.

S U M M A R Y

In the Uzbek mountain village of Humsan situated north of Tashkent, in the foothills of western Tien Shan, survivals of the village commune still lingered in the 19th century and the first quarter of the 20th century; they were clearly traceable in communal and family life, land tenure, cattle breeding and handicrafts. The stability of consanguine relationships and the closed character of the clan groups among the Humsan population were reflected in the marriage customs. In these generally exogamous groups the cross-cousin marriage was given preference. The greater part of the Humsan population was grouped in big patriarchal families; undivided families of 25 to 30 members are to be found in the village to this day.

The irrigated land, at first communally owned, was by the end of the 19th century divided among members of the clan groups. With the development of private ownership of land and water resources, the richer commoners began to appropriate irrigated land and other fertile plots, undermining the very foundation of the village commune. Also with owners of large-scale landed estates there were many peasants in Humsan who had not enough arable land or no land whatever. The latter became either share croppers or farm hands and were mercilessly exploited by the village well-to-do. Families that had not enough land would often join to work their land (usually two or three families). Sometimes one of the local moneybags would join the partnership; in this case the undertaking became a means of exploiting the land-hungry peasants and those lacking agricultural implements or cattle of their own. Among the indirect forms of exploitation there were different types of neighbourly help (at hay making or harvesting time, during the storing of firewood, etc.). Mountain pastures and meadows, as well as wood and bushland, were communally owned. Survivals of communal mutual help can to this day be observed at the time of the storing of firewood. Very characteristic was the process of gathering wild-growing walnuts, which persisted for a long time; this was performed by the entire commune, with the harvest distributed not according to the number of participants but according to the number of families included in every clan group. Old men who had no families and single women with young children were entitled to a share. Survivals of the village commune could be also traced in the attitude towards the artisans (cobblers, smiths, etc.), who received for their labour payment in kind from the commune as a whole. Those who catered to other communal needs (the mirabs in charge of water tenure, the attendants of the mosques, teachers, and others) likewise received payment in kind.

It can be presumed that these lingering survivals of the village commune in Humsan were due primarily to the distance separating it from the centres of trade and the poor development of commodity and money relationships. At the beginning of the 20th century, in connection with the general process of social-economic development in Central Asia and the intensification of class differentiation, the customs and ways peculiar to the village commune rapidly began to disappear even in a locality as remote and secluded as Humsan. With the victory of the Great October Socialist Revolution and the consolidation of the collective-farm system, radical changes occurred in the village transforming the very basis of its economic and communal life.

А. З. РОЗЕНФЕЛЬД

О НЕКОТОРЫХ ПЕРЕЖИТКАХ ДРЕВНИХ ВЕРОВАНИЙ У ПРИПАМИРСКИХ НАРОДОВ

(В связи с легендой о «снежном человеке»)

Среди многочисленных появившихся в последние годы в зарубежной и советской литературе и прессе сенсационных сообщений о «снежном человеке», якобы обитающем в некоторых высокогорных районах, появились и такие, в которых со слов «очевидцев» утверждалось, будто и на Памире видели «снежного человека» и его следы¹. Однако обширная географическая и этнографическая литература о Памире и припамирских странах уже и раньше позволяла поставить под сомнение подобные сообщения.

Летом 1958 г. этнографическим отрядом Памирской комплексной экспедиции Академии наук СССР были собраны разнообразные материалы о пережитках верований различных народностей, населяющих Восточный и Западный Памир — местности, входящие в Горно-Бадахшанскую автономную область Таджикской ССР (Мургабский, Шугнанский, Рушанский и Ванчский районы)². Собранные материалы не оставляют сомнений в

¹ В № 5 журнала «Техника — молодежи» за 1959 г. на стр. 38 помещена фотография со следующей подписью: «Я видел гульбиявана,— рассказывает таджик Кадыр Токоев, рабочий яководческого совхоза, участником одной из геологических экспедиций.— Смотрите, вот как он стоял...». Подпись эта не соответствует тому, что изображено на снимке: в центре его стоит не Кадыр Токоев, а известный памирский охотник киргиз Юсуп Палван, который рассказывает своим слушателям (в том числе и членам этнографического отряда Памирской комплексной экспедиции — А. З. Розенфельд, сидящий слева, и А. Л. Грюнберг, сидящему справа) о том, где он видел «следы гульбиявана» и как они были расположены на влажной глине. Фотография представляет собой один из кадров кинохроники, которую снимал на Памире в 1958 г. режиссер и кинооператор Г. М. Мулвидсон; съемки происходили на окраине районного центра Мургаб, а не в яководческом совхозе в Булункуле, находящемся километрах в двухстах от Мургаба. Что касается Кадыра Токоева, то он рассказывал А. Л. Грюнбергу (запись 11 августа 1958 г. в ущелье Норкурумдо), что в 1922 или 1923 г. он видел гульбиявана на расстоянии 500—600 м. Вот его слова: «Нас было пять мужчин и одна женщина. Мы ехали через Чештебе в Тохтамыш. Нас предупредили, что дальше ехать нельзя, там бродит гульбияван... Не доехая двух километров до перевала, я издали увидел существо, похожее на человека, но выше ростом, покрытое серой шерстью. Как следует я его рассмотреть не мог, потому что он был далеко и я испугался... Никто, кроме меня, гульбиявана не видел, но потом все заболели от страха». В журнале же «Техника — молодежи» этот рассказ изложен совсем не так. В частности, говорится, что все, кто был с Токоевым, видели гульбиявана («не успели мы еще пройти перевал, как все шестеро увидели: сверху, с горы, наперерез нам спускается существо, похожее на человека. Существо было без одежды, ростом выше человека, покрыто шерстью. Это был гульбияван»). Следует подчеркнуть, что речь шла о сказаниях, отделяемых временем в 35 с лишним лет — срок, когда в памяти любого рассказчика могло кое-что и исказиться. Вряд ли нужно добавлять, что «доказательства», подобные тем, которые приведены в журнале «Техника — молодежи», не украшают его страницы.

² В работе отряда, наряду с автором настоящей статьи, принимал участие А. Л. Грюнберг.

том, что рассказы об обитании «снежного человека» на Памире не имеют под собой реальной почвы и являются не чем иным, как широко распространенным у многих народов в различных вариантах мифом о человеке подобном существе, именуемом на Памире гульбиябан.

Вера в существование гульбиябана у киргизов Восточного Памира сильна, он так реалистически описывается, что некоторые лица, побывавшие за последние годы на Памире и слышавшие подобные рассказы местных жителей, склонны были принять гульбиябана за реальное существо, за «снежного человека», а сам термин неверно передали в русской литературе, как «галуб яван». Однако несмотря на кажущееся подобие рассказов о гульбиябане, это такое же фантастическое существо, как и лешие, демоны, оборотни, домовые, ведьмы и русалки, которые народное воображение населяет пустыни, горы и леса, реки и озера, иногда поселяет их рядом с собой — в печной трубе, в кладовой и сарае.

1

В этническом отношении Восточный Памир весьма однороден. Здесь обитают главным образом киргизы³, небольшую часть которых составляют аборигены, другие же переселились сюда в различное время с Алай, из Джиргитальского района Таджикской ССР (верховья р. Сурхоб) или из Западного Китая (Синьцзян). По распространенным данным, большинство киргизов, населяющих Восточный Памир, относится к прежним родовым подразделениям Тейт, Кылчак, Алала, Шайм, Кызылбаш, Кызыл Аяк, Найман, Кесек, Гыдырша и некоторым другим⁴. В Аличурской долине, в центре совхоза на Булункуле, у моста через Аличур, в Тагаркатах и некоторых других местах живут также немногочисленные группы шугнанцев, сравнительно недавно переселившихся на Восточный Памир.

Среди различных поверий, распространенных у киргизов Восточного Памира, обращают на себя особое внимание два цикла рассказов, связанных с двумя фантастическими существами — гульбиябан и адам джапайсы. Рассказы о гульбиябане распространены на Восточном Памире повсеместно, при очень устойчивой сюжетной основе и устойчивости самого наименования. По словам рассказчиков, гульбиябан (гульбияван, гуль) — человекоподобное существо крупных размеров, покрытое желтовато-серой шерстью, напоминающей верблюжью; больше всего шерсти у него на коленях и верхних частях рук. От гульбиябана исходит резкий, нестерпимый запах, который ощущается на значительном расстоянии. Иногда в рассказах о гульбиябане присутствует мотив о том, что у него выворочены ступни: пятка находится спереди, а пальцы — сзади. Обитает он якобы в пустынных местах, избегает людей и издает особый характерный крик.

Следует отметить, что в большинстве рассказов о гульбиябане состоят как бы из двух частей: описание самого гульбиябана, приведенное выше, и обстоятельства встречи с ним разных лиц. Эта вторая часть также довольно стабильна в своей основе. Обычно рассказывают, что гульбиябан встречается, как правило, только очень сильным людям, богатырям — пал-

³. Этнографическая литература по киргизам Восточного Памира довольно скучна. Из работ последнего времени опубликованы: Ю. А. Шибаева, *Материалы по жизни мургабских киргизов*, «Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея», вып. II, История и этнография, Сталинабад, 1955; ее же, *Материалы по одежде мургабских киргизов*, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXVII, М., 1956.

⁴. Ср. Д. Л. Иванов, *Путешествие на Памир*, «Изв. РГО», т. X, вып. 3, 1884, стр. 236; «Киргизы принадлежат к четырем подродам: Тей, Гадырша, Найман и Кылчак»; о тех же племенах и родах у киргизов других районов см.: Я. Р. Винников, *Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии*, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», I, под ред. Г. Ф. Дебеца, М., 1956.

ван (персидско-таджикское пахлаван), особенно тем, кто хвастает своей силой. Гульбиябан, встретившись с палваном, предлагает ему бороться. При этом гульбиябан сначала просит у палвана жевательного табака — нас, который носят в табакерке за поясом; это он якобы делает для того, чтобы проверить, нет ли у палвана ножа. Если побеждает палван, то гульбиябан убегает и больше никогда уже не попадается ему на глаза. Если же победителем оказывается гульбиябан, то палван долго после этого болеет. На Восточном Памире известны имена ряда лиц, будто бы встречавших гульбиябана или боровшихся с ним. Так же распространены рассказы о следах, оставленных якобы гульбиябаном на влажном песке, глине или на свежевыпавшем снеге.

Приведем некоторые рассказы о гульбиябане, записанные нами от киргизов на Восточном Памире.

«Мне рассказывал старик Оразов Турды, который живет здесь. Ему 80 лет. Он скотовод. Когда человек говорит о себе, что он сильный, то на охоте он встретит гульбиябана. Гульбиябан подходит к такому охотнику и спрашивает: «Ты палван, что ли?» Тот отвечает: «Да!» — «Тогда давай бороться», — говорит гульбиябан. — Давай вперед табак». Если гульбиябан увидит у охотника нож, он не станет бороться; если он не увидит ножа, то начинает бороться. Гульбиябан очень вонючий, человек не в силах вытерпеть этот запах. Если человек одолеет гульбиябана, этот убегает; если же победит гульбиябан, то он валит человека на землю и старается защекотать его до смерти. Живет гульбиябан в зарослях, ест плоды, траву. Шерсть у него редкая, желтоватая как у верблюда. Он похож на медведя, но очень сильный»⁵.

«Я сам слышал этот рассказ от своего деда Турдыбека. Весной они жили на левовке Ак-Беит, возле кладбища. Дед плохо себя чувствовал. Он копал кусты тересекена; выкопал несколько кустов и поднял голову. Вдруг он увидел, что перед ним стоит что-то огромное. Это был гульбиябан. Он был большого роста с короткой, редкой шерстью. Особенно были покрыты шерстью его руки и ноги. Он спросил у деда нас (жевательный табак). — А. Р., тот дал ему целую горсть. Гульбиябан положил табак в рот. Он постоял немного, помолчал, а потом говорит деду: «Давай бороться» — и сразу же схватил деда. Они боролись около часа, никто не мог победить. В это время нашел сильный туман, земля вся стала влажной. Они отпустили друг друга, а дед больше его не видел. Дед вернулся домой, собрал нескольких соседей и показал следы на земле. Следы были очень глубоко вдавлены в землю. Это была человеческая ступня, не очень длинная, но широкая»⁶.

«Три года назад я пошел в Чаттокой косить сено. Было это летом. Утром, часов в 10—11, я косил и увидел на глине след; перед этим шел дождь, и глина была влажная. Я увидел след, похожий на человеческий, ширина его была в две четверти, длина в полторы. Следы шли сверху горы вниз к реке; следов было много, они вели к камню. Там лежал большой камень, и на нем тоже был след. Это был след гульбиябана. Он придавил камень с такой силой, что камень сантиметров на 20 ушел в землю. Подобных следов не было ни у одного животного. Пята была уже, а носок — шире, след был сплошной. Место, где это произошло, хорошо известно. Вместе со мной был Юсуп Палван. Юсуп Палван увидел первый и позвал меня, я не поверил, а когда пошел, то убедился, что он говорит правду. След вел в реку: видимо, гульбиябан прошел через реку, и след на том берегу потерялся. После этого ходили туда, ночевали там, но больше ничего не видели. Чаттокой находится на Пшарте, приблизительно в шести километрах от реки Сасык»⁷.

Термин «гульбиябан» состоит из двух частей: арабской и иранской. В первой части стоит арабское по происхождению слово гуль, что значит «демон пустыни», «оборотень», «леший», «злой дух», «ведьма», «фурия». В арабской мифологии это — чудовище женского пола, упоминаемое уже доисламскими арабскими поэтами. Так, арабский поэт VI в. Тааббата

⁵ Записано в Кара-куле от строительного рабочего Рустамова Сабибулы, 37 лет, грамотного, 5 августа 1958.

⁶ Записано от Сатаркулова Аскара, председателя колхоза им. Кирова, 35 лет (Тохтамыш, 8 августа 1958). Аналогичный рассказ в различных вариантах записан и от других лиц.

⁷ Записано от Абдураимова Аарына, 67 лет, рабочего кооперации, уроженца Китая (Ак-чий), жил в Рангкуле, теперь житель Мургаба. Тот же рассказ записан разными лицами (в частности, А. Л. Грюнбергом) от Юсупа Палвана Садыкова, однако он никогда не упоминал о том, что с ним был Аарын. Опрошенный снова, Юсуп Палван подтвердил, что видел следы на Чаттокое, но сказал, что Аарына с ним не было.

Шарра пишет: «Ведь я встретил гуль, которая набросилась в пустыне гладкой, как лист бумаги... И вот — два глаза в безобразной голове, похожей на кошачью морду, с расщепленным языком, и ноги верблюжьего доноска, а хребет собачий и одежда из лохмотьев и старых бурдюков» В арабском же языке существует не очень деликатная поговорка, которую соблазнительно сопоставить с одним из признаков гульбиябана — «воняет как гуль» (азрата мин гул) ⁹.

Вторая часть слова гульбиябан — таджикско-персидская: биябан, что значит «бездонная пустыня», откуда все слово (персидская форма гулбиябан, таджикская — гули биёбон) имеет то же значение, что и его первая часть: демон пустыни. Исходя из широкого бытования этого слова у различных народов, можно думать, что оно вместе с представлением об обозначаемом ими существе, с распространением ислама было заимствовано принявшими его народами, у которых оно пережиточно сохранилось до наших дней. Кроме киргизов Восточного Памира и киргизов Джиргатальского района Таджикской ССР (заимствовавших этот термин, по-видимому, от таджиков), он распространен также у таджиков горного Таджикистана: Вахио (долина р. Хингу), Карагина (долина р. Сурхоб), Гисарской долины ¹⁰.

Термин гуль, или гуле биябан, известен также афганцам ¹¹, курдам ¹² и персам с древнейших времен ¹³.

Если учесть, что, по представлениям древних арабов, гуль встречалась богатырям и вступала с ними в единоборство, а также вспомнить эпитет, присвоенный гулю в иранистической среде, — биябан (бездонный, пустынный), то это позволит с еще большей долей вероятия считать, что это представление родилось у народа, обитавшего в равнинных безводных местностях, а в горные области, в частности на Памир, пришло значительно позднее.

Однако у таджиков и у персов, как и у арабов, гуль (гули биёбон) вовсе не так миролюбив, каким он изображается киргизами. Вот как описывает А. А. Семенов представления о гули явони (явон то же, что и ёбон

⁸ В. Ф. Гиргас и В. Р. Розен, Арабская хрестоматия, 1874, стр. 461 (перевод сделан Л. З. Писаревским, за что приношу ему благодарность). О гуле в арабских доисламских верованиях см.: «Encyclopaedia of Religion and Ethic», edited by James Hastings, I, 1908, стр. 670; «Encyclopaedia of Islam», т. I, стр. 165; подробная сводка дана в работах: I. Wellhausen, Reste arabischen Heidentums, Berlin, 1897; G. van Floten, Dämonen, Geister und Zauber bei der Alten Arabern, «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», VII, 1893, стр. 169—188, 233—248; VIII, 1894, стр. 59—74, 290—293.

⁹ Указано О. Г. Большаковым.

¹⁰ См. А. А. Семенов, Этнографические очерки Зеравшанских гор, Карагина и Дарваза, М., 1903, стр. 76—77; М. С. Андреев, По этнографии таджиков, Сборник «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 176; Н. А. Кисляков, Охота таджиков долины р. Хингу — в быту и фольклоре, «Сов. этнография», 1937, № 4, стр. 110—119. Рассказы о гуле, как любезно сообщила нам О. А. Сухарева, были записаны ею под Самаркандом. В 1932 г. мною в Вахио были записаны рассказы о косматых гулях, обитающих якобы вблизи кишлака Арганкун (правый берег Хингу), в пустынных, поросших лесом горах. Рассказы о гуле, аналогичные распространенным на Восточном Памире, были записаны мною в 1958 г. вблизи Станинабада в кишлаках Кипчок и Тангаи Орджоникидзеабадского района. Рассказчики утверждали, что гуль живет в овраге вблизи кишлака Симигандж и ночью нападает на одиноких путников. Школьный сторож в кишлаке Кипчок рассказывал о своей встрече с гулем в Рамите.

¹¹ «Краткий афганско-русский словарь», сост. П. Б. Зудин, М., 1950.

¹² В курдской классической поэзии XVII в. «Мам и Зин» имеются строiki: «Словно гуль неслась они по степи» (указано С. Б. Руденко, за что приношу ей благодарность).

¹³ Упоминание о гуле имеется уже в «Шахнаме» Фердоуси См. «Glossar zu Ferdousis „Schahname“ von Fritz Wolff, Berlin, 1935. См. также: Jonnis Augusti Vullers Lexicon Persico-Latinum, II, Вопнае ad Rhēpit, 1864; Мирза Абдулла Гаффаров, персидско-русский словарь, т. II, М., 1928; Садек Хедаят, Нейрангестан, пер. с персидского, предисловие и комментарии Н. А. Кислякова, «Переднеазиатский этнографический сборник», I, Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. серия, т. XXXIX, М., 1958, стр. 326 (в дальнейшем цит. Садек Хедаят, Нейрангестан).

и биёбон): «В горных лесах и рощах, в чащах приречных кустарников живут лесные существа, подобные человеку, покрытые шерстью, с когтями на руках и ногах, необычайной силы, всегда вооруженные тяжелыми дубинами. Это «гули-явони», лесные демоны, соответствующие нашим лешим. При встрече с людьми они безжалостно убивают их, причем тело человека, погибшего от руки этого лесовика, делается черным и покрывается местами кровавыми полосами, которые есть не что иное, как следы когтей гули-явони. По этим признакам всегда можно узнать, что человек погиб от руки страшного обитателя лесов. И только сильный духом и телом человек — герой (пахлавон) может в долгом и ужасном бою одолеть гули-явони и убить его мечом, простым же смертным нечего и думать избежать смерти от руки этого лесовика»¹⁴.

Таким образом, если на первый взгляд при анализе представлений о гульбиябане у киргизов Восточного Памира это существо может показаться не обладающим никакими фантастическими чертами, то при сравнении его с гулью арабов или гули биёбоном таджиков это впечатление исчезнет.

Выше мы уже упоминали о другом существе, которое киргизы Восточного Памира отличают от гульбиябана, а именно об адам джапайсы или адам ёлайсы (дикий человек). О диком человеке распространен самостоятельный цикл рассказов, лишь иногда переплетающийся с рассказами о гульбиябане. В основе этого цикла лежит представление о человеке голом, без одежды, травоядном, сторонящемся людей и никогда не вступающем с ними в общение. Если о гульбиябане говорят, что он живет в горах Памира, то о «диких людях» решительно заявляют, что на Памире они не воятся и что их «видели в Западном Китае».

Представления о «диких людях», или «горных людях», существуют и у таджиков Зеравшана (одами вахши, одами ёбои (одами ёвои) или одами кухи)¹⁵. Представления о «диких людях» весьма неопределенны, обычно на вопрос о них киргизы отвечают: «Как существуют дикие лошади, верблюды и другие животные, так существуют и дикие люди».

При сопоставлении этих двух циклов рассказов, отражающих какие-то древние представления, можно сделать вывод, что «дикого человека» народное сознание связывает с людьми, а гульбиябана скорей относит к миру животных или полулюдей. При этом в народном сознании оба эти существа не объединяются¹⁶.

Одним из злых духов, чаще всего встречающихся в народных поверьях Восточного Памира, является джезтырмак — ведьма с золотыми или медными когтями и таким же клювом. Джезтырмак изображается в этих поверьях как злое существо, подстерегающее женщин и детей, которых она пытается задушить своими когтями¹⁷. Верят и в другое фантастическое существо, вредящее людям, — эсмейн. Однако представление о нем не очень отчетливое¹⁸. О бледном худом человеке говорят: «сен эсмейнга окишосун» (ты бледен, как эсмейн).

Наряду с описанными персонажами, у киргизов Восточного Памира

¹⁴ А. А. Семенов, Указ. раб., стр. 76—77. Рассказ о битве язгулемца-пахлавона с адгиной записан нами в Язгулеме в августе 1958 г. (по словам рассказчика, адгина оставила на теле этого человека глубокие кровавые полосы).

¹⁵ Поиски «снежного человека» и освещение этого вопроса в прессе привели к появлению в таджикском языке термина «одами барфи», являющегося точным переводом с русского.

¹⁶ Правда, иногда и «дикому человеку» на Восточном Памире приписываются некоторые черты, обычно относимые к гульбиябану.

¹⁷ Ср. о джезтырмаке у казахов: А. А. Диеваев, Джез-тырнак (Этнографический набросок), «Народный университет», Ташкент, 1918, № 21; «Демонологические рассказы киргизов, собранные и переведенные М. Мирониевым», «Записки РГО по отдел. этнографии», X, вып. 3, 1888, стр. 15—23.

¹⁸ Об эсмейне см.: М. С. Андреев, Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953, стр. 78.

сохраняется вера в другие добрые или злые сверхъестественные существа часто встречающиеся и в верованиях различных среднеазиатских народов: это джинны — злые духи, девы-великаны, пери — прекрасные женщины преследующие мужчин, а также алмасты, или албасты (местная форма албарсты) — оборотень, ведьма, вредящая роженице и младенцу¹⁹. Алмасты якобы стремится утащить печень и легкие роженицы и бросить их воду, после чего женщина умирает. Если удастся настигнуть албасты отнять у нее печень и легкие, пока она их не прополоскала в воде, и венуть их женщине, то последняя оживет. Бытуют здесь и рассказы ей об одном мифическом существе — доу, в отношении которого нам удалось собрать материалов и выяснить представления о его характерных признаках²⁰.

2

Восточный Памир с его суровой природой, обширными высокогорными долинами, могучими снежными пиками и редкими, отдаленными на многие километры одна от другой киргизскими летовками, резко отличается от Западного Памира. Здесь совершенно другие природные условия. Перейдя через перевал Кой-тезек, путник почти сразу же оказывается в живописных оазисах. По горным ущельям мчатся пенистые бурные реки, несущие свои воды в широкий Пяндж; на горных склонах распаханы поля, повсюду видны стройные тополя и фруктовые деревья, в тени которых прячутся высокие прямоугольные глиниобитные дома прочной ложстровой с плоскими крышами. Здесь густо населенные кишлаки, с белеными зданиями школ, магазинов, сельсоветов. В кишлаках, разделенных на отдельные кварталы, живут оставшиеся от древнейшего иранского населения шугнанцы, рушанцы, ишкашимцы, ваханцы, язгулемцы, отличающиеся от соседних киргизов по своей этнической принадлежности, языку, культуре и религии.

Некоторые верования припамирских таджиков сближаются с верованиями киргизов. Вместе с тем здесь распространены свои специфические верования, и ряд мифологических образов, бытующих у киргизов Восточного Памира, отсутствует у припамирских таджиков. К их числу прежде всего следует отнести гуля или гульбиябана, который у таджиков Западного Памира не известен²¹. Следует, однако, отметить, что отдельные черты, которыми киргизы характеризуют гульбиябана, у припамирских таджиков приписываются другим мифическим существам. Не известны здесь и такие образы киргизских верований, как джезтырмак и эсмеян.

Одним из наиболее распространенных персонажей народных верований на Западном Памире является упоминавшаяся выше алмасты (шугано-рушанская форма алмасте). Здесь наряду с общими признаками алмасте приписываются и чисто локальные. Так, по представлениям припамирских таджиков алмасте является водяным существом. Спасаясь от преследования, алмасте прыгает в воду, и в том месте, куда она прыгнула, вода расступается, и оттуда появляется столб пламени. У алмасте длинные рыжие волосы, она может принимать любые образы. Больше всего алмасте боится собак. Ночью алмасте подстерегает одинокого всадника и пытается вскочить на круп его лошади. Если всаднику удастся схватить алмасте за волосы или срезать их, то она будет верой и правдой служить

¹⁹ Об алмасты у различных народов существует обширная литература; см. в частности, М. С. Андреев, Указ. раб., стр. 78—82.

²⁰ В Киргизско-русском словаре, составленном К. К. Юдахином (М., 1940), приводится слово дбб в значении «великан»; «исполин», «колосс». Это — иранское девоу, киргизов Восточного Памира.

²¹ В Хороге нами были опрошены шугнанцы Исфендияров Джумахон, 80 лет и Давлаткадамов Хушкадам, 80 лет, которые решительно заявили, что никогда не слышали о гульбиябане.

ему и его семье²². Раньше, рассказывают, были такие муллы и ишаны, которые умели приручать алмасте. Один из таких крупных ишанов — Саид Джалол не очень давно «жил в Барушане, и алмасте выполняла у него различную домашнюю работу»²³.

Интересное изображение алмасте было обнаружено нами в ущелье Баджу между нижним и верхним кишлаками. Примерно на расстоянии 6—7 км вверх по ущелью стоит большой гладкий обломок скалы. На одной из его сторон, обращенной к тропе, выбиты очертания хвостатого фантастического существа с удлиненной кверху головой и подобием ног. В верхней части головы выбито изображение горного козла, широко распространенного в наскальных рисунках горного Таджикистана²⁴. На «животе» фигуры высечено изображение растопыренной человеческой руки. Растопыренная пятерня — обычный исмаилитский символ, широко распространенный не только у исмаилитов на Памире, но и у таджиков Горного Таджикистана в рисунках на наружных и внутренних стенах домов, на камнях и скалах; подобное изображение укрепляется также на шесте на кладбище²⁵.

По поводу этой фигуры существует следующая легенда. В давние времена в реке жила алмасте. Она выходила из воды и садилась на скалу, которая по-щугнански называется аждальшед (драконов камень). На другом берегу реки жила сестра алмасте, которая также выходила из воды и садилась на камень, находящийся на том берегу. Этих сестер звали яхдзеншед (каменные сестры). Они, сидя на камнях, подстерегали прохожих. Набросившись на человека, они его убивали, варили его мясо, и каждая сестра посыпала другой ее часть. Так продолжалось до тех пор, пока однажды не пришел Алий (обожествляемый шиитами и исмаилитами зять пророка Мухаммеда) и победил этих алмасте. Изображение руки на камне и есть след руки Алия. С тех пор эти алмасте не могут уже присносить людям вред²⁶.

По другим рассказам, на камне жил дракон, а не алмасте. До недавнего времени этот камень почитался как священный, и каждый проходивший мимо старался смазать его маслом; поэтому раньше изображение на камне было белым, а теперь оно черное, масляное²⁷.

²² Этот мотив встречается и в отношении других демонов — аджины, вуйда (о них см. ниже).

²³ Записано от Наврузбекова Гулом Хайдара, 90 лет (кишлак Ванкала 13 августа 1958), также от Абдустонова Дамада, 86 лет (кишлак Барушан 17 августа того же года).

²⁴ Об изображениях козла и их магическом значении см.: А. А. Бобринской, Горцы верховьев Пянджа, М., 1908, стр. 103, 108—113; Н. А. Кисляков, Бурх — горный козел, «Сов. этнография», 1934, № 1—2, стр. 186; его же, Охота таджиков долины реки Хингуо — в быту и фольклоре; А. Н. Дальский, Наскальные изображения Таджикистана, «Изв. ВГО», т. 81, вып. 2, 1949, стр. 184—186; А. В. Гурский, Наскальные рисунки в Горно-Бадахшанской автономной области, «Докл. АН ТаджССР», вып. III, 1952; В. А. Раков, Наскальные изображения у кишлака Наматут, «Изв. Отд. обществ. наук АН ТаджССР», вып. 14, 1957; О. Е. Агаханянц, Наскальные рисунки в горах Моголтау, там же. В 1957 г. в кишлаке Гишхун (левый берег Ванджа) нам сообщили, что в ущелье Султункави по дороге на летовку, приблизительно на расстоянии 18 км от кишлака, на скале Чакалако имеются изображения двух горных козлов и человека.

²⁵ Об изображениях растопыренной пятерни в Горном Таджикистане см.: А. А. Бобринской, Указ. раб.; О. Е. Агаханянц, Указ. раб., стр. 77. В 1953 г. в кишлаке Чишмаи куло Обигармского района нами был записан обычай, согласно которому женщина при выделке домашнего очага оставляла на влажной глине след своей руки; изображение растопыренной руки было обнаружено нами там же на внутренней стене одного дома.

²⁶ Записано в верхнем Баджу от учителя Мамадова Мурод Фозильбека, 25 лет, 15 августа 1958. В Горном Таджикистане распространено множество рассказов об Алие, которому приписываются богатырская сила и различные подвиги в битвах с неверными и фантастическими существами.

²⁷ Об обычве мазать камни маслом см.: А. А. Бобринской, Указ. раб., стр. 108.

Не менее широко среди припамирских иранцев распространена вера в вуйда (у шугнанцев вуйд — мужское существо, войд — женское; у рушанцев вуйд также мужское существо, женское — вайд, у бартангцев (кишлак Иемц) вайд по полу не различается). Это — демоническое существо, очень высокого роста, узкотелое, в белой одежде, живет оно в пустынных местах, а также вблизи человеческого жилья в хозяйственных постройках. Как и алмасте, вуйд боится собак: услышав издали собачий лай, он убегает. Вуйд по ночам навещает ту или иную женщину, а войд — мужчину (ср. с пери). Лучшим способом избавиться от посещений вуйда (войда) является дым от подожженного собачьего помета²⁸.

В Шугнане и Рушане существуют рассказы о том, что иногда в сарае для соломы или в кладовой слышен детский плач; при проверке оказывается, что это войд родила ребенка и кормит его. Ей приносят горячую похлебку, она поет, заберет своего ребенка и уходит²⁹. Иногда о вуйде (войде) рассказывают, что у него (нее) длинные волосы или что он обретает шерстью.

На Бартанге (кишлак Иемц) вайд изображается в виде женщины в белом, которая часто является молодым людям ночью, но вреда им не причиняет, хотя потом человек, увидевший вайд, заболевает. Вайд любит чистоту и чистые дома. В прежние времена существовал обычай, согласно которому, когда пекли лепешки, отделяли несколько штук, клади их на чистую тарелку, покрывая куском ткани, и оставляли их для вайд, в отдельную чашку наливали для нее горячую похлебку, и только после выделения вайд ее доли семья принималась за еду³⁰.

На Бартанге считают, что вайд приносит в дом счастье и богатство и у того человека, кому она покажет свою благосклонность, будет увеличиваться стадо. Вместе с тем, по существующим представлениям, вайд очень мстительна, и если ей не оставят еды или попытаются прервать с ней отношения, она может жестоко отомстить. Такой случай якобы имел место лет сто назад. Вайд подружилась с одним человеком, и он очень разбогател. Но однажды он решил избавиться от вайд, и вскоре у него умер ребенок, пали все овцы и козы. Тогда он решил бежать с Бартанга, но вайд настигла его и на чужбине. Лишь после того, как он с ней опять подружился, она перенесла его на родину и он снова разбогател³¹.

В Рушане существует представление о том, что вуйд (войд) обитает в заброшенных строениях и испускает зловоние³² (ср. рассказы о гульбиябане).

Таким образом, вуйд (войд, вайд) припамирских таджиков можно рассматривать как духа-покровителя домашнего очага, которому приносятся жертвы в виде горячей еды или лепешки. Вместе с тем этот образ у различных припамирских народностей имеет и свои локальные черты. В некоторых случаях, как указывалось выше, вуйд принимает отдельные черты, приписываемые гулю (гульбиябану), пери, алмасте или аджине (о которой ниже).

У припамирских таджиков существует вера в прекрасных горных духов, принимающих образ женщины — парé (пери). По поверью, парé влюбляется в молодых мужчин и уводит их к себе в горы, а также похищает

²⁸ Записано от шугнанца Наврузбекова Гулом Хайдара, 90 лет, (кишлак Ванкала, 13 августа 1958 г.), а также от Раджабекова Гарипши, 28 лет (кишлак Висав, Бартанг). О вуйде см.: М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, стр. 55.

²⁹ Подобный рассказ записан от учителя неполной средней школы Канабекова Диловар Шо, 44 лет (кишлак Сахчарв).

³⁰ Записано от Бахтибекова Зрача, 80 лет (кишлак Иемц, Бартанг).

³¹ Записано от Раджабекова Гарип Шо, 24 лет (кишлак Висав, Бартанг).

³² Записано от Абдомастонова Дамада, 86 лет (кишлак Барушан). В молодости Абдомастонов приехал из Човида (Афганистан). На наш вопрос он ответил, что ни здесь, ни на родине он ничего о гуле не слышал.

щает маленьких детей. Изменившего её мужчину парé убивает, а если он верен — награждает богатством. Человёка, увлеченного парé, называют пареёр (влюбленный в пери) или кухъёр (влюбленный в горы).

В верхнем Баджу значительное место в народных верованиях занимает божество добра — фаришта, которое в мусульманском пантеоне иранцев обычно выступает в качестве ангела. Здесь же, в Баджу, фаришта наделена локальными чертами и, с одной стороны, приближается к вуйду, а с другой — к парé.

Верхний Баджу представляет собой исключительно живописное место с чистым прозрачным воздухом, обилием родниковых и снежных вод и богатой растительностью. Кишлак, разделенный на отдельные кварталы, привольно раскинулся по горному склону. Это местоположение кишлака и родило поверье о том, что фаришта могут жить лишь в таком месте, как Баджу. Для жилья фаришта якобы выбирает чистый, опрятный дом. В таком доме, рассказывают в Баджу, и поселилась одна фаришта и в кладовой родила ребенка. Услышав детский плач, хозяева дома обнаружили фаришту с ребенком и отнесли ей горячую молочную похлебку с маслом. Когда пришли за миской, она была пуста и чисто вымыта. Теперь же, говорят, фаришта переселилась в другой дом, так как «в прежнем доме устроена птицеферма». Рассказывая о злых и добрых фантастических существах, баджуец объединяет их общим названием деват фаришта (девы и фаришта): таджики других районов в аналогичных случаях скажут дёву парý — девы и пери³³.

Широко распространена также вера в злого духа — дева. В народных представлениях дев наделяется огромной силой, он громадного роста и стремится принести вред человеку. Живет он в необитаемых, пустынных местах или на мельнице. Как и другие таджики, памирцы различают деви сафид — белого дева и деви сиёх — черного дева. В верхнем Баджу наим отмечены два названия: общеиранское — дев и местное — зев (8 ew). Как нам объяснили, зев отличается от дева тем, что он более высокого роста и очень тонкий. По-видимому, одна из этих форм является местной, а другая (дев) — заимствованной³⁴.

Среди других фантастических существ называют и хыдыра — очень прожорливое демоническое существо. Нападая на человека, хыдыр обвивается вокруг его ног и старается задушить. Однако представления о хыдыре не очень отчетливы³⁵.

Известно, что в народных верованиях различные болезни представляются в виде демонических существ. У шугнанцев и рушанцев ночной кошмар — веламбецак также представляется в виде демона, набрасывающегося на спящего человека и душащего его³⁶. В дарвазских говорах таджикского языка ночной кошмар обозначается местным словом нижлик (Вандж, Дарваз).

У соседних с рушанцами язгулемцев, отличающихся по религии от других припамирских таджиков (шугнанцы, рушанцы, ишакишицы и ваханцы — исмаилиты, язгулемцы, подобно таджикам, сунниты), одним из

³³ В сангличско-ишакишиком употребительно слово фаришта со значением ангел (см. G. Morgenstierne, Indo-Iranian Frontier Languages, Oslo, 1938).

³⁴ О деве см.: В. И. Абашев, Этимологические заметки, «Труды Ин-та языкоизучания АН СССР», VI, М., 1956, стр. 452—455; И. М. Оранский, Этимологические заметки, «Изв. Отд. общ. наук АН ТаджССР», вып. 12, Сталинабад, 1957. О деве у таджиков см. А. А. Семенов, Указ. раб., стр. 73; М. С. Андреев, По этнографии таджиков, стр. 176; Н. А. Кисляков, Охота таджиков долины реки Хингуо..., стр. 110—111.

³⁵ Ср. близкое к хыдыру демоническое существо девальпа в персидских верованиях (Садек Хедаят, Нейрангестан, стр. 326).

³⁶ Записано от Наврузбекова Гулом Хайдара (Ванкала). В сангличско-ишакишиком и ваханском «ночной кошмар» — вагд, которое Моргенстирне возводит к авест. (baxta) и сопоставляет с орошорским войд (void), см. Morgenstierne, Указ. раб., стр. 416.

главных персонажей народных верований выступает аджина³⁷. По представлениям язгулемцев аджина — женщина безобразного вида с длинными волосами, вступающая в единоборство с сильными людьми³⁸. Так образом, аджина язгулемцев приближается, с одной стороны, к гульбанду киргизов, с другой — к алмасте шугнанцев и рушанцев. Оба эти звания (гульбиябан, алмасте) в Язгулеме неизвестны; хотя некоторые язгулемцы и слышали их, но значения им были неясны. Что касается дева, пари и войта (местная форма), то о них и на Язгулеме существуют многочисленные рассказы.

3

Плодородная, богатая растительностью Ванджская долина густо населена таджиками, которые говорят на одном из дарвазских диалектов таджикского языка. Прежде здесь говорили на одном из языков ламиской группы³⁹. Представления о гуле и алмасты здесь очень смутные, слышны эти известны лишь немногим. В то же время здесь широко бытуют представления о войте (местная форма вуйда) и аджине. Наряду с этими популярными персонажами народных верований известны также девы пари. Здесь распространено поверье о том, что пари похищает маленьких детей и уносит их в горы. Подобный случай якобы имел место в сорок назад в кишлаке Бунай⁴⁰. Обычно рассказывают, что у того или иного человека пропал ребенок, и сколько его ни звали, ни искали, могли найти; спустя несколько дней ребенка обнаруживали где-нибудь неприступной скале или в другом месте, куда сам он никак не мог приступить⁴¹.

Наиболее распространена была в прошлом вера в аджину, которая, как и на Язгулеме, представляется в виде безобразной женщины, живущей вблизи людей. Иногда аджина представляется в виде маленького человечка, обросшего шерстью, принимающего различные образы. По этим поверьям, аджина живет в заброшенных хозяйственных постройках и зимой приходит погреться у очага; она присаживается к огню, а ночью прячется в золе. Иногда из чулана или сарая для соломы слышится плач ребенка, это значит, что у аджины родился младенец — вагдык (va ǵæk). По поверью, если снять с себя рубашку и накрыть ребенка аджины, то она наградит богатством и счастьем (ср. выше поверье о войде и фариште). В наиболее глухих местностях Ванджа и поныне сохранился обычай оставлять на ночь в чистой посуде лепешки, похлебку и свежую воду. Считается, что ночью аджина, зайдя в дом погреться, поест и утолит жажду. Согласно поверью, если аджина и отведет лепешки, то это будет незаметно, но утром, сколько бы человек ни съел лепешек, от которых отведала аджина, он не насытится. Если вечером дети просят

³⁷ Аджина — множ. ч. от арабского джинн (бес), в таджикском употребляется единственном числе. В кашкадарынских говорах таджикского языка мы находим аналогичное употребление множ. ч. шаётин от арабского шайтан (бес). Указано Қадырбековым Рашидом, уроженцем кишлака Варгонзи, за что приношу ему благодарность.

³⁸ Полевые записи 18-20 августа 1958 г. от колхозника Азизова Мирзошарифа 41 года (кишлак Мотраун, Язгулем) и учителя Пиррова Шамса (кишлак Джамак).

³⁹ И. И. Зарубин, К списку памирских языков, «Доклады Российской Академии наук», серия В, 1924, стр. 79—81; М. С. Андреев, О таджикском языке насторожившего времени, «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», Stalinabad, 1948, стр. 65—66; А. З. Розенфельд, Ванчские говоры, «Доклады АН ТаджССР», вып. V, Stalinabad, 1952, стр. 49—53; ее же, К вопросу о памирско-таджикских языковых отношениях (на материалах ванджских говоров), «Труды Ин-та языкоznания АН СССР», VI, 1956; ее же, Материалы по этнографии и топонимике Ванджа, «Изв. ВГО», т. 85, вып. 4, 1951.

⁴⁰ Записано от Лонкова Фархуддина, 56 лет, плотника и охотника (кишлак Бунай 21 августа 1958 г.). Аналогичный рассказ записан и в Верхнем Вандже (кишлак Гуджасов).

⁴¹ О пари у таджиков см.: А. А. Семенов, Указ. раб., стр. 71; Н. А. Кисляков. Охота таджиков долины реки Хингоу, стр. 113—115.

лепешек больше, чем положено, мать отговаривается: «Я тебе дам, а ночью придет аджина, захочет поесть и не найдет лепешки; она может рассердиться»⁴². В Рохарве не так давно аджина будто бы служила одной семье, спала на конюшне, мыла посуду и иногда предсказывала смерть тому или иному заболевшему члену семьи. Аджина якобы очень не любила, чтобы в доме ночевали чужие люди; в таких случаях она устраивала разные проказы, стаскивала со спящих одеяла, заставляла их вскакивать с постели и в конце концов выживала совсем из дома. Иногда аджина, по представлениям суеверных лиц, выбирает для себя то или иное место и не дает там селиться людям, устраивая различные каверзы или насылая смерть.

По существующим поверьям, аджина может быть «не только у людей, но и у различных домашних животных и птиц». Так, «лошадиная аджина» — аджина асп живет на конюшне и запллетает и расплетает гриву лошади (аналогичное действие приписывается войду в Рушане). Женщины-роженицы осторегаются ступать на лошадиный навоз, так как, по поверью, если аджина касалась данной лошади, то у кормящей матери может перегореть молоко⁴³.

В связи с тем, что аджина воспринимается не только как доброе, но и как злое существо, могущее навредить человеку, имя ее подвергалось табу, и в ванджских говорах для аджини имеется несколько слов-заменителей: шакарак (сладенькая), хаждалак⁴⁴, лувкунақ (зовущая, эхо), сангдозак (швыряющая камни), мандук. Кроме того, существует вера в аджинай кар (глухая аджина), которую считают особенно опасной. Если человек долго болеет, ему говорят: аджинай кар ёрут шуд (глухая аджина подружилась с тобой). Считается, что эта аджина опасна потому, что она глухая и не слышит святого слова, которым ее можно обезвредить.

Подобно гульбиябану, алмасте или войду и другим фантастическим персонажам, аджина представляется суеверным людям вполне реальным существом и отождествляется ими то с человеком, то с животными. Н. А. Кисляков приводит следующий случай: одного маленького школьника в Вахио спросили, каких он знает животных, он ответил: «волка, медведя, лису, зайца, аджину»⁴⁵.

Так же реально представляют себе на Вандже суеверные люди и войта. Это исполин, гигант, рождающийся из вихря. Сначала он кажется маленьким, но потом постепенно растет и в конце концов достигает головой неба⁴⁶. У него такой широкий шаг, что одной ногой он может стоять на одном берегу реки, а другой — на противоположном. Обычно войт не причиняет человеку зла, и если его не тронуть, то и он вредить не будет. В Дарвазе это же существо называют хойт.

Несмотря на то, что ванджское войт фонетически совпадает с памирским вуйд, войд, вайд, под этими терминами понимаются разные демонические существа, со своими локальными признаками. По-видимому, ванджский войт скорее всего может быть сопоставлен с древнейшим иранским божеством пространства и ветра *vayu*⁴⁷, тогда как памирский вуйд (войд, вайд) может быть отождествлен с духом-покровителем домашнего очага и поставлен в один ряд с такими демонами, как алмасте и аджина.

⁴² Записано от учителя Сияева Джумы, 40 лет (Рохарв, 20 августа 1958 г.).

⁴³ Ср. в русских поверьях: «Домовой... — дух-хранитель и обидчик дома; стучит и возится по ночам, проказит, душит, ради шутки, сонного; ... Он особенно хохлячиает на конюшне, запллет любимой лошади гриву в колтун» ... В. Даль, Толковый словарь живого русского языка, т. I, М., 1955, стр. 466).

⁴⁴ В памирских языках аждал — дракон.

⁴⁵ Н. А. Кисляков. Охота таджиков долины реки Хингу..., стр. 112; об аджине см. также: А. А. Семенов, Указ. раб., стр. 76.

⁴⁶ Ср. воспоминание Садриддина Айни о том, как он, наслышавшись сказок о девах и драконах, однажды вечером увидел семиголового дракона, который у него на глазах стал расти и доиграть головой неба (Садриддин Айни, Едаоштхо (Воспоминания). Стадинабад, 1954, стр. 56).

⁴⁷ О *vayu* см.: В. А. Абаев, Этимологические заметки, стр. 450—457.

* *

*

Мы рассмотрели здесь лишь одну область верований припамирских народов. Как можно убедиться из приведенного материала, одни и те же духи или демоны у соседних народов наряду с общими наделяются чисто локальными чертами; некоторые из этих существ, хотя и носят одинаковые названия, в сознании верящих в них весьма отличаются однодругого, другие же, называясь по-разному, оказываются сходными.

Как мы видели выше, одни из сверхъестественных существ представляются очень неясно, абстрактно, другие же — вполне реально. Все эти факты говорят о том, что вера в духов, демонов, гульбиябана и тому подобные существа является пережитком глубокой старины; многое ушло в прошлое, и трудно было бы в наши дни ждать четких представлений в области древних верований.

Среднее и младшее поколение, родившееся и выросшее при Советской власти в эпоху гигантских социалистических преобразований и культурной революции, а также наиболее грамотная часть старшего поколения весьма иронически относится ко всем подобным поверьям и суевериям откровенно над ними смеется. И все-таки еще можно собрать очень много материала, проливающего свет на историю верований таджикского и киргизского народов. Это нужно делать немедленно, пока все эти пережиточные представления не исчезли бесследно.

Назрела также настоятельная необходимость обобщить уже собранный и опубликованный материал о «диких людях», гульбиябане, монгольских аламасах, иетти шерпов, миге и многих других персонажах и определить место этого цикла в верованиях и представлениях различных народов⁴⁸. Здесь еще непочатый край работы, и нет сомнения, что в этой области исследователям ждут интересные открытия.

SUMMARY

In recent years Soviet and foreign literature and the press have carried all kinds of information about the «snow man». The author of the present article, basing himself on his own field investigations in Eastern and Western Pamir in 1958, as well as on material recorded by him at other periods in different parts of Tajikistan, maintains that the belief in the existence of the «snow man» in the Pamirs is traceable to the popularity of gulbiyaban stories (also called gulbiyavan, ghoul, guli yevoni) not only among the Kirghiz in the Pamirs but throughout Central and Southwest Asia. According to tradition, the gulbiyaban is a being resembling man and walking erect on its feet; it is covered with yellow-greish hair, dwells in lonely places and emits a fetid smell. Some stories have it that it is the strongest man who meet the gulbiyaban. Beliefs in daemonic beings other than the gulbiyaban still persist among the Kirghiz, the peoples dwelling around the Pamirs and the Vanch Tajiks. Some of these phantoms, though bearing different names, have many features in common; others, bearing similar or identical names among different peoples, are credited with widely differing shape. Many characteristic features ascribed to the gulbiyaban by Eastern Pamir Kirghiz are traceable in other daemonic beings as well. All this leads us to believe that the gulbiyaban (the «snow man») is a mythological being similar to other mythological characters.

⁴⁸ Представляется очень соблазнительным привлечь для сравнения и мифический народ «чучуна», фигурирующий в рассказах, записанных А. П. Окладниковым на нижней Лене, а также абасы якутов, сведения о которых приводит А. А. Попов. См.: А. П. Окладников, Исторические рассказы и легенды нижней Лены, «Сборники музея антропологии и этнографии», XI, 1949, стр. 85 и 99; А. А. Попов, Материалы по религии якутов (ср. «Знаменитым силачам и косарям никогда не следовало хвастать своею удастью. С силачами «абасы» боролся, и, чтобы не умереть, нужно было осилить духа»), там же, стр. 262.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Г. Г. СТРАТАНОВИЧ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У ЦЗИНПО

Цзинпо — одна из народностей, расселенных в районе, где сходятся границы Индии, Китая и Бирмы. Общая численность цзинпо превышает 400 тыс. чел. В Китайской Народной Республике цзинпо (по переписи 1953 г. — 101 558 чел.) расселены главным образом в уездах Лунчуань, Луси, Жуили, Ляньшань, Чжаньси, Инцзян и Лянхэ Дэхунского тай-цзинпоского автономного округа, а также в уезде Гэнма специального округа Линьцань¹. Наиболее значительная и относительно компактно расселенная часть цзинпо (качин) обитает в Бирманском Союзе. По подсчетам Е.-Р. Лича², большинство их — 205 тыс. чел. — живет в области Качин (Автономной области цзинпо); в том числе собственно цзинпо — 165 500 чел., асзи — 5 тыс., мару — 20 тыс., лаши — 15 тыс. чел. Около 60 тыс. цзинпо расселены, по тем же данным, в северной части Автономной области Шань, в их числе: собственно цзинпо — 39 тыс., асзи — 8 тыс., мару — 12 тыс., лаши — 600 чел. Официальные данные по Бирманскому Союзу пока очень неточны: данные переписи 1941 г. погибли во время пожара, а сведения выборочных переписей 1953, 1955, 1958 гг. неполны по ряду причин; справочные материалы 1955 г. дают численность цзинпо (качин) — 0,3 млн. чел. Всего 1,5 тыс. цзинпо (синпо) числится, по данным последних переписей, в Индии (район Лакхимпур в штате Ассам), где прежде различными исследователями и путешественниками приводилась цифра, близкая к 100 тыс.

По языковой принадлежности цзинпо, по мнению большинства китайских лингвистов (Фу Мао-цзи и др.), относятся к особой группе тибето-бирманской ветви китайско-тибетской языковой семьи.

Антropolогически цзинпо относятся к южным монголоидам. Однако больший, чем обычно у народов южноазиатской расы, процент волнистоволосых, высоко- и узколицых, а также узконосых, с повышенным переносием, типов может говорить скорее всего о значительном присутствии у цзинпо так называемого «воинского типа», выделяемого у восточных тибетцев.

Цзинпо отмечают в своем составе четыре основных подразделения: 1) собственно цзинпо, расселенные главным образом в Бирманском Союзе; 2) цайва, основная масса которых живет в Китайской Народной Республике; 3) лансо, или ланво; 4) чашань (лаши).

В работах китайских, бирманских, индийских и западноевропейских путешественников и исследователей встречается более сотни названий,

¹ См. «Юньнань шэн шаошу миньцзу гайкуан» (Краткие сведения о положении национальных меньшинств провинции Юньнань), Куньмин, 1956, стр. 137.

² E. R. Leach, Political systems of Highland Burma, V, London, 1954, стр. 309.

применяемых в качестве этнонима цзинпо. Объясняется это тем, что со седние народы называли каждое из подразделений цзинпо по-своему чаще всего не считаясь с их самоназваниями. Соотношение основных наименований показывает следующая таблица³:

Под- разде- ление	Само- на- звание	Н а з в а н и е							
		на говорах				на языках			
		цзинпо	цзайва	лансо	чашань	китайском	тай	бирманском	прочи
собст- венно цзин- по	цзин- по (синпо в Ас- саме)	цзинпо	шидун	пова, пу- мань, покэ	по (от тайского хпок)	дашань цзинпо	кан, хпоо (хпон, хпок)	качин (точнее кхакъен)	Апу, лао- кан, кайк
цзайва	цзайва	ацзи, асзи, сзи	цзайва	—	—	сюшань цзинпо	ача	—	—
чашань	лаци	ласи (лаши)	—	—	лаци (лаши)	чашань	—	ласзи (лаши)	—
лансо	ланво	мала, ма- ру, малу	лалун	ланво	лан, маньва	лансо, лансун	ача	мару	—

Кроме того, в старой китайской литературе встречаются еще иногда названия, данные цзинпо в феодальном Китае: «ежэнъ» (букв. «дикарь») и «шантътоу» (т. е. жители горных вершин); в старой бирманской и европейской литературе встречаются названия: «хка-хку» (вверх по реке живущие, в противоположность «хка-нам» — вниз по реке живущие), а также «тхеинбо» — фонетически неточная транскрипция слова цзинпо. Наконец, путаницу вносило употребление в качестве этнонимов цзинпо наименований их племен. Основных племен было пять: марип (с 15 подразделениями — родами), лахтаун, или лахтоо (18 родов), лепаи, или лахпай (17 родов, из которых в свою очередь разделились надвое), нхкум (8 родов), марань, или марам (4 рода). Приводить перечень наименований родов вряд ли здесь целесообразно⁴.

В пределах КНР преобладают цзайва-цзинпо, в Бирманском Союзе — собственно цзинпо. Говоры собственно цзинпо и цзайва значительно различаются; говоры чашань и лансо близки к цзайва. По данным китайских исследователей, различия наиболее отчетливо прослеживаются в лексике (не совпадает до 80% слов), но есть и чисто фонетические и грамматические. В Бирманском Союзе языковые различия между собственно цзинпо и цзайва (асзи, или сзи), а также лансо (мару) нивелируются в «треугольнике» (области, образуемой слиянием рек Нмайка и Малика). В КНР цзинпо живут в тесном общении с народами, принадлежащими к той же языковой ветви, но группы ицзу: лису, аchan и другими, а также в близком соседстве с народами группы тай: тай на — тайское население автономного округа тай-цзинпо (по-бирмански — шань тарок), тай хын (т. е. шань северо-востока Бирманского Союза), нун (одно из подразделений чжуан), ну и дулун, а также с китайцами. В Бирманском Союзе цзинпо общаются с аchan, лису, шань, бирманцами.

³ Цит. по «Юньнань шэнъ шаошу миньцзу гайкуан», стр. 68; дополнено автором настоящей статьи с учетом опросных материалов и данных Ли Чжи-чуня (см. его работу «Цзинпоцзу цинкуан» (Положение цзинпо), журн. «Чжунго миньцзу вэнъти янъцю цзи кань», 1955, № 2).

⁴ См. G. A. Griege son, Linguistic survey of India, Calcutta, 1902, т. III, ч. II, таблицы; Ли Чжи-чунь, Указ. раб., стр. 72.

Языковая принадлежность цзинпо к особой группе тибето-бирманской ветви китайско-тибетской языковой семьи позволяет предполагать, что они, как и все народы — носители языков этой ветви, лишь очень относительно могут считаться аборигенным пластом в местах их нынешнего расселения. Однако тай и бирманцы, с которыми цзинпо приходилось вести борьбу во время своего продвижения к югу, также не были первыми наследниками этих районов. Неолитические памятники, о которых говорит Е.-Р. Лич⁵, не принадлежали, вероятно, ни цзинпо, ни тай, ни бирманцам. Цзинпо справедливо считаются наиболее поздним слоем пришельцев, переместившихся сюда из областей горных плато северо-западного Китая. Сравнительно малая отдаленность периода передвижения этого этнического слоя к югу позволяет с достоверностью восстановить этот путь. Цзинпо — народ до недавнего времени бесписьменный, что затрудняет исследование; однако в данном случае реконструкция облегчается не только большой детальностью преданий, но и связанный с такого рода устной историей обрядностью (прежде всего с обрядом «проводов души») и с патрилинейной «преемственностью имен». Обряд этот описан Ли Чжи-чунем⁶. Когда кто-либо из мужчин умирает, совершается обряд «проводов души» к местам, где родились и дали начало роду далекие предки всех цзинпо. Как бы мысленно совершая вместе с душой ее путь, «чжай ва» — хранитель преданий или один из стариков селения рассказывает собравшимся, как преодолевает душа этапы этого пути — горную цепь, много крупных рек, высоких гор, ущелий, мостов — пока, наконец, достигнет высокогорного плато (кит. «пиндиншань», на цзинпо — «мачжои тингра»). Считая порядок деталей этого пути доказательством относительной достоверности всего сообщения, Ли Чжи-чунь пробует представить движение цзинпо с Сикан-Тибетского нагорья к югу через область истоков Хуанхэ, Янцзы, Салуэна, Нуцзяна к верховьям рек Нмайка и Малика и далее на запад вплоть до горных хребтов долины р. Хуконг и Ассамских гор. Натолкнувшись на сопротивление со стороны ахом (тай Ассама), цзинпо отступили на юго-восток к Иравади по долинам образующих ее рек. Однако долина р. Иравади была уже заселена в то время бирманцами и шань. Таким образом, цзинпо, частично вытесняясь, частично обходя их, были вынуждены двигаться от г. Бамо к востоку и вновь вступить в пределы Юньнани в районе Ляньшань — Луси и далее к югу, в сторону Ланьцань до границ шаньского княжества Кэндун. (Ряд китайских авторов в отличие от Ли Чжи-Чуна считает, что в южной части своей современной этнической территории цзинпо появились непосредственно от чашаньских гор, не заходя в Бирму⁷). Время этих передвижений устанавливается приблизительно благодаря «преемственности имен» (сущность ее такова: если имя деда Яун-сау, то имя отца будет Сау-чан, имя сына — Чан-лан, имя внука — Лан-бау и т. д.). Ли Чжи-чунь⁸ устанавливает, что в районе верховьев рек Нмайка и Малика цзинпо живут уже почти 50 поколений⁹, т. е. около тысячелетия; в районах Цзянсиньпо и долины Хукона (Синьпиньян) — около 40 поколений, т. е. примерно 800 лет; в зоне городов Мьичина и Бамо — всего 10—8 поколений, или 200—160 лет; в зоне населенных пунктов Луси — Гэнма — 6—4 поколения, или 120—80 лет. Таким образом, можно считать, что цзинпо заселили горную зону северо-западной части провинции Юньнань

⁵ E. R. Leach, Указ. раб., стр. 230.

⁶ Ли Чжи-чунь, Указ. раб., стр. 68.

⁷ Данные Сун Шу-хуа и Ян Юй-сян, по материалам которых написан раздел о цзинпо в книге «Вого шаошу миньцзы цзянь цзе» (Краткое описание национальных меньшинств нашей страны), Пекин, 1958.

⁸ См. карту к указ. работе Ли Чжи-чуня.

⁹ Учитывая ранние браки цзинпо в старину и возможность сосуществования двух-трех поколений, срок деятельности одною поколения принимается за 20 лет.

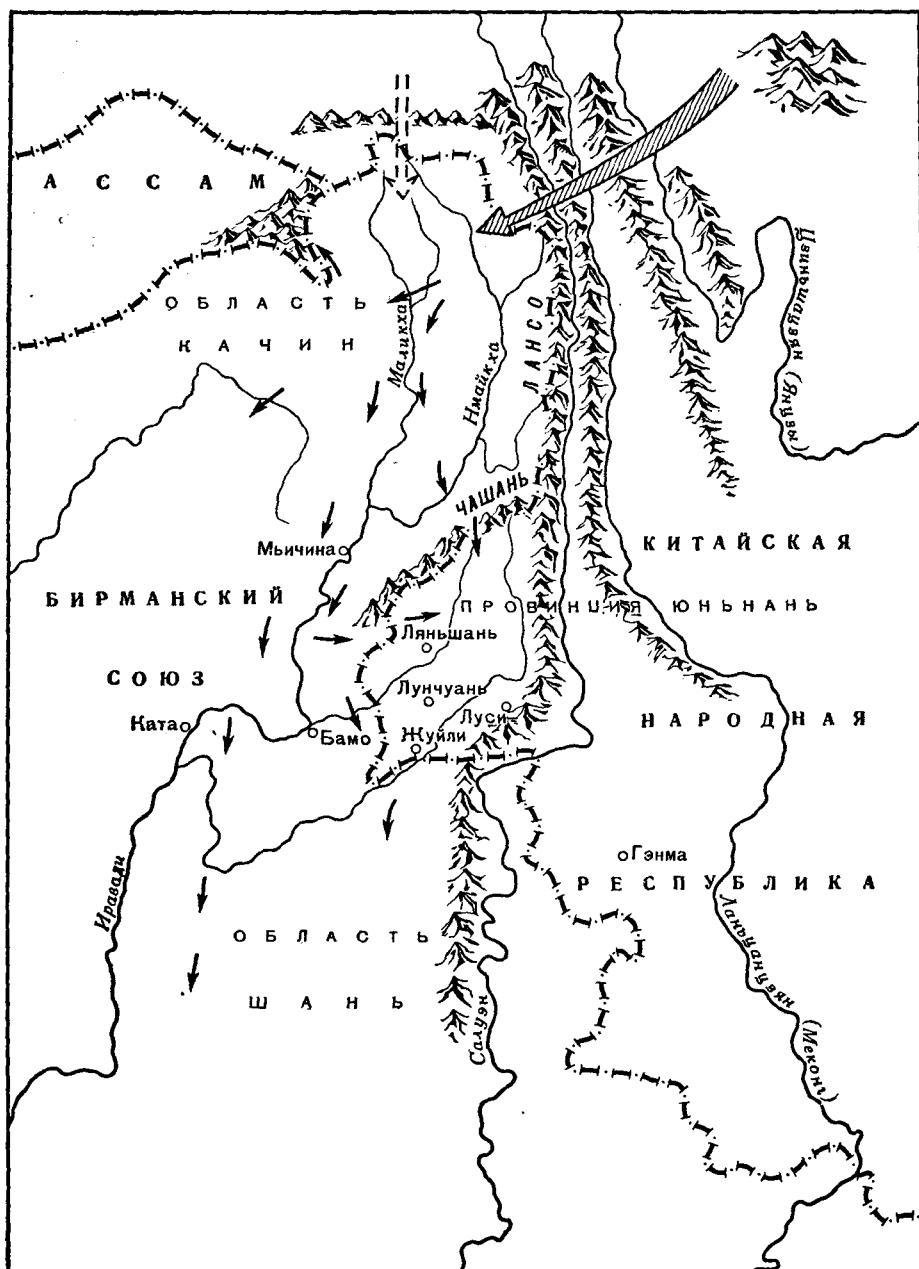

Рис. 1. Путь цзинпо к местам их нынешнего расселения (по указ. работе Ли Чжи-чуня)

в начале II тысячелетия н. э. В северной Бирме продвижение их приходится на XVII—XVIII вв. и новое продвижение в Юньнань на конец XVIII — начало XIX в.

В своем движении к югу цзинпо вели борьбу с шань. Этнические островки шань, прежде подвластных цзинпо, и сейчас еще остались в долине р. Хуконг и других районах горного севера Бирманского Союза (они встречены автором настоящей статьи в феврале 1957 г.). В равнинных областях или предгорьях северо-восточной части его цзинпо сами были вынуждены занять среднюю и верхнюю зону холмов, став в подчиненное положение к шаньским феодалам, но потеснив при этом палаун и ва. Позже цзинпо к югу двигались (по данным Ли Чжи-чуня)¹⁰ только лису, которые не смогли оттеснить своих предшественников и были вынуждены занять самую верхнюю зону — у горных пиков. Следует отметить, что бирмано-китайская граница не служила препятствием к движению цзинпо.

* * *

Социальные отношения у цзинпо в Бирме до провозглашения независимости и в Китае до Освобождения (т. е. до 1948—1949 гг.) отличаются большой сложностью. Лич, говоря о социальных отношениях у качин (цзинпо Бирмы), считает эти отношения столь своеобразными, что они не подходят ни под один из критериев, принятых в этнологии, а посему представляют собой неразрешимую загадку¹¹.

Следует иметь в виду, что социальное развитие цзинпо различных районов не было однородным. Разными были и методы управления, и характер административной системы, применяемые по отношению к цзинпо. В Бирме англичанами для качин было введено косвенное управление, в Китае же существовало прямое. В первом случае верхушку административной системы представляли подчиненные резиденту правители феодального типа — «дува», именуемые в литературе князьями (букв.— представители аристократии — «ду»), во втором — «тусы» и «шаньгуань» (соответственно «управитель» и «глава горы») — представители китайской администрации, часто даже но национальности не цзинпо, а китайцы (хань) или тай.

Исторические условия формирования цзинпо как народности определялись в конечном счете контактом с соседними, более развитыми в социальном отношении народами. Связи с феодальным Китаем вследствие неразвитости путей сообщения ограничивались торговлей; контакт с феодальными обществами бирманцев, шань и асамцев был в отношении социальных связей более тесным, экономические же взаимоотношения сводились только к вывозу сырья из области обитания цзинпо. Вероятно, этим можно объяснить наличие так называемых демократических (на языке цзинпо — «гумлао») и «аристократических» («гумса») племен. Описывая общество цзинпо типа гумса, Е.-Р. Лич считает его промежуточным между феодальным (сравнительно развитым. — Г. С.) обществом шань и кхонтаи (тайланских тай, сиамцев) и «демократическими» обществами китайских цзинпо, а также лису и других народов. Отсюда можно, по-видимому, вывести заключение о слабой степени феодализации общества цзинпо¹². Феодальные отношения были относительно развиты у цзинпо бирманских равнинных районов (Бамо и др.), слабее — в горных районах. В высокогорной зоне долины р. Хуконг и верховьев рек Нмайка и Малика преобладали общества типа гумлао.

¹⁰ Ли Чжи-чунь, Указ. раб., стр. 66.

¹¹ E. R. Leach, Указ. раб., стр. 6, 8.

¹² E. R. Leach, Указ. раб., стр. 9.

Колониальный захват Бирмы Англией (процесс этот шел с 1825 г. официально считался завершенным в 1876 г., но фактически длился до рубежа нашего века) приводил к противоречивым результатам. С одной стороны, англичане нуждались в надежной опоре для удержания колонии в своих руках. В окраинных приграничных «выделенных» (subdivided) для косвенного управления районах такой опорой среди местного населения колонизаторы избрали родоплеменную и феодальную аристократию. Всемерно укрепляя позиции этой прослойки общества цзинпо, колонизаторы, утверждающие формально в должности нового вождя «князя», насыщали принцип прямого наследования власти «усопшего князя» «принце крови» (притом старшим сыном, тогда как у цзинпо и большинства их соседей господствует минорат). С другой стороны, колонизаторы были заинтересованы в ослаблении сплоченности цзинпо, а также в рассредоточении населения севера Бирмы по всей обширной горной ее территории. Крупные селения цзинпо дробились; образовывались десятки мелких горных поселков свободных общинников. Власть качинского феодала «дува» распространялась на несколько таких поселков — «кахтаун», от двух-трех до нескольких десятков.

Администрация старого Китая также опиралась на родоплеменную аристократию и была заинтересована в разобщенности групп цзинпо, но, как и в других районах Китая, в основу фискальной политики была положена система взаимоответственности членов общины. Низовой податной единицей были группы домохозяйств, селение («га»).

Укрепляя позиции аристократии внутри общества цзинпо, английские колониальные власти, независимо от их устремлений, в то же время подрывали экономические основы значительной части дува, запретив им взимать дань оседлого земледельческого населения долин (чаще всего это были тай, но также и бирманцы и китайцы, жившие в долинах, контролируемых воинственными цзинпо) и отменив рабство.

Рис. 2. Вождь одной из групп лаши в парадном костюме

Общество цзинпо в целом не знало рабовладельческой формации, хотя элементы рабовладения у них и имелись. Некоторые авторы приводят свидетельства о том, что рабы — «майям» составляли нередко более половины общей численности жителей отдельных селений¹³. Однако личные опросные материалы автора настоящей статьи (1957) и литературные данные позволяют поставить под сомнение эти сведения. У цзинпо имелись два типа рабов: из военнопленных — «тинун-майям» и долговые — «нгон-майям». Большинство захваченных в плен во время набегов на соседей (например, на асамцев или на бирманских чинов) становилось рабами дува. Мужчин использовали в его хозяйстве; женщин нередко давали в приданое дочери дува или как выкуп за нее. Положение рабов отличалось от положения свободных общинников тем, что они могли быть проданы и перепроданы; собственностью они не владели. Обычное право цзинпо твердо устанавливало, что дети раба и рабыни, раба и свобод-

¹³ Там же, стр. 160, 301; J. Barnard. The frontier of Burma, «Journal of Royal Central Asian Society», т. XVII, 1930, стр. 180, 185.

ной — рабы, а дети свободного и рабыни — свободные¹⁴, если отец их выплатит владельцу рабыни брачный выкуп. (Надо отметить, что дети свободных становились «законными» детьми своего отца лишь после того, как он внесет общий брачный выкуп — «нум шалай» или выкуп за каждого побочного ребенка поочередно — «сумраи хака».) Стремясь вырваться из ограничений, накладываемых родоплеменными связями, сильный вождь был вынужден опираться на рабов¹⁵: «раб господину ближе сородича», отмечают цзинпо. Сведения о большом числе долговых рабов у всех подразделений цзинпо объясняются, возможно, широтой понятия долг («хха») у цзинпо: в него включаются все виды долговой зависимости и обязательств. Так, должником считал себя юноша, отрабатывающий в доме тестя за жену два-три года. Потенциальными должниками считались все юноши «майю» — «рода зятя» по отношению к «дама» — «роду тестя», но так как брак по традиции охватывал кольцо из трех родов, то в данном случае «долговые» отношения взаимно погашались. Должником считался всякий, принявший подарок (так как он должен, по обычаю, отдарить), в том числе и каждый, получивший реальную или символическую ценность при раздачах во время празднеств (своеобразная форма потлача). К прямым долговым обязательствам и долговому рабству вели займы зерна (под урожай или с выплатой в рассрочку) или скота (особенно буйволов — основного жертвенного животного), в том случае, если должник не смог отдать занятое, а в Бирме — и процент за пользование им. Положение долгового раба зависело иногда от видов на погашение долга. Долгового раба нельзя было продать. Он мог иметь свой дом и другое имущество. «Хозяин» мог присвоить выкуп, полученный за дочь долгового раба, но не имел права посягнуть на жену или дочь его.

Рабовладение было отменено английской администрацией в Бирме уже в 1880-х годах (ограничивались и «майян» — межплеменные войны, источник пополнения хозяйств дува рабами из военнопленных). Позже применялся выкуп рабов; так, по данным Лиги наций, в 1925—1928 гг. в долинах рек Хуконг, Нмайка и Малика было выкуплено почти 9 тыс. рабов¹⁶. Однако фактически долговое рабство и владение потомственными рабами сохранялось вплоть до конца 1940-х годов. В Китае борьба против рабства у цзинпо началась с первых же дней после Освобождения.

Таким образом, в обществе цзинпо-качин прослеживались три основных слоя: «ду» — аристократия, «майям» — рабы и «дарат» — свободные общинники. В каждом из этих слоев можно наметить отдельные прослойки.

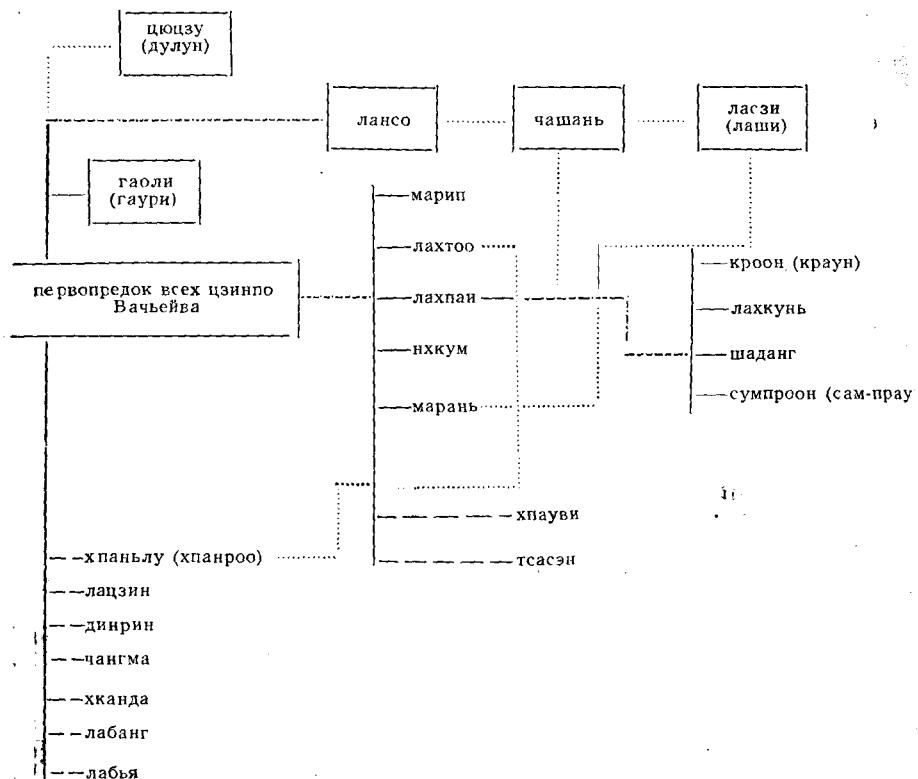
В среде аристократии прослойки определялись происхождением, размером контролируемой территории и «профессией» (точнее, ролью в обществе). Наиболее знатным, а следовательно и самым могущественным в соответствии с обычным правом цзинпо, был дува — глава миноратной линии главного рода цзинпо. Следует сказать, что у всех цзинпо родоплеменная структура сохранилась до наших дней, преимущественно в сфере регулирования брачных отношений, а также в области культа. Представление о развитости родоплеменного древа и взаимосвязи его ветвей могут до известной степени дать следующие схемы, составленные Ли Чжи-чунем и Личем.

Как показывает схема I, первопредок всех цзинпо Вачьеива (его прямые братья и кузены — главы подразделений лансо, чашань, лаши, или ласзи) имел, по преданию, пять сыновей, ставших предками пяти племен — «камью» (по мнению Лича, в Бирме расселены семь или восемь

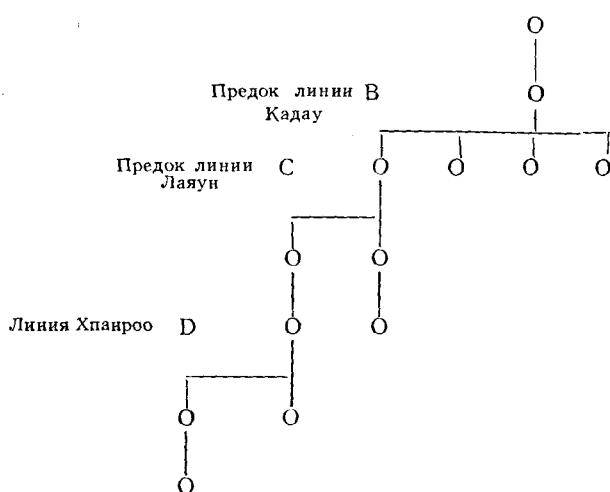
¹⁴ E. R. Leach, Указ. раб., стр. 160—161.

¹⁵ Там же, стр. 185.

¹⁶ J. Vagnat d. Указ. раб., стр. 185.

Схема I ¹⁷Схема II ¹⁸

А Первопредок рода (племени)
Лахтоо

¹⁷ См. Ли Чжи-чунь, Указ. раб., стр. 72. Условные знаки: — основные подразделения; — — Достоверные связи; — — реконструируемые связи.

¹⁸ См. E. R. Leach, Указ. раб., стр. 131, В, С, Д — главы миоратных линий («ума ду» — младших сыновей правителя).

основных племен) ¹⁹. Глава младшего из них стал первопредком линии лахлаи, а его четыре сына положили основание четырем братским родам (младший из них был главой самого крупного рода Шаданг). Поколения, не имевшие отпочекований (оставшиеся неразделенными), не давали особых линий, оставаясь в одном домохозяйстве «хтинггоо», главой которого был «ума» — младший сын основателя домохозяйства (или «ума» старшего поколения из живущих в доме).

Используя право вождя приносить жертвы Мадаи-нату — божеству неба или Шадил-нату — божеству земли, умаду, глава линии хланро, готовил праздник (манау); формально для этого ему требовалось санкция умаду старшей линии (ляяун, кадау или непосредственно лахтоо). Однако ни в Китае, ни в Бирме глава старшей линии (в схеме II — племени лахтоо), в отличие от старшего феодала шань («зао», «заопилин» — старший «сао»), экономическими привилегиями по сравнению с другими дува не пользовался. Высокое происхождение давало ему знатность; его слова и дела оценивались с учетом престижа его знатности. Считалось, что авторитет аристократии не определяется богатством, но фактически экономическое положение дува в значительной мере определяло и его общественный вес. Реально его власть и сила зависели от контролируемой им территории, числа подвластных ему селений — «кахтаун» или групп родственных поселков — «марэ» (в конце 1940-х годов марэ означало группу хуторов). Шаньгуани и иные аристократические прослойки цзинпо Китая чаще контролировали один или два-три поселка. В долинных селениях Бирмы до провозглашения независимости число домохозяйств («хтинггоо») нередко превышало сотню. В горных же районах Китая и Бирмы селения состояли из 20—30 хтинггоо, принадлежащих зачастую к двум-трем амью. Дува нес обязанность судьи, военного вождя, организатора хозяйственных мероприятий, главы повседневно действующей исполнительной власти и одного из служителей культа.

Суд у цзинпо представлял собой публичное разбирательство дела советом старейшин — «саланг хлоон». Совет старейшин состоял из салангов — глав проживающих в данном районе подразделений цзинпо; дува был лишь главным из них, как глава старшей линии. В совете принимали участие также старики селения — «мьит су» (мудрые люди). От имени истца и ответчика выступали «каса» ²⁰ — ораторы. Наказание сводилось чаще всего к штрафу в пользу пострадавшего и судей (штраф определялся обычно в различных съестных припасах и животных — свиньях, буйволе, курах; все это шло на угощение участников суда). Таким образом, авторитет дува укреплялся «мудростью решений».

В качестве военного вождя дува выступал в период кровной мести (банглат хка) или набегов на соседей, т. е. открытых военных действий (хпьең газат). Однако эти обязанности выполнялись дува лишь в локальных войнах. В английской колониальной армии, где были отдельные воинские части цзинпо, а также в полиции колониального времени, где цзинпо было довольно много, служили родственники дува по его рекомендации, но не он сам.

К функциям дува относилось прежде всего взимание поборов с оседлого населения долин и с торговых караванов, следующих по дорогам на территории, контролируемой данным дува. Большое значение имело слово дува при разрешении земельных вопросов. По обычному праву, дува и саланги были «маду» — владельцами земли. Рядовые общинники лишь пользовались ее плодами (букв. «ша» — вкушали или «лу» — пили

¹⁹ E. R. Leach, Указ. раб., стр. 128. Примечание.

²⁰ Гам же, стр. 184.

землю²¹). Споры о земле, перенос селения и т. п. происходили с ведо- и разрешения дува в Бирме и старейшин в Китае.

Вопреки обычному представлению о совмещении вождями цзинь светских и религиозных функций, наш опрос подтвердил мнение Ли, что их значение в религиозной жизни общины ограничивалось устройством празднеств — манао или правом разрешения другим устраивавшим эти празднества за соответствующую мзду. В период проведения манао в честь Мадаи-ната или Шадип-ната самим дува (а только он имел это право) в качестве священнослужителя выступал жрец «думса». В обществе бирманских цзинпо различные стороны религиозной жизни обживались очень детально специализированным штатом служителей культа. В их число входили: «чжайва» — сказитель, чтец преданий, лек-

Рис. 3. Женщины лаши и качин

и поучений, «думса» — жрец-хранитель ритуала (обрядности празднеств), «ххинчжуан» — гадальщик-прорицатель, «мъихтои» — вызыватель духов (посредник между духами умерших и живыми их потомками, а также лекарь)²² и др. Как правило, достижение этих должностей определялось опытом или прирожденными способностями, но они не были наследственными (кроме «мъихтои», которые у цзинпо Китая были чаще всего женщинами, передававшими свой «дар» в семье). Эта разветвленная жреческая аристократия вместе с наследной родоплеменной аристократией составляла основной эксплуататорский слой общества цзинпо. В горной зоне расселения китайских цзинпо культовые функции чаще совмещались со светскими, иерархия служителей культа была менее специализированной, но влияние ее было более глубоким и охватывало все стороны жизни цзинпо.

²¹ E. R. Leach, Указ. раб., стр. 155.

²² Хуан Шао-хуай, Е Юн-хуа, Вого шаошу миньцзууды цзуцзяо хэ фын (Верования и обряды национальных меньшинств нашей страны), Пекин 1958, т. стр. 88.

Основная масса, главный слой в обществе цзинпо — «дарат дарои», т. е. свободные общинники — до самого последнего времени четко представляли себя членами рода — амью или той или иной линии потомков основных племен. Каждый знал, что люди одного определенного родо-племенного подразделения состоят с ним в отношениях «дама», т. е.

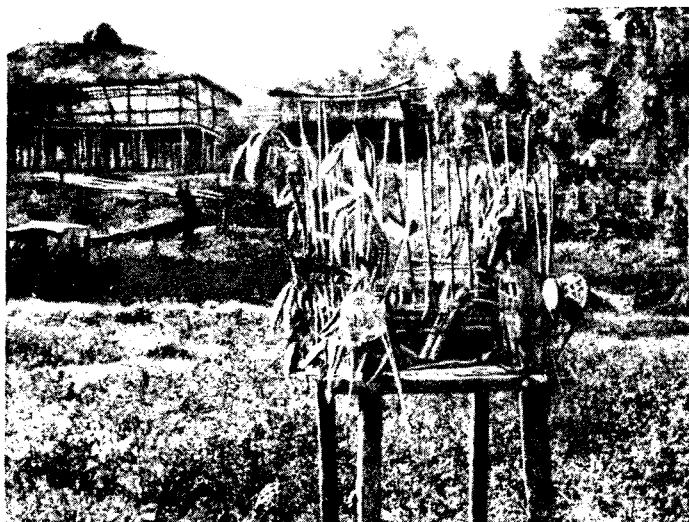

Рис. 4. «Нумшан» — место молений у цзинпо; на переднем плане «хкунри» — алтарик с бамбуковыми трубками — «вместилицами душ»

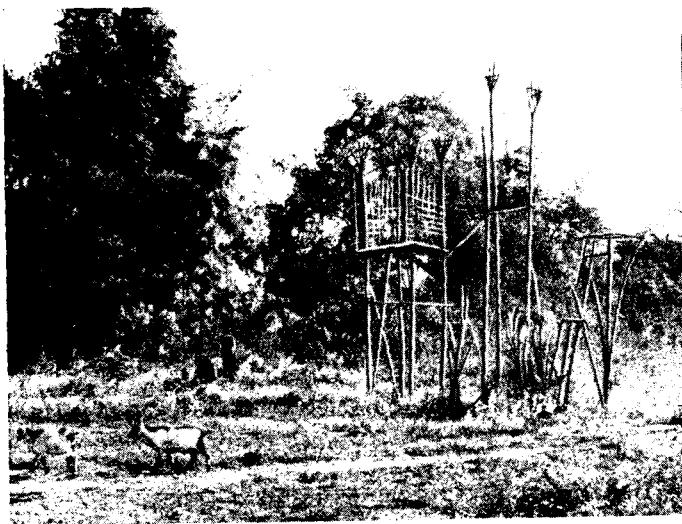

Рис. 5. «Вуданг» — шесты с корзинами у нумшана цзинпо

отдают своих женщин в жены его сородичам; равным образом другое родоплеменное подразделение было связано с его сородичами родством «майю», т. е. брало жен из его подразделений (ср. отношения «пела» в брачных обычаях юго-востока Индонезии или «доха» у народов Амуря). Каждый более или менее определенно представлял свое место в «хтинггоо» — семье, домохозяйстве. Таким образом, устанавливалось тра-

диционное «кахпу-кануя»: братство по одному роду (или племени) «камью», одному его подразделению — «лакун», одному очагу — «да». Однако у цзинло существуют и другие связи, не имеющие родоплеменного характера. Одни из них — более ранние. Это возрастные группы: «ни» — дети; с достижением половой зрелости они становятся «шабрни» — юноши и «маккоон ни» — девушки; вступая в брак соответственно в 20—18 лет, они становятся «маду ни» — брачной парой и со своими сверстниками «ла» — мужчины и «цум» — женщины выступают как группа «га ни» — работники²³. Другие связи относительно новые: это сокская община, объединение «бу ни» — жители одного селения, которые осознают себя общностью, противостоящей другим «бу ни». Они имеют общих местных натов (духов) земли, которым приносят жертвы общем «нумшан». Это — место жертвоприношений, проведения празднеств, включающее священную рощу с обязательным бальяном, и памятники былых празднеств: бамбуковые алтарики — «хкунри», шесть «вуданг» в память жертвенного заклания домашней птицы и крестовки с гравированным узором — «лабан» в память заклания буйволов, а также площадку для танцев во время празднества.

Китайские исследователи: Ли Чжи-чунь, И Цюнь, Хуан Шао-хуа Е Юн-хуа и др.²⁴ подчеркивают, что у цзинло ремесло еще не выделилось в особую отрасль хозяйственной деятельности, т. е. в обществе цзинло не было особого слоя ремесленников, как не было и слоя своих торговцев. Теоретически не само богатство приносило почет в обществе цзинло. Почтенным человеком считался «хпачжи» — тот из рядовых общинников, кто завоевал авторитет своей мудростью или устройством празднеств. Но во время этих празднеств закалывалось много жертвенных животных и раздавалось много подарков. Упомянутые авторы говорят, что жертвенные животные расходовались в таком числе, что цзинло часто вынуждены были покупать их у соседних народов²⁵. На жертвоприношение тратился по существу весь крупный рогатый скот. «Сулу ай ва» — богатым человеком назывался тот, у кого много «хпата» — имущества. Большое место в этом имуществе занимали различные вещи связанные с культом: ритуальные бронзовые барабаны, особо высокие качественные художественно отделанные «ихту» — мечи и «ихлье» — богато орнаментированные сумки и т. д. Наибольшей ценностью был однако, участки полей под заливным рисом — «ххау на». Иногда встречались и накопления в денежной форме. Богатые люди могли заниматься ростовщичеством, однако в рост отдавалось зерно (под залог урожая) или скот (процентом здесь служил приплод); взимать проценты в денежной осуде еще считалось предосудительным.

* * *

Территория, заселенная цзинло, считалась поделенной между их подразделениями, а со второй половины XIX в. — и между общинами дариков. Владельцами земли, как указывалось выше, считались в Бирме дув и саланг; в Китае уже с минского периода земля считалась владение китайской центральной власти, от имени которой правили ее представители «тусы» и «шаньгуани» (чашаньское шаньгуанство учреждено в «втором году правления Юнлэ» — 1404 г., шаньгуанство Лими — «в шестом году Юнлэ» — 1408 г.). В период правления минской династии был учрежден также восемь застав, контролировавших горные проходы в полосе бирманско-китайской границы; большая часть их находилась на

²³ E. R. Leach, Указ. раб., стр. 133.

²⁴ См., например: И Цюнь, Вого шаошу миньцзу цзянь цзе, Пекин, 1958, стр. 121.

²⁵ Хуан Шао-хуай, Е Юн-хуа, Указ. раб., стр. 83.

этнической территории цзинпо. Рядовые общинники считались «использующими» продукты питания, даруемые землей. Древнее представление о родовых празднествах «вкушения леса» или «питья земли», т. е. очень ранних полусобирательских праздниках урожая, сохранились у цзинпо, как уже упоминалось, в терминах землепользования: «вкусить землю» (ша га) или «пить землю» (лю га). Право пользования землей на территории данного селения признавалось за всеми его жителями, хотя бы в нем были представлены две-три родоплеменные группы. Соседская община считала землю, числившуюся за ней, своей «бу га» (термин, часто переводимый «земля отцов»). Каждая семья в селении могла произвести расчистку нового участка, если ее прежняя земля была истощена. Хотя общинная территория была достаточно обширна, но богатых, т. е. нетронутых в течение более чем 15 лет и пригодных для возделывания, горных пахотных участков было не так уж много. Уровень сельскохозяйственного производства цзинпо был очень низок; считалось, что легче расчистить новое поле, чем удобрять и лучше обрабатывать старое, истощенное. Несмотря на это, перенос деревни в результате истощения окружающих ее земель совершался в очень редких случаях; объясняется это четким представлением об опасности «прихватить чужую землю», что повлекло бы переход под руку другого дува, саланга или шаньгуана, а вместе с тем и непосильный для общины расход на обряд «установления отношений» с ним.

Расчистка нового участка или устройство террасовых полей, как и проведение основных сельскохозяйственных работ — посадки и посева, сбора урожая (а также постройки нового дома), производились часто посредством «помочей» (родственных или соседско-общинных), т. е. коллективно, особенно у китайских цзинпо.

По хозяйственно-культурному типу цзинпо еще недавно были мотыжными земледельцами. Лишь кое-где, главным образом в равнинных районах Бирмы, применился малый плуг. Основными сельскохозяйственными орудиями были мотыга и меч²⁶. До последнего времени площади земель, обрабатываемых мотыгами после пожара, подсечно-огневым способом, составляли более 70% всей обрабатываемой земли. По количеству получаемых осадков и характеру естественной растительности обрабатываемые земли цзинпо делятся на два типа. К первому типу относятся земли густо облесенного склона, обращенного в сторону влажных муссонов, более плодородные, но требующие значительной затраты труда при расчистке поля. Поля этого типа сохраняют плодородие на два-четыре года, а при ежегодном дожигании стволов и пней крупных деревьев — до десяти лет. Восстановление плодородности почвы требует здесь 12—15 лет. Ко второму типу относятся земли склонов, обращенных на северо-запад, к которым путь муссонам прегражден горами. Растительный покров здесь — трава и мелколесье. Перелог необходим уже через 1—2 года, и возврат к оставленной земле возможен лишь через 15—16 лет. Тем более ценится здесь земля с искусственным орошением: террасовые и долинные поля. Из сельскохозяйственных культур цзинпо выращивают заливной рис (больше всего — розовых клейких сортов), суходольный рис, просо, сорго (гаолян), кукурузу, гречиху, бобы нескольких сортов, картофель и батат; из технических — хлопчатник с коротким волокном, лен, опийный мак. В последние годы расширяются плантации чайного куста. На садово-огородных участках при доме цзинпо выращивают бананы, мандарины, плоды дуриона, тыквы и др.

Животноводство, судя по преданиям, очень развитое у цзинпо прежде, в последние десятилетия сводится к разведению свиней, тяглового скота и домашней птицы (главным образом кур). Тягловое животное —

²⁶ Роль меча как универсального орудия подчеркивают все китайские исследователи, писавшие о цзинпо.

обычно буйвол; реже используются быки и коровы. Но в основном крупный рогатый скот (особенно буйвол) — это жертвенное животное. Поэтому тяглового скота у цзинпо было очень мало.

Цзинпо занимаются также рыболовством в горных реках и охотой, отчасти и собирательством. Охота — занятие мужское — носит скорее коллективный, обрядовый, чем промысловый характер.

В последнее время многие цзинпо заняты на лесоразработках (впрочем, один из моих информаторов — бирманский лаши Мадин Сао-ин, молодой этнограф, — сообщил, что его род издревле связан экономически с китайцами (хань), так как основной его промысел — рубка леса и вывоз в Китай колод, используемых на производство гробов). Уход на лесоразработки — основной вид отходничества у цзинпо.

Рис. 6. Забор на реке с лотком для ловли рыбы в период половодья

И в основных, и в побочных занятиях цзинпо довольно ясно было выражено половое разделение труда. Основное бремя ложилось на женщину; кроме работ по дому и заботы о детях, в обязанности женщин входили: прядение и ткачество, шитье одежды и вышивание, сбор тростника и плетение из него циновок, изготовление утвари из бамбука, уход за скотом, обработка садово-огородного участка, выполнение большей части полевых работ. Мужчина нес обязанности по охране селения и женщин, работающих в поле, участвовал в расчистке поля (основным орудием в рубке леса, как и в ряде других работ, был у цзинпо меч), в пахоте (если использовался тягловый скот) и уборке урожая (главным образом в переноске его в амбар) и т. д. Мужским промыслом являлось все, связанное с использованием леса (рубка деревьев, заготовка и расщепление бамбука и лиан, сбор лака и окраска полос давленого бамбука и лиан в красный и черный цвет), а также ювелирное дело. Дети (мальчики и девочки) очень рано начинали участвовать в работе взрослых соответственно своему полу.

Отношения собственности у цзинпо были довольно сложными. Так, в Китае до Освобождения у цзинпо существовало три типа собствен-

ности²⁷. 1) Собственность на домашний скот, сельскохозяйственные орудия и утварь, жилой дом. Этой собственностью можно было свободно распоряжаться, передавать ее по наследству или в дар. 2) Собственность на заливные поля, садово-огородные участки, рощи бамбука (с меткой владельца), плантации чайного куста. Этую собственность также можно было передавать по наследству, закладывать под обеспечение ссуды. Но если владелец покидал селение или умирал, не оставив наследника, то право владения этой собственностью оставалось за шаньгуанем. В отдельных районах эту собственность можно было продавать, но преимущество покупки оставалось за сообщинниками — «га ни» владельца. 3) Собственность на залежные, выработанные и оставленные земли,

Рис. 7. Жилые постройки цзинпо близ г. Могаун

выгоны, горные леса, бывшие в общинном владении (как уже упомянуто выше, в Бирме эти земли были подвластны дува).

В последнее время наблюдалось некоторое усиление развития частной собственности, в первую очередь за счет расширения числа участков земли под заливным рисом. Выделяется очень слабый еще слой собственников земли из рядового крестьянства, по терминологии китайских исследователей — «кулацкого типа» хозяйств. Происходят некоторые сдвиги и в среде аристократии. В Бирме родоплеменная аристократия укрепляет свои позиции за счет брачных связей с шаньской аристократией и бирманской бюрократией. В Китае, где родственные связи цзинпо с представителями администрации были редки, укрепление позиций аристократии (шаньгуаней, служителей культа и старост селения) шло за счет закрепления за ними лучших земельных участков. Размер участка крупного шаньгуана нередко в четыре и более раз превышал размер максимального участка семей рядовых общинников. Образовывались таким образом хозяйства «типа помещичьих» (также по терминологии китайских исследователей). Мелкие шаньгуани лично принимали участие в земледельческом труде.

Следует помнить все же, что уровень развития экономики в целом

²⁷ См. И Цюнь, Указ. раб., стр. 120.

у цзинпо был очень низким. Достаточно сказать, что у цзинпо Китая при раскладке урожая на душу населения полученных продуктов хватало немногим больше, чем на четыре месяца в году²⁸. Кроме того, жители отдаленных горных поселков цзинпо Бирмы очень страдали от недостатка соли. Местного соляного промысла не существовало. Соль доставляла издалека. Еще в 1957 г. встреченный нами караван с солью двигался: поселкам района Путао в течение пяти-шести недель.

* * *

Конец 1940-х годов принес народам Бирмы и Китая независимость. 4 января 1948 г. было провозглашено создание Бирманского Союза. По конституции, подготовленной еще в 1947 г., качин (бирманоязычные цзинпо) получили национальную автономию (автономная область Качин), охватывающую округа Мьичина и Бамо, т. е. основные районы расселения цзинпо. 10 января 1952 г. это решение было проведено в жизнь. Правительственные мероприятия по улучшению экономического положения областей страны и по поднятию культурного уровня их населения предусматривали проведение дорог и усовершенствование существующих трактов, развитие сельского хозяйства и промышленности, улучшение постановки народного образования и здравоохранения. Дорожное строительство, развернувшееся в 1955—1957 гг. в одном из округов в области Мьичина, продолжало ранее начатый курс прокладки стратегических трактов, идущих к северным пограничным областям. Однако эти тракты имели большое значение и для развития экономики населения горных районов (так, срок нахождения в пути торговых караванов сократился в два-три раза). Примечательно, что мелкие — почти хуторского типа — селения цзинпо после провозглашения независимости вновь сливаются в крупные поселки, имеющие выходы к трактам и рекам. Созданные в автономной области Качин сельскохозяйственная и агропочвенная станции помогают крестьянам цзинпо знакомиться с передовыми методами ведения сельского хозяйства. В 1957 г. в области завершено строительство крупного, технически высокоснащенного сахарного завода (близ города Могаун), рассчитанного на сезонную загрузку и местное сырье, что, конечно, требовало развития самой водолюбивой культуры — сахарного тростника. (К сожалению, ирригационным работам уделялось весьма мало внимания, а в орошении — ключ к развитию экономики местного населения.) Развитие получили и правительственные лесоразработки на территории области.

Улучшение медицинского обслуживания населения области прежде всего было направлено на борьбу с венерическими заболеваниями — тяжелым наследием японской оккупации, а также концентрации американских воинских частей у южных границ Китая в период второй мировой войны.

Заметные успехи делает народное образование в области. Не только в городах, число которых в области невелико, но и в крупных селениях имеются теперь начальные школы. Появились средние и полные средние школы (high schools), которых прежде у цзинпо не было. Большее число цзинпо стало получать высшее образование в университетах Рангугна и Мандалея. В обучении взрослых грамоте и ремеслам значительную роль играют молодые этнографы, медики и техники из отрядов «обучения масс» (Mass education).

Конец 1940-х годов ознаменовался провозглашением Китайской Народной Республики. Жизнь цзинпо Китая изменилась коренным образом. Учитывая специфику социальных отношений цзинпо, Коммунистическая

²⁸ И. Цюнь, Указ. раб., стр. 120.

партия и Народное правительство КНР отнесли область расселения цзинпо к числу таких, где аграрная реформа не будет проводиться в общем порядке. Первой задачей народной власти в районах наиболее компактного расселения цзинпо было поднять уровень производства продовольственных сельскохозяйственных культур. В первые годы после Освобождения правительство отпускало ежегодно только цзинпо Дэхунского округа более 300 тыс. юаней ссуды. Однако и тогда оставалось еще до 60% крестьян цзинпо, которым хватало продовольствия только на шесть месяцев в году. С начала 1952 г. была поставлена задача подъема производительности сельского хозяйства цзинпо. Крестьяне цзинпо организуются для строительства систем водоснабжения, устройства плотин, расширения пахотной земли. Наглядный пример китайских

Рис. 8. Школа цзинпо в пригороде Могауна

сельскохозяйственных кооперативов показал крестьянам цзинпо преимущества производственной кооперации и механизации сельскохозяйственных процессов. В 1954 г. в Дэхунском округе было четыре сельскохозяйственных кооператива, в трех из которых уже в первый год их существования продуктивность труда повысилась в 2,5 раза. В производственном кооперативе «Манса» Вэнъцзяньского уезда Дэхунского автономного округа тай и цзинпо производительность труда в 1955 г. вновь выросла на 80%. Интересно сравнить в денежном выражении рост доходов членов этого кооператива: в 1954, 1955 и 1956 гг. каждый трудоспособный получил на руки соответственно 200, 350 и более 500 юаней. Число цзинпо — членов производственных кооперативов в 1956 г. превысило 12 тыс. чел.; в 1957 г. было создано более 70 новых кооперативов; более четырех тысяч крестьянских семей цзинпо состояли в кооперативах, основанных на целинных землях. С началом Большого скачка крестьянство цзинпо добилось новых успехов. В 1958 г. в уезде Луси Дэхунского автономного округа, где расселено до 500 хозяйств цзинпо, урожай увеличился вдвое по сравнению с 1957 г. Каждый трудоспособный получил 1200 цзиней зерна (больше средней цифры по всей стране). В конце 1958 г. здесь создана народная коммуна «Сань тай шань» (Три большие горы). Вслед затем крестьяне цзинпо начали создавать народные коммуны и в других районах их расселения. Как известно, народные коммуны — это многоотраслевые хозяйства, включающие мелкие и средние промышленные предприятия. Таким образом, цзинпо, наравне с другими народами округа, участвуют в работе этих

предприятий: варят сталь, подготавливают строительные материалы для жилых домов и производственных зданий, строят электростанции. Небывало возросла культура цзинпо. Многие их поселки электрифицированы и радиофицированы. В Дэхунском автономном округе издается газета «Единство» на языках цзинпо и китайском. Развитие школьной сети и утверждение в марте 1957 г. нового типа научно разработанной письменности для цзайва, чашань и лансо, а также улучшения в старой письменности, оставленной для пользования у собственно цзинпо, способствуют быстрому росту грамотности не только детей, но и взрослого населения. Огромные успехи достигнуты и в народном здравоохранении.

Рис. 9. Группа цзинпо и лаши Путао (Бирманский Союз) — участников митинга против так называемого «канткитайского движения», инспирированного империалистическими агентами в начале 1957 г.

Жизнь цзинпо КНР — блестящий пример торжества марксистско-ленинской национальной политики. Благодаря мудрому руководству Коммунистической партии и Народного правительства Китая, благодаря огромной помощи своего старшего брата — китайского народа, народность цзинпо, прежде угнетенное национальное меньшинство, ныне равноправный член многонациональной семьи народов Китая, минуя капиталистическую формацию, непосредственно от раннефеодальной стадии переходит к социализму.

Народы, исторически связанные с цзинпо, на примере их жизни видят путь к светлому будущему, и никаким поискам империалистов и их агентов не удастся нарушить дружеские отношения этих народов, как не удалось агентам американского империализма использовать цзинпо Бирманского Союза для нападения на КНР или поссорить их с цзинпо нового Китая.

S U M M A R Y

The social and economic relations of the Chingpo are of great political and scientific interest. All the Chinese investigators point out the complexity of those relations of the Chingpo in China. It was not occasional that the regions of Chingpo settlement in the Chinese People's Republic were regarded as belonging to those where the agrarian reform would not take place in the general way.

The data found in literature, those collected by the author personally in 1957, and the information supplied by the Chingpo of the Burman Union and the Chinese People's Republic interrogated by him, made it possible to come to the following conclusions.

a) The social relations of different Chingpo groups were different, from primitive communal (in the stage of decay) among the Chingpo of the high mountain regions to early feudal among the Chingpo of the plains. There was a definite idea in the Chingpo society of the individual or group of men belonging 1) to a definite genus, branches of one of the main five (or eight) tribes; 2) to a definite group by marriage; 3) to a definite group by age; 4) to a definite settlement, neighbouring commune. For most of the Burman Chingpo (Kachin) and to a smaller degree for the Chingpo of China there was besides the idea of belonging to the «aristocracy» (hereditary or personal, which depended on one's position in society and occupation) or to the «simple folk». Comparatively recently slavery existed among the Chingpo (slaves were military prisoners and — mainly — those enslaved for debt).

b) The complexity of the social relations and the duration of the process of class formation in the Chingpo society were to be explained mainly by the extreme backwardness of their economy, the low level of productivity (before Liberation many Chingpo families in China starved systematically, for the harvest, after the taxes were paid, did not last much longer than four months).

c) The proclamation of the independence of the Burman Union changed the position of the Chingpo. Of great importance are the creation of their autonomous region, agrarian stations, industrial construction in the region, the development of health services.

The position of the Chingpo in China has changed radically. The example of the Chingpo of the Chinese People's Republic shows especially clearly the advantages of the development of a small nationality under the conditions of democracy and socialism. After the Liberation the Chingpo have got the possibility to exist peacefully and in welfare. They saw by their neighbours' experience the advantages of cooperation; since 1953 the Chingpo peasants have begun to create their cooperatives, and since the end of 1958 also their people's communes.

The governmental support of the Chingpo during the first years after the Liberation was of great importance, as well as the development of industrial training, the struggle with harmful customs, the re-education of many leaders and clergy through special groups at the Institute of National Minorities in Kunming, the struggle for the growth of literacy. Thus the Chingpo, formerly an exploited national minority, are now an equal free nationality. Due to the help of their elder brother, the Chinese people, they march to socialism together with all the peoples of the country under the leadership of the Communist Party of China.

О. Н. ГЛУХАРЕВА

ВОЗРОЖДЕННОЕ МАСТЕРСТВО

Осуществление китайским народом Большого скачка в строительстве социалистического государства находит яркое отражение в творчестве художников и народных мастеров прикладного искусства, принимающих самое непосредственное участие в героическом труде народных масс.

Тесное единение работников культуры и искусства с трудящимися города и деревни принесло замечательные плоды, и к настоящему времени мастера искусств пришли с большими творческими достижениями.

Следуя по пути, указанному Коммунистической партией Китая, современное искусство ставит своей главной целью служение трудовому народу, всесторонне и правдиво воспевает жизнь этого народа, с революционным энтузиазмом строящего социализм по принципу «больше, быстрее, лучше и экономнее».

В современных произведениях живописи, скульптуры и прикладного искусства Китая все чаще можно встретить образное и яркое раскрытие замечательных событий, происходящих в жизни народа, создание ярких, полноценных образов трудящихся. Для лучшего отображения богатой, многогранной действительности и в поисках новой формы, близкой и понятной народным массам, мастера искусств следуют в своем творчестве по пути претворения и развития великих национальных художественных традиций, сочетая их с глубоким изучением современности во всем ее многообразии.

В Китае производство художественных изделий уже в глубокой древности достигло высокого мастерства и всегда занимало среди различных видов искусства более значительное место по сравнению с другими странами. Древние бронзовые сосуды, художественный фарфор, шелковые ткани, лаки — все это на протяжении веков высоко ценилось не только в Китае, но и в других странах мира.

Превращение Китая в середине XIX в. в полуколонию империалистических держав гибельно отразилось на состоянии искусства. В течение последних ста лет различные отрасли художественного ремесла постепенно пришли в упадок. Подчинение чуждым вкусам иностранных потребителей привело народных мастеров Китая к утрате многих замечательных национальных традиций.

Низкая оплата труда, нищета и бесправие, царившие в частных мастерских художественных изделий в начале XX в., еще более способствовали утрате высокого мастерства и художественного вкуса. Отдельные отрасли прикладного искусства, например производство эмалей, лаков, влаки — жалкое существование, а многие за недостатком сбыта совсем угасали. Опытные мастера часто принуждены были продавать свои изделия за бесценок, а иногда, не имея возможности творчески работать, меняли профессию, чтобы не умереть от голода.

Освобождение страны и образование Китайской Народной Республики спасли замечательное прикладное искусство Китая от гибели. Возроди-

лись огромные творческие силы народа. Коммунистическая партия Китая и Народное правительство уже в первые годы после освобождения страны неуклонно заботились о восстановлении прославленного национального прикладного искусства и художественных промыслов.

С этой целью в Пекине был создан Институт прикладного искусства, руководство которым осуществляется крупнейшими специалистами страны. Опытные мастера, работающие в Институте, передают свой многолетний опыт талантливой молодежи. Многочисленные производственные кооперативы художественных изделий, созданные в настоящее время почти в каждом крупном центре страны, посыпают в Институт своих мастеров для повышения их квалификации и обмена опытом.

Выставки китайского прикладного искусства, которые были организованы в Пекине и в других городах, а также и в нашей стране, наглядно свидетельствуют об успехах, достигнутых мастерами и художниками за годы народной власти.

С замечательным творчеством китайских народных мастеров мне удалось непосредственно познакомиться в целом ряде городов Китая — Пекине, Сучжоу, Шанхае и других — во время поездки по стране в 1957 г.

* * *

Наиболее заметны достижения в производстве керамики — этом древнейшем искусстве китайского народа, имеющем глубокие художественные традиции, развивавшиеся на протяжении пяти тысячелетий. Нельзя забывать, что вплоть до настоящего времени керамические изделия Китая исполнялись вручную, без какой-либо технической модернизации, и лишь огромный профессиональный опыт позволял керамистам создавать фарфоровые изделия большого художественного значения. Только в последнее время на многих предприятиях в ряд процессов внесены отдельные технические усовершенствования.

Творчески используя лучшие традиции, мастера фарфора и простой народной керамики за короткий срок добились значительных успехов.

В Цзиндэчжэне — этом древнем городе фарфора — были основаны Институт керамического искусства и специальная мастерская, главным назначением которых было изучение лучших достижений прошлых веков, а также опыта старых керамистов. Так, были изучены ревниво хранившиеся мастерами секреты драгоценных глазурей, которые ранее применялись только на фарфоре, предназначенному для императорского двора, а теперь широко используются для массовых изделий.

В настоящее время более 150 млн. экземпляров фарфоровых изделий изготавливается ежегодно в мастерских Цзиндэчжэня. Их можно встретить по всему Китаю. Чайные и столовые сервизы, чаши, кувшины, блюда и цветочные горшки, отличающиеся художественным вкусом, широко распространены в быту трудящихся. Сооружен специальный завод художественного фарфора высшего качества, изделия которого заслужили признание в ряде стран.

Особо значительные успехи можно наблюдать в производстве монохромных изделий, эстетическая ценность которых выступает прежде всего в благородной простоте их форм, в тонко гравированном или тисненом рисунке и в чистых, красивых оттенках сверкающих глазурей. Уже в 1953—1954 гг., применяя простые средства, художники-керамисты Мэй Цзянь-ин, Ци Го-жуй и другие создал и прекрасные изделия, в которых эстетические принципы гармонично сочетаются с целесообразностью самой вещи.

Большие достижения можно видеть и в фарфоровых изделиях, украшенных подглазурной росписью кобальтом или надглазурными красками и эмалями. Контрастным соотношением ярких цветовых пятен росписи и

белого фона достигается особая декоративность китайского фарфора. Как и ранее, узор росписи, сохраняя свое композиционное построение, никогда не нарушает формы сосуда. Своеобразный прием китайских художников-керамистов — претворение живых образов природы в чисто декоративном плане (рис. 1).

Интересны работы художника Ван Бу — талантливого экспериментатора, работающего в области подглазурной живописи. Его изображения

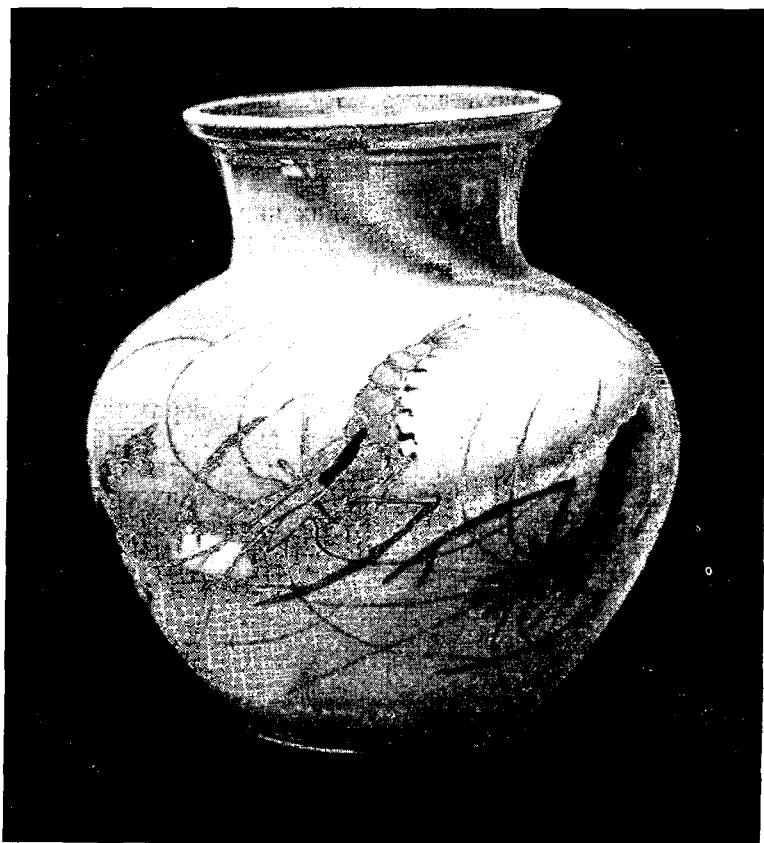

Рис. 1. Ваза для цветов. Фарфор с подглазурной росписью кобальтом.
Работа Мэй Цзянь-ина

цветов и плодов, исполненные серовато-синим кобальтом и лиловато-красной медной краской, отличаются декоративностью композиции.

Стремление керамистов Китая идти в ногу с временем вызывает у них творческие поиски современных сложетов, которые также всегда трактуются в декоративном плане. Веселые современные праздники, картины природы, в которых ярко ощущаются черты нового, образы современных людей, — все это начинает претворяться в росписи фарфора и в мелкой скульптуре. На Выставке искусства социалистических стран в Москве были показаны отличающиеся пластичностью отдельные фигуры и группы из белого неглазурованного фарфора (бисквита). Рядом с литературными героями феодальных романов, которые издавна встречаются в фарфоровой скульптуре, появились образы рабочего, крестьянки и прославленной геройни Лю Ху-лань (рис. 2). Прекрасно также выполнена из бисквита фигура молодого рабочего, спокойно и уверенно стоящего с чертежом в руке.

Среди керамических изделий можно отметить продукцию кооператива Шушань в Исине, где достигли многоного на основе лучших традиций прошлого. Чайные приборы Исины из особой огнеупорной глины отличаются скульптурностью форм. Ветки цветущей сливы — «мэй-хуа», стволы и листья бамбука, вылепленные согласно традициям, органично входят в композицию веци и прекрасно сочетаются с формой сосуда. В Исине изготавливают также керамическую скульптуру для украшения крыш, большие чаны и вазы с красочными рисунками. Следует сказать также-

Рис. 2. Народная героиня Лю Ху-лань.
Фарфор

Рис. 3. Поэт Ду Фу. Керамика.
Работа Лю Чуаня

с мастерских Шивана в провинции Гуандун, где работают народные скульпторы Лю Чуань и Оу Цянь. Первый из них создал серию образов прославленных людей Китая — поэтов Ду Фу (712—770), Ли Бо (701—762), Цой Юаня (340—278 до н. э.), ученого фармаколога XVI в. Ли Ши-чжэня, каллиграфа Ван Син-чжи (321—379) и революционного писателя Лу Синя (1881—1936). Особенно удачно вылеплена им фигура поэта Ду Фу, стоящего с поднятой головой и как бы слагающего строфы стихов (рис. 3). Все эти скульптуры получили широкое распространение по всей стране.

Красотой форм отличаются и современные керамические изделия гор. Жунчан в Сычуани, украшенные подглазурным резным узором из:

тонких линий растительного орнамента, а также вазы мастерских провинции Хэбэй с традиционными черными рисунками на белом фоне (рис. 4).

С каждым годом ширится и развивается производство народной керамики. На сосудах, употребляемых в быту народа, вместе с привычными символами долголетия появились надписи «Добьемся богатого урожая по всей стране!» и другие призывы, свидетельствующие об активном стремлении гончаров приобщить свое творчество к современности.

Рис. 4. Сосуд для воды. Керамика. Провинция Хэбэй

Керамисты все более отходят от старых шаблонов и работают по-новому, творчески создавая разнообразные изделия, радуя своей неиссякаемой фантазией и мастерством.

* * *

Новые творческие достижения можно видеть и в производстве художественных лаков, получивших в настоящее время большое распространение в быту народа. Художественные лаки, как и керамика, являются одним из наиболее своеобразных и значительных видов прикладного искусства Китая.

В последние годы в провинции Хунань археологами были открыты в погребениях знати художественные лаковые изделия V—III вв. до н. э., которые поразили всех как разнообразием форм, так и богатством орнаментальной росписи. Несмотря на длительное пребывание этих вещей в сыром грунте, они хорошо сохранились и дают представление о высокой

Рис. 5. Блюдо «Единение народов Китая». Лак. Чунцин

Рис. 6. Бутыль. Красный резной лак

технике и большом художественном вкусе древних мастеров и художников.

В настоящее время лаковые изделия производятся в ряде провинций Китая, но наибольшей известностью пользуются красные резные лаки Пекина, тонкие легкие лаковые изделия Фучжоу, расписные лаки Чунцина, изделия гор. Янчжоу, инкрустированные перламутром.

Материалом китайских лаковых изделий служит натуральная смола лакового дерева «ци-шу» (*Rhus vernicifera*), получаемая путем надреза коры. После соответствующей обработки и окраски лак накладывается на основу изделий из бумажной массы, металла или дерева.

В Китае лак употребляется не только для мелких вещей, но также при изготовлении мебели, больших шири и экранов и в архитектуре парадных зданий.

Наиболее крупный центр производства художественных лаков — город Фучжоу (провинция Фуцзянь), где на протяжении двух веков создаются золотые и цветные лаковые изделия, пользующиеся мировой славой. Ранее производственные секреты строго сохранялись в семьях, теперь же опытные мастера передают все свои профессиональные знания молодым.

Изготовление лаковых изделий Фучжоу состоит из нескольких процессов и требует большого опыта. Первый способ — «нипэй тотай» состоит в том, что глиняную модель дважды обвивают полосой шелка или специального холста «сябу», пропитанного сырым лаком с мукой, после чего на ткань трижды накладывается лак, и когда изделие подсохнет, его шлифуют черепичным порошком. После высыхания глину удаляют, а изделие снова покрывают слоями лака, смешанного с черепичным порошком, и снова шлифуют, повторяя этот процесс последовательно от трех до пяти раз. Готовое лаковое изделие украшают росписью или инкрустацией серебром.

Второй способ — «мунэй тотай» отличается от первого только тем, что вместо глиняной модели употребляют деревянную болванку из дерева «иань-му» (*Ipula*), обычно состоящую из двух половинок, которые легко удаляются после затвердения слоев лака.

В Фунчжоу, где в течение последних лет гоминдановского режима наблюдался упадок производства, теперь возродилось замечательное мастерство. Созданы производственные кооперативы, где работают более 500 мастеров, и организован общегородской комитет, изучающий специальные вопросы производства лаковых изделий. При народной власти значительно повысился заработок мастеров, улучшились их бытовые условия.

Мастера Фучжоу в настоящее время изготавливают вазы, чайные и винные сервизы, курительные приборы, а также лаковую скульптуру. Еще в XVIII в. в Фучжоу исполняли лаковые статуи божеств, отличавшиеся пластичностью и красотой форм, теперь мастера работают над образами прославленных людей. Большой известностью пользуется в Китае и в нашей стране статуя поэта Цюй Юаня (340—278 до н. э.), исполненная народным скульптором Гао Дин-сином из золотисто-коричневого лака. В величественной фигуре поэта-патриота выразительно передано чувство независимости и глубокого внутреннего благородства. Пластичны и многие другие скульптуры Фучжоу.

Изысканностью украшений славятся чайные сервизы Фучжоу с изображениями цветов, растений и птиц, выполненными инкрустацией из серебряных пластинок. Характерны для них и росписи цветными лаками в духе классических пейзажей.

Не меньшей славой пользуются в настоящее время и лаковые изделия Чунцина (провинция Сычуань), где еще в 1956 г. Всекитайское объединение производственных кооперативов кустарной промышленности организовало экспериментальную мастерскую лаков при Юго-западной академии художеств. Руководитель мастерской проф. Шэнь Фу-вэнь — талантливый художник-новатор, который, умело претворяя многовековые народные тра-

диции, создает художественные лаки, глубоко современные по своим формам и украшениям. Постоянно экспериментируя, он достигает все новых и более совершенных результатов в своем творчестве.

Техника лаков Сычуани также отличается сложностью. Основой изделий здесь служит ткань из конского волоса, которая покрывается порошком из черепицы, смешанным с лаком. После высыхания и шлифовки древесным углем изделие многократно покрывается лаком, после чего вновь сушат и расписывают. В Чунцине применяют также инкрустацию яичной скорлупой и тонкими пластинками золота, что создает особый эффект. Рельефные части рисунка исполняются многократным наложением слоев лака кистью.

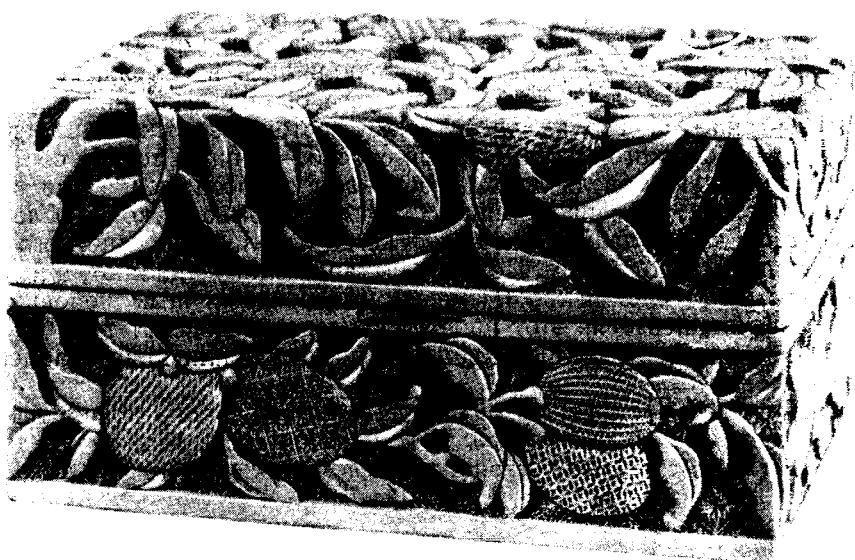

Рис. 7. Коробка. Красный резной лак. Пекин

В Музее восточных культур в Москве хранится замечательное лаковое блюдо «Великое единение народов Китая», выполненное коллективом мастеров Чунцина. На его плоской поверхности изображены представители различных народностей Китая, расположенные на черном фоне вокруг большой пятиконечной звезды. Гармоничное, мягкое соотношение цветовых масс и фона и удачное расположение фигур в светлых праздничных одеждах сообщают цельность всей композиции (рис. 5).

Из многих лаковых изделий Китая красные резные лаки Пекина наиболее известны во всех странах мира. Их производство началось в XIV в., и первые изделия служили украшением императорских дворцов. Великолепные троны, экраны и драгоценная мебель из красного резного лака в XVI—XVIII вв., являясь подлинными произведениями большого искусства, высоко ценились и редко вывозились за пределы страны.

В конце XIX в. производство резных лаков приобрело массовый характер, но качество изделий резко снизилось. В последние годы перед Освобождением в Пекине осталось всего 47 мастеров, которые вели полуголодное существование.

В течение 10 лет со дня образования Китайской Народной Республики

ки, при неустанной помощи Народного правительства, производство знаменитых красных резных лаков вновь достигло большого развития (рис. 6 и 7). Особенностью производства лаковых изделий этого вида является окрашивание лака киноварью интенсивного оттенка, после чего на деревянную или металлическую основу, обтянутую тканью, губкой наносят от тридцати до ста слоев лака, причем после нанесения каждого слоя изделие находится во влажном темном помещении для просушивания в течение суток. После высыхания последнего, верхнего, слоя лака иглой наносится эскиз рисунка и приступают к резьбе. Процесс многоплановой резьбы при массовом производстве выполняется двумя мастерами. Более опытный мастер работает над резьбой главной части композиции, а подсобный мастер (среди подсобных мастеров много молодых женщин) выполняет тонкую резьбу фона в виде мелкой геометрической сетки. В среднем выполнение одной крышки шкатулки с многофигурной композицией, как нам сообщил руководитель мастерской, требует около 16 дней напряженного труда.

Рисунки выполняют специалисты-художники, прикрепленные к косметеративу. В последние годы они используют художественное наследие, удачно применяя для резьбы мотивы росписи пещерных храмов Дуньхуана или классические образцы живописи, изображающей цветы и птиц.

Новые задачи, стоящие перед мастерами лаков, — расширение выпуска изделий и доступность их широким массам населения.

* * *

В течение последних лет большие сдвиги также можно видеть и в развитии резьбы по дереву, тесно связанной с художественными традициями прошлого. Резьба по дереву и деревянная скульптура развивались в Китае уже с древности, о чем свидетельствуют ажурная решетка и фигуры, открытые в могилах V—III вв. до н. э. в Чанша.

В настоящее время, продолжая многовековые традиции, в провинциях Цзянсу, Шаньдун, Фуцзянь, Гуандун работает ряд кооперативов, изготавливающих художественные изделия из ценных пород дерева.

Своими изделиями особенно славится уезд Дунъян в провинции Чжэцзян, где тысячи мастеров работают в кооперативах, созданных после освобождения страны. Работы таких народных скульпторов, как Ма Фэнтан, Ли Шоу-мин, Ду Юнь-сун, получили широкое признание в последние годы благодаря выставкам прикладного искусства.

На пластинах из персикового и камфарного дерева толщиной около 1,5—2 см, применяя технику горельефа или врезного рельефа, скульпторы создают исключительно сложные многоплановые композиции на сюжеты классической литературы и исторических событий.

Дунъянские мастера украшают резьбой сундуки для хранения одежды, крышки столиков, ширмы, шкатулки и настенные панно или «гуанпин», т. е. несколько панно на одну тему, которые вешают рядом на одной стене.

Большой экспрессией и острой динамикой отличается известный горельеф Ли Шоу-мина «Царь обезьян устраивает скандал в небесном дворце», изображающий один из эпизодов известного литературного произведения «Путешествие на Запад».

В Музее восточных культур хранится работа Ма Фэн-тана «Ли Сючэн охраняет Нанкин». Этот многофигурный горельеф, покрытый золотым лаком, воспроизводит один из героических эпизодов Великой крестьянской войны, охватившей Китай в середине XIX в.

Город Вэнчжоу в провинции Чжэцзян славится круглой деревянной скульптурой. Здесь в кооперативе работает прославленный народный мастер Ван Фэн-цзо, скульптурные произведения которого отличаются глу-

биной художественного замысла и прекрасным исполнением. Создано им еще в 1954 г. и находящаяся в Государственном Эрмитаже группа из желтого тополя «Су У пасет овец» свидетельствует об освоении мастерами лучших народных традиций. Патриот древности Су У, который, попав в плен к гуннам, предпочел быть пастухом и не принял почетной должности, изображен стоящим среди овец. Не чувствуя порыва степного ветра, который развеивает его одежду, старик стоит, опираясь на высокий посох, и вглядывается вдаль — туда, где находится его родина. Образ старика патриота, полный величия и внутренней силы, выполнен скульптором реалистически. Поэтично и с теплым юмором исполнена Ван Фэн-цзо в 1958 г. небольшая по размеру группа из желтого тополя «Урожай», изображающая детей, несущих огромный початок кукурузы. Эта работа была показана на Выставке искусства социалистических стран в Москве и привлекала к себе всеобщее внимание.

В Вэньчжоу с 1954 г. работает молодой скульптор Чэн Чэн-сян, создавший ряд талантливо исполненных фигур. Его статуэтки из дерева «Мальчик с раковиной», «Учатся грамоте», «Плечом к плечу вперед», «Сбор чая» — имели большой успех на выставках. Работая над образами современности, молодой мастер непрерывно совершенствует свое искусство.

О хорошем владении материалом свидетельствуют работы двух мастеров гор. Чанчжоу — Чжан Цзянь-сюаня и Чэн Шунь-цзя. Их любопытная по замыслу группа «Ловушка для крабов» привлекает сложностью композиционного решения и реалистическим изображением крабов.

В провинции Аньхуэй в уезде Шэсянь работает замечательный коллектива народных мастеров под руководством Ван Се-линя, создающий скульптурные панно в форме горельефов, обрамленных ажурными рамами.

На Выставке искусства социалистических стран можно было видеть интересную работу Чэн И-мэя — фигуру пограничника с собакой, вырезанную из желтого тополя. Эта работа наглядно свидетельствует о новых замыслах народных скульпторов Китая и о больших сдвигах в их творчестве. Образы современных людей все чаще сменяют в скульптуре изображения божеств и легендарных героев феодального времени.

Резьба по дереву широко применяется и в убранстве интерьеров жилых общественных зданий. Порталы и проемы комнат украшают резьбою в виде ажурных решеток. Оконные переплеты рам, украшенные резным легкими узорами, выделяющимися на стекле, подчеркивают национальную особенность интерьера.

Все это говорит о новом расцвете искусства резьбы и ярко отражает стремление мастеров теснее связать свое творчество с современностью.

* * *

После образования Китайской Народной Республики первые приметы нового в области прикладного искусства проявились в изделиях пекинских мастеров эмалей. Благодаря заботам Коммунистической партии, лучшие специалисты этого вида искусства были объединены в государственных экспериментальных мастерских, художественное руководство которыми осуществляли в те годы архитекторы и художники университета Цинхуа и Академии художеств.

Считается, что искусство перегородчатой эмали появилось в Китае в XIII в. и было завезено арабами из Византии. Восприняв сложную технику, китайские мастера творчески переработали ее и создали совершенно новый по своему художественному характеру, своеобразный вид прикладного искусства, который получил особо большое развитие в XV—XVI вв.

Техника перегородчатой эмали требует от мастеров большого внимания и точности. Она состоит из ряда процессов и почти целиком основана

на ручном труде. На кованую или прессованную медную форму по нанесенному рисунку припаиваются ребром узкие ленточки из латуни, около 3 мм ширины, после чего образовавшиеся ячейки заполняют цветными кашеобразными эмалями и обжигают в течение 8—10 минут в печи. Когда изделие остывает, в ячейки добавляют эмали и снова подвергают обжигу. Этот процесс повторяют несколько раз, после чего изделие шлифуют и золотят металлические части, не покрытые эмалями.

В настоящее время мастера эмалей добились значительных успехов в изготовлении массовых бытовых вещей, которые создаются в кооперативах и пользуются большим спросом. Шкатулки, лампы, пепельницы,

Рис. 8. Ваза с узором из лотосов (по мотивам росписи пещерного храма в Дунъхуане). Перегородчатая эмаль

блюда, вазы и подносы из перегородчатой эмали отличаются декоративностью узоров. Художественное качество изделий растет год от года. Художники широко используют богатое художественное наследие, создавая для эмалей рисунки по мотивам древних стенных росписей или рисунков на тканях, хранящихся в музеях Пекина (рис. 8). Лаконизм узоров, характерный для изделий последних лет, усиливая контрастность цвета, хорошо выявляет отношение рисунка к фону и форме.

Известным мастером Пекина Лю Вэй-хэ создано много прекрасных изделий из перегородчатой эмали, отличающихся изысканностью форм и гармоничным сочетанием тонов. Стремясь отразить свое отношение к современности, художники эмалей часто украшают изделия эмблемами труда и мира.

Помимо изделий из эмали, развиваются и другие виды художественной обработки металла. Ювелиры Пекина, Шанхая и других крупных центров Китая создали в течение последних лет ряд образцов превосходных украшений из золота и серебра. Серебряные кофейные и чайные приборы отличаются красивыми формами европейского стиля, но укра-

шены чеканными и гравированными узорами, национальными по содержанию и манере изображения.

Филиганными работами в течение многих лет славится город Чэнду в провинции Сычуань, где из тончайших серебряных нитей мастера делают броши в форме корзин с цветами или летящих мотыльков, стопки для кистей, вазы для фруктов и даже ширмы, на створках которых изображены павлины с тончайшей разработкой деталей рисунка. В коллекции Музея восточных культур хранится четырехугольный поднос, выполненный мастерами Чэнду. Его сложный узор, включающий цветы, вызывает восхищение тонкостью плетения и благородством формы (рис. 9).

В Пекине и в провинции Аньхуэй возродилось старинное производство так называемых «железных цветов» — одного из интереснейших видов народного искусства, возникшего в XI в. Из тонкого листового железа вырезают силуэтные изображения пейзажа, веток сливы, бамбука или орхидеи и иногда и фигуры животных. Железо подогревают и различными инструментами выковывают формы отдельных деталей рисунка, сообщая и нужный рельеф, после чего изображение прикрепляют к раме или к ткани для вышивания на стене. Старейший мастер этого вида искусства Го У-шань, который при гоминьдановском режиме много лет оставался безработным, в настоящее время вместе со своими учениками создает серию панно и экранов для украшения жилищ.

О новых достижениях в области художественного литья можно судить по украшениям перил Большого Уханьского моста. Исполненные национальных традициях ажурные панно с изображением волшебной птицы фын-хуан, предвестницы счастья, и цветущего дерева мэй-хуа указывают на замечательное использование народных мотивов и в современных индустриальных сооружениях.

* * *

На основе изучения национальных традиций создаются и современные изделия из слоновой кости. Этот древний вид народного творчества получил в последние годы большое развитие. В конце XIX — начале XX в. когда большинство изделий из слоновой кости исполнялось на вызов страны Европы и Америки, мастера-резчики стремились к особой изощренности своих изделий, чтобы поразить иностранных покупателей прежде всего виртуозной техникой резьбы. Но и в тот период изделия отдельных мастеров отличались подлинной художественностью, и в них нашли выражение живые народные традиции.

В настоящее время наиболее крупные производственные кооперативы изделий из слоновой кости существуют в Пекине, Гуанчжоу и Шанхае. Еще в 1952 г. с помощью Министерства культуры в Пекине был образован кооператив костерезов, объединивший отдельных мастеров; в течение восьми лет он значительно окреп, и в настоящее время в нем работают уже полтораста мастеров. Творчество прославленных мастеров пекинского кооператива — Ян Ши-хоя, Чжан Цзюнь-шаня, Ху Фын-шаня — хорошо известно не только в Китае, но и в других странах (рис. 10). Продная красота материала позволяет им воплощать в кости самые сложные художественные замыслы. Замечательный художник-костерез Ян Ши-хой в последние годы создал монументальные произведения «Дворец Ихюань» и «Парк Бэхай в Пекине», вырезанные из огромных бивней слона. В текущем году, готовясь к славной годовщине 10-летия Китайской Народной Республики, скульпторы-костерезы трудятся над воплощение новых замыслов, отражающих идеи современности — борьбу за мир, пропагандирование труда и патриотизма. Огромный бивень, весящий 72,5 кг, письма искусными резцами постепенно превращается в многоплановую панораму площади Тяньаньмэнь, по которой движется праздничная демонстрация трудящихся Пекина.

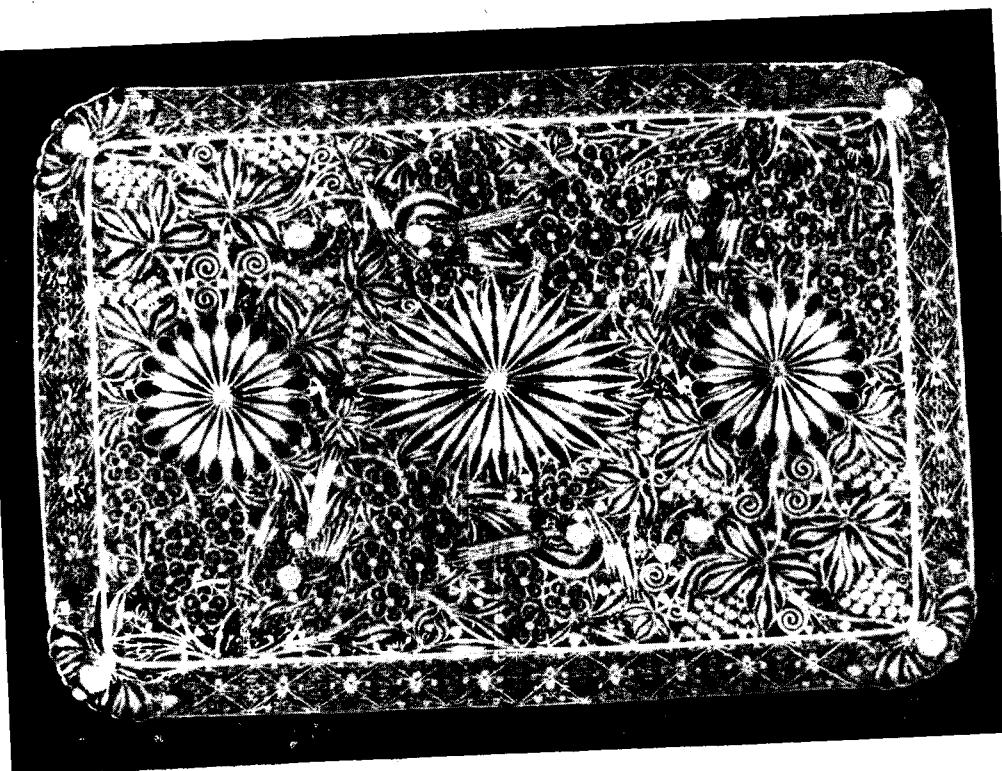

Рис. 9. Поднос. Филигрань. Серебро

Рис. 10. Настольное украшение. Слоновая кость.
Работа Ян Ши-хой

Рис. 11. «Шар в шаре» (25 шаров, вращающихся один в другом). Слоновая кость. Гуанчжоу

Рис. 12. Чехол для диванной подушки. Вышивка гладью по шелку. Пекин

Другим крупным произведением является резной «Корабль-дракон» (Далунчжоу), символизирующий Большой скачок в строительстве социалистического государства.

Идею сплоченности и глубокой дружбы всех народов Китая пекинские мастера воплощают в своей новой работе «Башня сплочения» в виде тринацати ярусного сооружения, окруженного множеством фигур.

Значительных успехов достигли и костерезы Гуанчжоу, где на протяжении двухсот лет сложились собственные художественные традиции. Знаменитые «шары в шаре» из одного куска кости, ажурные кораблики, группы с изображением борьбы зверей — все эти изделия и в настоящее время исполняются мастерами с большим техническим совершенством. На подставке к «шарам в шаре» теперь часто можно видеть фигурки голубей мира (рис. 11). В Гуанчжоу изготавливают также броши и другие украшения из слоновой кости с тонким гравированным узором, которые пользуются большим спросом. Однако новые образы и сюжеты до сих пор еще редко встречаются в творчестве костерезов Гуанчжоу.

Представление о замечательной резьбе мастеров Шанхая дает хранящееся в Музее восточных культур резное изображение большой раковины, через приоткрывшиеся створки которой можно видеть волшебный горный пейзаж с множеством скульптурно выполненных деревьев и архитектурных сооружений (1954).

Всеобщий трудовой подъем в стране и нарастающие темпы социалистического строительства находят все большее отражение в творчестве костерезов Народного Китая. Стремление сделать жизнь трудящихся богаче и красивее заставляет их все больше создавать такие изделия, которые в первую очередь отвечают эстетическим запросам народа и в которых живут лучшие национальные особенности этого вида искусства.

* * *

Творческий подъем заметно ощущается и в работах мастеров резных изделий из различных горных пород камня. Этот вид прикладного искусства, также имеющий тысячелетние традиции, по праву пользуется мировой славой. Открытия археологов Китая позволяют говорить о высоком художественном качестве древних резных изделий и понимании их создателями особенностей материала.

В последние годы правления гоминьдановцев производство резных изделий из камня неуклонно падало. Мастера, даже такие опытные, как Лю Те-ин, который славился своей резьбой из коралла, должны были за бесценок, а иногда и теряя убытки продавать изделия перекупщикам. Препятствием для развития искусства резьбы служило и то обстоятельство, что из-за высоких цен на сырье мастера часто не могли приобретать, нужные им материалы и должны были ограничивать себя резьбой мелких изделий. После освобождения страны, благодаря помощи народной власти, положение мастеров резко изменилось. В 1954 г. в Пекине был образован кооператив, в члены которого вступили 65 опытных мастеров. В настоящее время для кооперативных мастерских построен большой многоэтажный дом, где работают свыше двухсот камнерезов, значительную часть которых составляет молодежь.

В Пекине из камня режут всевозможные фигуры, вазы, изображения животных и птиц, а также различные украшения. Нефрит для обработки доставляется из провинций Ганьсу и Цинхай. Обрабатывают также агат, лазурит и другие породы камня, которые закупают, по словам руководителя мастерской, в Ляонине и в провинциях Шаньси и Шаньдун. Из провинции Хубэй поступает в кооператив бирюза. Отдельные породы камня, например розовый кварц, приобретаются в Бирме и в Аргентине, а также в Японии. Белый нефрит и коралл являются наиболее ценными материалами.

Современное производство резных изделий из камня состоит в основном из четырех процессов, требующих большой затраты труда. Первоначально производится распиливание каменных глыб на отдельные части, после чего мастера и художники составляют эскизы композиции, учитывая природные особенности куска камня, пятна и прожилки в нем. Далее в камне, согласно намеченной композиции, просверливаются отверстия, и на ножном станке производится дальнейшая обработка, после окончания которой изделие шлифуется кожей и тыквой-горлянкой.

Творчество пекинских мастеров неразрывно связано с традициями, сложившимися в XVIII в. Курильницы, вазы, мифологические персонажи вроде «Бодисатты, заковывающего цепью дракона», фигуры фантастических птиц — все это еще часто встречается в мастерских кооператива. Своей изысканностью славятся работы мастеров Хэ Жуна и Пань Бинхэна.

Старые формы продолжают сохраняться и в творчестве мастеров Шанхая. В классической строгой манере исполнен шанхайским народным скульптором Лю Цзун-дэ небольшой каменный барельеф с изображением героини феодального Китая — девушки-полководца Хуа Му-лань, сидящей в доспехах на коне. С большим вкусом и пониманием материала исполняют в кооперативе Шанхая также настольные украшения в виде ажурных пластин с цветочным узором и небольшие сосуды «шуй-юй» для воды, которой разбавляют тушь, служащие украшением рабочего стола писателя, художника и ученого. Изделия Шанхая отличаются строгой законченностью формы и высоким качеством обработки камня.

В деревнях провинций Фуцзянь и Чжэцзян широко распространена народная скульптура из сравнительно мягкого камня — агальматолита (жировика), что является подсобным промыслом крестьян в зимнее время, свободное от работ в поле. Эти изделия как по художественному замыслу, так и по самому характеру резьбы отличаются от работ пекинских и шанхайских мастеров. В народной скульптуре ярко выступают поиск нового образного содержания, близкого к современной действительности. Так, еще в 1953 г. народный скульптор Пань Юй-чэнь, работающий в провинции Чжэцзян, создал насыщенную романтической приподнятостью драматичную группу «Поход Тайпинской армии». В том же году, как отклика на события в Корее, он вырезал небольшую скульптурную группу «Непокоренная мать», изобразив с большой экспрессией мужественную корейскую женщину, призывающую своего сына к борьбе с врагом. Наиболее интересной по замыслу является его работа «Твердой поступью вперед!», где в образах рабочего, крестьянки и солдата символично показана сплоченность китайского народа. В отдельных работах мастеров провинции Фуцзянь поэтически раскрываются образы родной природы. Изделия народных мастеров этих провинций, благодаря своей массовости, служат украшению быта трудящихся.

* * *

Производство художественных шелковых тканей и вышивок всегда занимало значительное место в культуре Китая.

На существование в Китае художественного ткачества уже во II тысячелетии до н. э. указывают найденные археологами в царских погребениях периода Шан отпечатки на бронзе тканей из конопли и шелка с геометрическими узорами, а также недавно открытые фрагменты тканей в могилах города Чанша и в Советском Союзе на Алтае, относящихся к V—III вв. до н. э. Шелковые ткани, как известно, уже в древности играли значительную роль во внешней торговле Китая, и в течение веков процесс производства шелка ревниво охранялся от других народов.

В течение последних лет, благодаря вниманию правительства, в про-

винциях Сычуань, Цзянсу, Чжэцзян вновь в широких размерах наладилось производство шелковых тканей и парчи. Узоры современных китайских тканей создаются до сих пор на основе лучших традиций народного искусства. Изобразительные элементы рисунка всегда хорошо и свободно, не скованные какой-либо орнаментальной схемой, сочетаются с общим построением композиции, а колористическое решение узора и фона ткани обычно отличается уравновешенностью.

Не только в Китае, но и в других странах славятся шелковые ткани «гусян», которые выделяются на ручных станках в провинции Чжэцзян. В узорах этих тканей встречаются китайские архитектурные пейзажи, иероглифы, различные эмблемы и символы счастливых благопожеланий, а также изображения «восьми драгоценностей». Нанкинские ткани с так называемым «облачным узором», состоящим из крупных цветов и облаков, в настоящее время вновь достигли высокого качества. В Ханчжоу, который является центром шелковой промышленности Китайской Народной Республики, производят плотные шелковые ткани с геометрическим орнаментом, употребляющиеся для обтяжки сидений новых китайских автомашин «Дунфэн» и «Хунци». Особенно больших успехов в производстве этого шелка добились мастера фабрики Шэнли (Победа).

Возрождение лучших традиций в области художественного ткачества можно видеть в настоящее время и в Сучжоу, где возобновилось производство замечательных шелковых панно и других изделий типа «кэсы». Уже в 1955 г. в Сучжоу при Образцовом художественном кооперативе была организована специальная мастерская, в которой были объединены более ста ткачей-одиночек. Производство тканей «кэсы» требует большого опыта и высокого мастерства. Применяя сложную технику паласного переплетения, когда каждая деталь рисунка выполняется отдельным челноком, даже опытный мастер выполняет ежедневно не более 1—2 см² ткани, так как в отдельных высококачественных изделиях «кэсы» на 100 см² проходят 180 нитей основы и 360 нитей утка. Ткачи мастерской в Сучжоу, работающие на простых деревянных станках, создают красочные панно, чехлы для диванных подушек и другие изделия, отличающиеся как тонкостью исполнения, так и сложностью рисунка.

Для основы ткани служит белый шелк-сырец, а рисунок, намеченный кистью на нитях основы, исполняется при помощи узких бамбуковых челночков с цветными нитями, количество которых иногда доходит до десяти тысяч.

Одним из замечательных ткачей «кэсы» является 76-летний мастер Шэнь Цзинь-шуй, создававший еще парадные тканые одежды императоров и, по его словам, мечтавший в то время работать над тканями «кэсы», которые украшали бы жизнь простого народа. В последние годы перед освобождением страны Шэнь Цзинь-шуй не мог нигде применить свой большой опыт, так как ткани «кэсы» не производились. В 1956 г. старый мастер создал панно «Пионы», находящееся в настоящее время в Музее восточных культур. Это самое замечательно-е его произведение, выполненное в течение последних лет. На золотом мерцающем фоне он выткал изображение куста пиона с пышными розовыми и красными цветами и голубовато-зеленой листвой. Пион как бы насыщен солнечным светом и силой весеннего цветения. Свой большой опыт Шэнь Цзинь-шуй передает молодым мастерам «кэсы», работающим в мастерской Сучжоу.

Искусство вышивки, как и ткачества, возникло в Китае в древности, о чем свидетельствуют упомянутые выше находки в курганах Алтая.

Еще в XVII—XVIII вв. китайские вышивки начали усиленно вывозить в страны Западной Европы, где они высоко ценились за декоративность, высокое мастерство и вызывали бесчисленные подражания.

В XIX в. экспорт китайских вышивок еще более увеличился и в 1933 г. достиг около 6 млн. изделий в год. Используя за гроши труд женщин и детей, хозяева мастерских и перекупщики подвергали их жестокой эксплу-

атации, заставляя работать с раннего утра до позднего вечера над изготавлением разнообразных вышивок для вывоза за границу. Нельзя не отметить, что большинство изделий начала XX в., при сохранении высоком мастерства, все же лишены подлинной художественной значимости. Яркие анилиновые красители, применяющиеся для окраски шелковых нитей, крачущие сочетания тонов, трафаретные рисунки — все это снижало качество вышитых изделий.

С освобождением страны созданы все условия для развития художественной вышивки. В первые же годы после образования Китайской Народной Республики в районы, славящиеся этим видом народного искусства, были посланы художники для творческих консультаций, а также выделены средства для помощи мастерам в приобретении материалов. Художественные традиции народной вышивки начали вновь возрождаться в работах современных мастеров Пекина, Хунани, Цзянсу, Сычуани. В провинции Хунань, где ранее создавались вышивки, отвечающие вкусу иностранных потребителей, теперь широко используются народные мотивы. В Чанша и других центрах Хунани вышивают покрывала, скатерти, наволочки и другие бытовые изделия с изображениями цветов, птиц, бабочек. Композиции хунаньских вышивок характерны свободным расположением рисунка и тонким колоритом.

Вышивальщицы Пекина в своих изделиях претворяют традиции классической живописи, создавая для бытовых изделий композиции с изображением цветущих ветвей и птиц (рис. 12).

Производство вышивок в г. Сучжоу насчитывает более тысячи лет существования и пользуется особой славой. В течение веков в Сучжоу лучшие мастера вышивали одежду императоров и сановной знати, а также дворцовые завесы и ширмы. В 1955 г. в этом «городе шелка» и его окрестностях были созданы производственные кооперативы вышивок, которые объединили пятьдесят тысяч мастеров. В настоящее время мастерами Сучжоу изучается и творчески используется богатое художественное наследие. В целях повышения художественного качества вышивок в Сучжоу был основан Образцовый художественный кооператив, в котором работают сто лучших квалифицированных вышивальщиц, передающих молодежи свой большой опыт.

Во время посещения Образцового кооператива вышивальщиц мы познакомились с его руководительницей — молодой, энергичной Жэнь Хэйсян, которая провела нас по всем мастерским и дала возможность увидеть различные вышивки в процессе их изготовления. В мастерских кооператива лучшие мастерицы вышивают декоративные панно по рисункам известных художников, таких, как Юй Фэй-ань и другие, применяя около сорока различных швов; вышивают также покрывала и более мелкие бытовые предметы — чехлы для подушек и др.

Сучжоуские вышивки отличаются богатством тонов, спокойным общим колоритом и уравновешенной композицией. Они тесно связаны с живописью и носят название «сю хуа» — живопись иглой. В Музее восточных культур хранится панно «Весенние ласточки и персики», вышитое по рисунку ткани «кэсы» XII в. Известная мастерица Чжу Фэн, подражая структуре ткани, применила шов «дадянь» из едва различимых точек. Работа над этим панно потребовала 75 дней напряженного труда. Около ста дней выполняла Чжоу Шань-нань панно «Хризантемы», применяя особый шов «дацзы» (метание икры), состоящий из рядов тонких стежков и узелков. В Сучжоу применяется также двусторонний шов из расщепленной на десять частей шелковой нити, а также вышивки с тончайшей градацией тонов, последовательно переходящих от более темных к светлым. Каждый из употребляющихся в мастерской тонов имеет около десятка оттенков, так что подбор их также требует от мастеров большого вкуса и знаний. В последние годы вышивальщицы Сучжоу добились замечательных успехов. Праздничные одежды, обувь, наволочки, скатерти, коврики, выполненные

ные искусными руками мастеров Сучжоу, часто можно видеть в жилищах трудящихся.

Большим распространением в настоящее время пользуются в Китае и набойки из домотканной хлопчатобумажной ткани с традиционными народными мотивами синего цвета. Эти ткани производятся в ряде провинций и приобрели большой спрос у населения. Из них делают одежду, фартуки, покрывала и другие бытовые изделия. Для рисунков обычно употребляется синяя растительная краска, но иногда используют и красители других цветов. Производство этих тканей является подсобным про- мыслом крестьянок, занимающихся им в свободное время.

Узоры тканей исполняются при помощи трафарета, вырезанного из бумаги. Согласно композиции рисунка, те места, которые должны оставаться неокрашенными, закрываются клейкой массой из извести и бобовой муки, после чего ткань погружают в краску, а после высыхания клейкую массу снимают. В узорах живут традиционные народные символы различных благопожеланий — счастья, успеха в делах, долголетия и другие. Синие цветы лионов, бабочки, рыбки, резвящиеся среди водорослей, летучие мыши, лотосы выполнены обобщенно и просто, свидетельствуя о богатстве творческой фантазии китайского народа.

* * *

Творческое содружество народных мастеров и художников Китайской Народной Республики, возникшее после освобождения страны, принесло обильные плоды. В течение десяти лет великолепное прикладное искусство Китая, благодаря неустанным заботам Народного правительства, возродилось с новой силой. Лучшие национальные традиции прикладного искусства, творчески воспринятые современными мастерами, достигли нового звучания, при котором красота изделий сочетается с их целесообразностью. Современное прикладное искусство Китая неуклонно стремится к созданию художественных изделий, доступных для широкого потребления, и в этом можно видеть самое большое и значительное достижение его замечательных мастеров и художников.

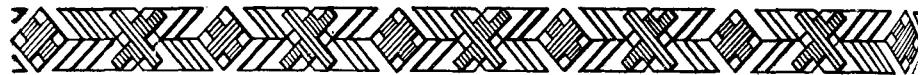
S U M M A R Y

Modern applied art of the Chinese People's Republic has achieved tremendous success during the ten years of the existence of the People's Power. In their tendency to create works of art for the toiling masses, the popular craftsmen and artists of China develop in their creative work the best national traditions. In the 19th and at the beginning of the 20th century almost all decorative arts of China were in a state of decline. Only the liberation of the country and the formation of the Chinese People's Republic saved them from complete decay and destruction.

The saw by their neighbours' experience the advantages of cooperation; since 1953 tance to the craftsmen and artists and take measures directed towards the revival of all the aspects of decorative art.

At the present time a great upsurge in the production of decorative pottery, lacquer articles, wooden, stone and ivory carving, as well as decorative weaving and embroidery is to be found in all the regions of the country.

One the main achievements of the decorative art craftsmen is their tendency to create works which are within the reach of the widest working masses.

С О О Б Щ Е Н И Я

ДАНУТА ДОБРОВОЛЬСКА, ВЛАДИСЛАВ КВАСЬНЕВИЧ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ПОЛЬСКОГО НАРОДА КРАКОВСКИМИ УЧЕНЫМИ

Настоящая статья содержит обзор исследований современной культуры польского народа, проведенных в Кракове — одном из этнографических центров Польши. Кроме университетских кафедр этнографии, здесь ведут работу Этнографическое отделение Института истории материальной культуры Польской академии наук (ИИМК ПАН) и Секция исследования народного изобразительного искусства Государственного института искусств. В Кракове находится также Этнографический музей имени Северина Удзели. Каждое из этих научных учреждений имеет свой профиль научно-исследовательской деятельности, охватывающей разные процессы развития народной культуры в прошлом и в настоящее время.

КАФЕДРА ЭТНОГРАФИИ СЛАВЯН ЯГЕЛЛОНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Работа кафедры этнографии славян¹ идет по двум направлениям. Первое связано с исследованием проблемы происхождения славян и их культуры, второе характеризуется стремлением проследить изменения в народной культуре Польши на протяжении последних ста лет и выявить факторы, влияющие на ее развитие. Такие исследования охватывают современность, которая служит исходным пунктом при ретроспективном рассмотрении.

Каждое исследование, которое проводят сотрудники кафедры, включает: тщательное изучение полевых материалов, их дополнение сведениями, полученными из других источников, и, наконец, реконструкцию общей картины особенностей определенного раздела культуры в заранее намеченном районе Польши или же во всей стране. Примером может служить исследование календарных обрядов в Польше, проведенное доцентом доктором Я. Климашевской². Целью этого исследования является выяснение следующих вопросов.

1. Какие из обрядов обнаруживают сейчас тенденцию к развитию, а какие исчезают или уже исчезли? Какие из этих обрядов древние и какие относительно новые?

2. Какие изменения произошли в календарных обрядах в течение последних восьмидесяти лет, каковы причины этих изменений? Какие обряды преобразуются сравнительно быстро, а какие существуют в неизмененном виде?

3. Отражается ли в календарных обрядах классовая дифференциация населения деревни?

4. Существует ли связь между занятиями населения и обрядностью? Сохранила ли современная календарная обрядность земледельческого населения больше аграрных элементов по сравнению с обрядностью ремесленников или рабочих?

¹ См. J. Klimaszewska, Sprawozdanie z działalności seminarium Etnografii Etnografii Słowian Uniwersytetu Jagiellońskiego (U. J.) w Krakowie od 1925 do 1935 i od 1945 do 1947, «Lud», t. XXXVII, Kraków — Lublin, 1947, стр. 443—448; M. Matuszewska, Katedra Etnografii Słowian U. J., «Kwartalnik Historii Kultury Materiałnej», t. I, Warszawa, 1953, № 1—2, стр. 266—268.

² Работа готовится к печати.

5. Какую роль играют обряды в современной деревне и какую играли в прошлом? Исчезают ли обряды, которые не выполняют уже своего первоначального назначения, или они пережиточно сохраняются в силу традиции? ³

Подобным же образом были задуманы и проведены исследования по технике пахоты, по крестьянским плугам, по использованию животных как тягловой силы в крестьянском хозяйстве, по жилищу, одежде, пище, лесному промыслу, крестьянским ремеслам и т. п. Студенты кафедры, например, в некоторых центрах лесного промысла собрали среди населения материалы, не известные ранее в научной технологии дерева и имеющие практическое значение для ее развития ⁴. Из ремесел были исследованы прежде всего кузнечное дело и ткачество ⁵. Выяснино, что упадок старинного кузнечного ремесла в современной польской деревне связан с коренными преобразованиями в технике земледелия, которая с каждым годом становится все более сложной и механизированной. Важный фактор, обуславливающий исчезновение некоторых традиционных деревенских ремесел,— изменение общественного мнения о профессии ремесленника. Эта профессия считается сейчас менее ценной и выгодной, чем другие. Поэтому молодежь не стремится обучаться ремеслу, им занимаются чаще всего пожилые люди.

Кафедра этнографии славян проводит также комплексные исследования по определенным проблемам в пределах одной деревни. Так, Научное общество студентов-этнографов изучает в одной из деревень под Краковом все разделы культуры в связи с социальной структурой населения, экономическим положением различных его слоев, общественно-политической жизнью.

В 1959 г. сотрудники кафедры понесли тяжелую утрату: скончался их руководитель — известный польский ученый К. Мошиньский.

КАФЕДРА ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И СОЦИОЛОГИИ ЯГЕЛЛОНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Уже в первые послевоенные годы в работе кафедры общей этнографии и социологии, которой руководит проф. К. Добровольский, большое место занимали исследования современной общественной и культурной жизни страны ⁶. Они охватывали следующие основные темы: развитие крестьянской культуры в южной Польше, формирование рабочего класса и его культуры, развитие переселенческого движения на западные и северные земли, формирование новой, социалистической интеллигенции из среды рабочей и крестьянской молодежи, формирование новой, социалистической культуры трудящихся масс. Изучение современности при разработке первых двух тем явилось как бы дополнением к исследованию культуры рабочих и крестьян в прошлом. Основным предметом остальных исследований были социальные и культурные преобразования в Народной Польше. При этом особое внимание было обращено на общественно-экономическую основу преобразований культуры трудящихся масс и на процессы борьбы старых элементов культуры с новыми, возникшими с изменением политического строя Польши.

Сбор полевых материалов проводился обычно коллективно сотрудниками кафедры, этнографами-выпускниками и студентами старших курсов. Кроме полевых материалов, использованы данные литературных, архивных и других источников.

В 1954 г. часть исследовательских тем кафедры была включена в научный план ИИМК ПАН.

Исследования культуры современной деревни

Следует назвать прежде всего начатое в 1948 г. исследование развития сельскохозяйственных орудий в малопольской деревне XIX—XX вв. и значение этого для ее хозяйственных, социальных и культурных преобразований ⁷. В течение нескольких лет по вопроснику, подготовленному проф. К. Добровольским, был собран обширный материал, который использован для подготовки 14 монографий, посвященных развитию сельскохозяйственных орудий в отдельных деревнях.

В результате проведенного исследования выявлено, что распространение усовершенствованных сельскохозяйственных орудий не только значительно повысило про-

³ J. Klimaszewska. Siolkowickie obrzędy doroczne, «Etnografia Polska», т. I, Wrocław, 1958, стр. 226—227.

⁴ Отчет об этих исследованиях, подготовленный магистром Бялым, будет напечатан в «Etnografia Polska», т. II.

⁵ A. Zambrzyska, Z badań nad rzemiosłem na Podhalu, «Etnografia Polska», т. I, стр. 257—268.

⁶ Более подробные сведения о деятельности кафедры см.: W. Kwaśniewicz, Dziesięć lat działalności Zakładu Etnografii Ogólnej U. J. w Polsce Ludowej (1945—1955), «Kwartalnik Historii Kultury Materiałnej», т. IV, № 2, Warszawa, 1956, стр. 369—381.

⁷ W. Kwaśniewicz, Badania nad rozwojem narzędzi rolniczych we wsi małopolskiej w XIX i XX w. i ich rolą w przeobrażeniach gospodarczych, społecznych i kulturowych, «Etnografia Polska», т. I, стр. 278—287.

изводительность крестьянского труда и урожайность полей, но и вызвало большие изменения в общественной жизни крестьян (упадок традиционной власти и авторитета стариков, эманципация молодежи и женщин и т. п.) и в их мышлении (влияние: вейшей агротехники и агрономии на развитие эмпирико-рационального мышления).

Особое внимание уделено изучению крестьянской усадьбы и интерьера крестьянского дома в XIX и XX вв.⁸, изучению влияния классовой дифференции сельского населения на развитие жилища в прошлом и тех изменений, которые происходят в нем сейчас. Эти исследования имеют определенное практическое значение, так как приводят к выводу о необходимости значительно большего, чем до сих пор делалось, приспособления типовых проектов крестьянских домов и производства мебели к потребностям сельского населения.

В 1954 г., после длительного перерыва, были возобновлены исследования крестьянской семьи как основной ячейки общественной жизни деревни. Исследуют также взгляды крестьянского населения на сущность и задачи семьи (особенно в здравствии и воспитании подрастающего поколения), на отношение к земле, к тручуленов семьям вне сельского хозяйства и т. п. В настоящее время подготовлены две монографии о крестьянской семье⁹.

Исследования процесса формирования рабочего класса и его культуры

Эти исследования были начаты в 1946 г.¹⁰. Вначале главное внимание уделялось изучению переселенческого движения из деревень в города и промышленные центры, образования рабочих поселков, социальных преобразований в тех селениях, где жили одновременно крестьяне и рабочие. В этих селениях предметом исследования были либо вся общественная жизнь, либо только специальные вопросы, как, например, семейная жизнь, общественные отношения в процессе труда и т. п.; со временем этнографы стали изучать также материальную и духовную культуру всего населения, процесс смещения традиций, характерных для крестьян в прошлом, с элементами культуры, возникшими в новых условиях, специфические черты культуры рабочего класса, отличающие ее от крестьянской культуры и от культуры мелкобуржуазной и другие проблемы.

В 1950—1952 гг. было организовано пять десятидневных поездок в окрестности Кракова. Кроме того, туда неоднократно совершались однодневные выезды. В результате получен большой материал о социально-экономической структуре подкраковских деревень, о разных категориях мигрирующего населения, о влиянии миграции на преобразования в экономике, культуре и общественных отношениях сельского населения¹¹.

Магистр М. Жиховский (ныне доцент) проводил в 1949—1950 гг. работу среди краковских металлургов для выяснения степени удаленности жилищ рабочих от предприятий, где они работают, и видов транспорта, какими они пользуются. Основным методом со сбора материалов было распространение анкеты¹². М. Жиховский утверждает, что современное расселение рабочих в пределах Кракова, его пригородов и близлежащих деревень — результат стихийного, анархичного возникновения рабочих поселков в период капитализма. Большая часть рабочих занята на предприятиях, расположенных вдалеке от их местожительства, тогда как на фабриках, находящихся поблизости от их жилища, используются рабочие из других, обычно отдаленных районов. На основе полевых исследований М. Жиховский показывает, что ежедневные дальние поездки на работу и обратно отрицательно влияют не только на производительность труда, но и на здоровье рабочих.

⁸ L. Dubiel, Rozwój wnętrza domu chłopskiego w Beskidzie Śląskim, «Prace Materiały Etnograficzne», t. X, вып. 2, Wrocław — Kraków, 1957, стр. 7—72. Более подробный отчет об исследовании интерьера крестьянского дома подготовил магистр В. Квасьневич; он будет напечатан в «Etnografia Polska», т. II.

⁹ Работа магистра Д. Мицк-Марковской, посвященная крестьянской семье в деревне Модлица под Краковом (1880—1958), и работа магистра К. Холевянки о крестьянских семьях в деревне Пекельник на Ораве.

¹⁰ Большая часть этих исследований в 1954 г. была включена в план работы только что организованного Краковского этнографического отделения ИИМК ПАН. Однако, учитывая необходимость дать единую картину этих исследований, мы рассматриваем их здесь все целиком. Об этих исследованиях см. также: D. Dobrowolska, Studium żywota a kultury robotniczej trasy w Polskiej vede, «Slovenský Národopis Bratislava», № 3—4, стр. 377—397.

¹¹ См.: D. Dobrowolska, Wies i miasto. Migracje ludności wiejskiej do Krakowa w latach 1880—1939 i społeczne ich funkcje, «Prace i materiały etnograficzne», т. вып. 2, Wrocław — Kraków, 1957, стр. 207—239; ее же, Kształtowanie się kultury robotniczej w ośrodku kracowskim przez dopływ ludności wiejskiej w latach 1880—1939, «Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności», т. LIII, № 6, 1952, стр. 430—431.

¹² M. Zychowski, Studia nad rozmieszczeniem robotników przemysłu metalowego miasta Krakowa (подготовлено к печати).

тельность труда рабочих, но и на их семейную жизнь и культурное развитие. Для ликвидации такого положения он предлагает провести ряд практических мероприятий (постепенная децентрализация промышленных центров, развертывание широкого строительства коммуникационной сети и т. п.).

Подготовлен и подготавливается ряд монографий по отдельным рабочим поселкам и предприятиям. В 1949 г. была закончена работа доктора Д. Добровольской о социальных преобразованиях, которые произошли в XX в. в деревне Хелм, расположенной в нескольких километрах к западу от Кракова и включенной в 1941 г. в его пределы. Автор осветил историю деревни с 1900 до 1948 г.: перед первой мировой войной, в период между мировыми войнами и в первые годы существования Народной Польши. Для послевоенного периода автор отмечает быстрый рост численности рабочих, а в связи с этим — превращение старой деревни со смешанным сельским и рабочим населением в типичный рабочий поселок. Д. Добровольская анализирует изменения, произошедшие в семейной жизни, в соседских и товарищеских отношениях жителей деревни, подчеркивает постепенный распад старинных сельских связей и поглощение деревни городом. В настоящее время эта работа подготовлена к печати.

Тем же автором подготавливается монография о культуре и быте горняков соляных копей Велички в 1880—1939 гг., содержащая исторические сведения, без которых трудно было бы понять современность. Для подготовки монографии использованы не только богатые архивные материалы, но и материалы коллективных полевых исследований, которые проводились систематически в течение нескольких лет. В монографии говорится о развитии в 1880—1939 гг. Величских копей как промышленного предприятия, о приливе рабочей силы на соляные копи, об участии рабочих в производственном процессе и формировании их общественных отношений, характеризуются экономические условия жизни рабочих, их общественная жизнь, материальная культура, некоторые стороны духовной культуры, развитие рабочего движения¹³.

Магистром Э. Петрашком начаты исследования культуры и быта горняков угольной промышленности в Серпце и ее окрестностях (в западной части Краковского воеводства), охватывающие период от начала XIX в. до настоящего времени. Эти исследования составляют часть плановых работ Краковского этнографического отделения ИИМК ПАН.

В научный план кафедры этнографии и социологии включено исследование другого центра угольной промышленности — Либяжа и окрестных деревень (западная часть Краковского воеводства) в XX в., включающее и современность. Работу начал Антонин Стояк. Проведено еще несколько исследований в других промышленных областях. Большой интерес представляет, например, монография Э. Венорка о горняцкой семье в Верхней Силезии¹⁴. В монографии дается описание экономических условий жизни, материальной культуры, общественных отношений верхнесилезских горняцких семей как в прошлом, так и главным образом во время проведения исследований. Автор подчеркивает специфические черты семейной жизни верхнесилезских горняков, отличающие их от рабочих других промышленных центров Польши.

Некоторые исследования имели практическое значение. Так, по договоренности с профсоюзовыми организациями этнографы исследовали семейные отношения рабочих, их связь с деревней, возникновение и рост социалистического отношения рабочих к труду.

Отряд из 12 студентов кафедры изучал вопросы борьбы с неграмотностью среди рабочих металлургического комбината Новая Гута и тем оказал практическую помощь просветительным учреждениям.

Развитие переселенческого движения на западные и северные земли

Исследовательские работы по этой проблеме проводились в 1945—1948 гг. в областях, которые были возвращены Польше по Потсдамскому соглашению и куда направилась мощная волна крестьян и городских жителей из перенаселенных районов центральной и южной Польши.

Сотрудники и студенты кафедры собирали материал по вопроснику, подготовленному проф. К. Добровольским. Было выяснено, к каким социальным группам относятся переселенцы и какие причины обусловили их передвижение на западные и северные земли. Изучались способы переселения, его организация, приспособление переселенцев к новым условиям жизни, процесс сглаживания культурных различий между разными группами их, возникновение и укрепление связей между ними. Много внимания уделялось изучению традиционной культуры коренного населения западных и северных земель (Опольская Силезия, Любушская земля, Вармия и Мазуры).

¹³ D. Dobrowolska, Górnicy salinarni w Wieliczce w latach 1890—1939, «Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności», т. LIII, № 7—10, 1952, стр. 482—483; ее же, Górnicy salinarni w Wieliczce i ich kultura w latach 1880—1939, «Etnografia Polska», т. I, стр. 288—314.

¹⁴ См.: E. Wiczorek, Studia nad rodziną górniczą na Górnym Śląsku, «Sprawozdanie Polskiej Akademii Umiejętności», 1946, № 4, стр. 145—146.

Проведенные исследования нашли отражение в работах проф. К. Добровольского¹⁵, доцента доктора Кутшебы-Пойнаровой¹⁶, магистра К. Крензла¹⁷.

Появление новой, социалистической интеллигенции

Эта проблема является также одной из актуальных проблем современности, разрабатываемых сотрудниками кафедры общей этнографии и социологии; в частности изучался вопрос о получении образования рабочей и крестьянской молодежью. Для этого было собрано около 50 дневников юношей и девушек, получены анкетные сведения. Эти материалы позволили осветить отношение пожилых людей и молодежи к знаниям и образованию, конфликты, происходящие из-за этого между родителями и детьми, преодоление материальных затруднений, пути самообразования и т. п.

Возникновение и развитие новой, социалистической культуры трудящихся

В 1949—1950 гг. были организованы коллективные полевые исследования по новой теме: как проводят рабочие свой отпуск. Эти исследования имеют как теоретическое, так и практическое значение.

С целью дальнейшего улучшения отдыха трудящихся этнографы сообщили о своих наблюдениях учреждениям, занимающимся его организацией. Исследования проведены в двух курортных центрах, расположенных у подножия Татр: в Закопане и Буковине Татранской. В работе приняли участие 20 человек (ассистентов и студентов кафедры) под руководством доцента доктора А. Валигурского и магистра С. Бронича. Члены экспедиции были размещены как обычные отдыхающие в отдельных домах отдыха, где они имели возможность вести непосредственные наблюдения, беседовать с людьми и заполнять анкеты. Собранные материалы в 1950 г. были уже частично обработаны в виде нескольких монографий, которые посланы дирекции Фонда отдыха трудящихся. В 1953 г. была опубликована одна из этих работ, посвященная вопросу о рабочих отпусках в капиталистической Польше и традиционных формах их проведения¹⁸.

Подготовлена к печати коллективная монография под редакцией доктора Д. Добровольской. В ней говорится о разных способах проведения рабочими своего отпуска и свободного времени в период между мировыми войнами и теперь. Особо подчеркивается общественное значение домов отдыха, их влияние на рост социалистического сознания рабочих, на появление и укрепление связей между ними и интеллигенцией. Все это тесно связано с общим процессом развития новой социалистической культуры¹⁹.

КРАКОВСКОЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИИМК ПАН

Это отделение существует с 1954 г.; руководит им проф. М. Гладыш. Первоочередной задачей отделения является подготовка этнографической монографии о Верхней Силезии; продолжаются также начатые ранее исследования экономики Подгалья. Кроме того, как уже говорилось, часть сотрудников отделения принимает участие в исследованиях, которые ведутся кафедрой общей этнографии и социологии Ягеллонского университета. Исследования в Верхней Силезии и в Подгалье хронологически охватывают последнее столетие, включая и современность.

В этнографической монографии по Верхней Силезии должно быть представлено развитие народной культуры в связи с социально-экономическими преобразованиями в этой области²⁰. В экономическом отношении Верхняя Силезия неоднородна, что на-

¹⁵ K. Dobrowolski, *Uwagi o osadnictwie ziem zachodnich*, Kraków, 1945; его же, *Badania nad migracjami ludności małopolskiej na Śląsk po drugiej wojnie światowej*, «IV Sesja Rady Naukowej dla Zagadnień Ziemi Odzyskanych», II (Problemy demograficzne, socjologiczne i kulturalne), Kraków, 1947, str. 37—38.

¹⁶ A. Kutrzeba [Pojnagowa], *Etnografia polskich grup ludnościowych na Zachodnie Prusy i Kaszuby*, Kraków, 1945; ее же, *Lud i jego zwyczaje*, «Ziemia Lubuska», Poznań, 1950, str. 167—190.

¹⁷ K. Krenzel, *Śląsk Opolski*, «III Sesja Rady Naukowej dla Zagadnień Ziemi Odzyskanych», IV (Problemy regionalne osadnictwa rolniczego), Kraków, 1947, str. 7—28.

¹⁸ E. Pietraszek, *Jak robotnik wykorzystywał urlop w Polsce kapitalistycznej*, «Przegląd Zagadnień Socjalnych», 1951, № 1, str. 77—83.

¹⁹ Подробное изложение материалов монографии см.: D. Dobrowolska, *Wczasy robotnicze w Polsce Ludowej*, Kształtowanie się nowej kultury socjalistycznej mas pracujących. Studia i materiały, «Etnografia Polska», т. I, str. 315—322.

²⁰ См.: M. Gladysz, *Zarys organizacji i planu badań etnograficznych na Śląsku*, «Zaranie Śląskie», Katowice, 1939, str. 90—95; его же, *Prace nad etnograficzną monografią Górnego Śląska*, «Etnografia Polska», т. I, str. 85—102; M. Gladyszowa, *Zespołowe etnograficzne badania terenowe na Górnym Śląsku*, «Kwartalnik Historii Kultury Materiałnej», 1956, № 2, str. 382—390.

ходит отражение в культуре ее населения. Здесь можно выделить следующие районы: животноводческо-земледельческий, земледельческий, земледельческо-промышленный и промышленный. В культуре населения этих районов прослеживаются локальные особенности.

Этнографические исследования в Верхней Силезии должны вскрыть не только особенности культуры, специфические именно для этой области, но и то общее, что связывает ее с другими областями Польши. Задачей авторов монографии является, кроме того, определение тенденций развития верхнесилезской культуры и выявление тех ее элементов, которые могут иметь значение для экономического развития страны и для дальнейшего формирования общенародной культуры.

Полевые исследования в Верхней Силезии были начаты еще в 1939 г. Польской академией наук в Кракове и Силезским институтом в Катовицах. После войны в них приняли участие сотрудники музея в Бытоме. В результате этих исследований были собраны только общие сведения о развитии культуры Верхней Силезии и о локальных различиях в ней.

Для получения полной картины необходимы были углубленные полевые исследования в ее отдельных экономических районах. На основе собранных материалов намечены девять таких районов со значительными культурными различиями и три переходных района. В каждом из них выделены деревни для систематических стационарных исследований.

Эти исследования уже проводились в наименее изученном этнографами земледельческом районе Верхней Силезии — северо-восточной Опольшине, населенной почти исключительно поляками, но до 1945 г. остававшейся в пределах Германии. Главным объектом исследований были выбраны деревни Старые Селковицы и Новые Селковицы; кроме того, исследования проводились и в ряде соседних деревень. Параллельно с полевыми исследованиями была начата разработка музеиных и архивных материалов.

Изучались история населения, его классовая и профессиональная дифференциация, говоры, семья как производственная единица, земледельческое и животноводческое хозяйство, домашнее и ремесленное производство, средства сообщения, пища, жилые и хозяйственные постройки, утварь, внутренняя обстановка дома, повседневная и праздничная одежда, народные знания, верования, обычаи и обряды, изобразительное искусство и фольклор. Выявлены изменения в социально-экономической структуре деревень, связанные с массовым уходом крестьянской молодежи на работу в промышленности и с численным ростом рабочей прослойки, отмечено повышение интенсивности сельского хозяйства и появление новых, коллективных форм организации ремесла.

Обстоятельно проанализированы изменения в современной материальной культуре крестьян, подвергающейся все большему влиянию города. При исследовании общественного быта учтены национальные взаимоотношения, в которых в послевоенные годы произошли значительные изменения. После 1945 г. приостановился процесс немецкого населения деревни (особенно — работающих на западе современной Жешы), отчетливо обозначившийся до второй мировой войны.

В настоящее время монография о Селковицах уже заканчивается. Подробный отчет об исследованиях опубликован в первом томе «Польской этнографии»²¹. В 1957 г. начаты стационарные исследования в других предусмотренных программой районах.

Изучение экономики Подгалья²² касается также в известной мере современного периода. Изучается главным образом сельскохозяйственное производство (земледелие, животноводство, ремесло), в меньшей степени обмен и потребление. Объектом изучения является Подгалье примерно в границах Новотаргского старства до разделов Польши. Эта область охватывает, следовательно, равным образом Горное Подгалье, где преобладает животноводческое хозяйство, земледельческую Новотаргскую низменность и земледельческо-животноводческие районы южных склонов Горецев.

Полевые исследования были начаты в Подгалье в 1951 г. Краковским отделом Польского этнографического общества. В 1954 г. они были включены в научно-исследовательский план Этнографического отделения ИИМК ПАН. Исследования проводил коллектив, состоящий из нескольких человек, под непосредственным руководством доктора А. Ковальской-Левицкой. Общее научное руководство принадлежало проф. К. Мошиньскому. Коллектив этот был тесно связан с кафедрой этнографии Лодзинского университета. В результате полевых исследований и изучения архивных

²¹ «Etnografia Polska», т. I, стр. 103—239.

²² Опубликованы статьи: А. Kowalska-Lewicka, Etnograficzne badania na Podhalu, «Wierchy», 1952, стр. 225—226; ее же, Badania etnograficzne na Podhalu, «Wierchy», 1953, стр. 218—222; ее же, Sprawozdanie z działalności Oddziału Krakowskiego Polskiego Towarzystwa Ludoznauczczego, «Lud», т. 41, 1954, стр. 1236—1245; ее же, Badania etnograficzne na Podhalu, «Etnografia Polska», т. I, стр. 240—256; А. Zambrzyska, Štat výskumov domáckej a remeselnej výroby na dedinách Podhalia, «Slovenský Národopis», Bratislava, 1957, № 3—4, стр. 408—416.

материалов написано несколько работ, некоторые из них уже опубликованы, другие подготовлены к печати²³.

При изучении послевоенных преобразований Подгалья обращено внимание на улучшение земледельческого хозяйства в перенаселенных ранее подгальских деревнях, произошедшее в результате переселения части жителей этих деревень; сразу же после войны переселенцы направлялись на западные земли и в другие районы, а в последнее время — преимущественно в промышленные центры. Выявлен также ряд факторов, которые влияли на повышение уровня развития сельского хозяйства, как например электрификация деревни, удешевление приобретаемых крестьянами сельскохозяйственных машин и др. Было проведено специальное исследование изменений произошедших в такой важной отрасли хозяйства Подгалья, как овцеводство. При исследовании подгальских ремесел выяснено, что некоторые из них исчезают в связи с развитием фабричного производства, в других идет процесс все большей специализации, постепенно развивается их кооперирование.

Исследования деревенского ремесла и обработки железа в Келецком воеводстве проводят коллектив научных сотрудников под руководством доцента доктора Я. Клишевской. Эти исследования касаются прежде всего развития народного гончарства от середины XIX в. до настоящего времени. Статья об этих исследованиях опубликована в 1958 г.²⁴.

Исследования культуры рабочих, организованные под руководством К. Добровольского Краковским этнографическим отделением ИИМК ПАН, были рассмотрены выше. Следует добавить, что в число работ Отделения были включены также исследования сельскохозяйственных орудий, начатые кафедрой общей этнографии Ягеллонского университета.

СЕКЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДНОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ИСКУССТВ

Секция была организована в 1946 г., руководит ею проф. доктор Р. Рейнфусс. Предметом ее исследований является народное изобразительное искусство в широком понимании: архитектура, внутренняя обстановка жилого дома, утварь, одежда, все разновидности украшений, живопись, гравюра на дереве, резьба, изобразительное искусство, связанное с выполнением обрядов и т. п.²⁵ Целью исследований является выявление отдельных периодов развития народного изобразительного искусства с учетом различий, которые, с одной стороны, связаны с социальной дифференциацией сельского населения, а с другой — с местными особенностями отдельных областей Польши. Современность рассматривается при этом как определенный период развития, обладающий своей спецификой.

Наряду с исследованиями отдельных сотрудников, секция ежегодно организует экспедиции в составе этнографов, художников и фотографов. В них принимают участие также социологи, занимающиеся социально-экономическими проблемами.

В 1949—1957 гг. было проведено девять экспедиций, которые вместе с индивидуальными исследованиями охватили южные районы Польши (в частности воеводства Краковское и Жешувское), ее центрально-восточную область, в меньшей степени — западную и северную области (Великая Польша, Поморье, Вармия). Полевые материалы находятся в архиве, насчитывающем свыше 43 тысяч единиц хранения (тексты бесед с отдельными информаторами, рисунки, чертежи, образцы народного изобрази-

²³ B. K o r c z y n s k a - J a w o r s k a, Gospodarcze i społeczne podstawy pasterstwa tatrzańskiego, «Pasterstwo Tatr i Podhala» (в печати); ее же, Badania nad organizacją wypasu w pasterstwie wysokogórskim na Podhalu, «Studia i materiały do historii kultury wsi polskiej w XIX i XX w.», Wrocław, 1958, стр. 251—310; Z. Gołab, O zróżnicowaniu wewnętrznym gwary podhalańskiej, «Język Polski», 1954, № 2, стр. 85—111; B. K o r c z y n s k a - J a w o r s k a, Hodowla w Kulturze tradycyjnej Podhala, «Kwartalnik Historii Kultury Materiałnej», 1957, № 2, стр. 291—298; A. K o w a l s k a - L e w i c k a, Józef Janos, rzeźbiarz ludowy z Dębna, «Polska Sztuka Ludowa», 1954, № 3, стр. 162—173; ее же, Kilka uwag o wędrówkach zarobkowych górali podhalańskich, «Kwartalnik Historyczny», 1957, № 2, стр. 114—121; ее же, Handel wiejski na Podhalu w drugiej połowie XIX i w początkach XX w., «Kwartalnik Historii Kultury Materiałnej», 1957, № 2, стр. 305—314; A. Z a m b r z y c k a - K u n a c h o w i c z, Organizacja zbytu wyrobów rzemiosła wiejskiego na Podhalu w latach 1870—1950, там же, стр. 299—305; ее же, Z badań nad rzemiosłem na Podhalu, «Etnografia Polska», т. I, стр. 257—268; A. Z a m b r z y c k a i K. M a l k i e w i c z, Fajczarstwo na Podhalu, «Polska Sztuka Ludowa», 1958, № 4—5, стр. 209—218.

²⁴ J. K l i m a c z e w s k a i E. F r y ś, Materiały do rzemiosła ludowego w województwie Kieleckim, «Etnografia Polska», т. I, стр. 269—275.

²⁵ Теоретические основы этих исследований даны в статьях: R. Reinfuss, Z zagadnień sztuki ludowej, «Polska Sztuka Ludowa», 1952, № 2, стр. 65—67; его же, Aktualne zagadnienia ludowej plastyki, «Polska Sztuka Ludowa», 1953, № 2, стр. 83—91.

тельного искусства, купленные или полученные в дар). Архив насчитывает, кроме того, 12 тысяч фотоснимков²⁶.

Сотрудники сектора изучают биографии современных народных мастеров, индивидуальные особенности их творчества. Подготовлено и напечатано уже несколько монографий, посвященных народным мастерам²⁷. Опубликован также ряд работ по разным разделам ремесла: по гончарству, производству кафеля²⁸, кузнечному делу²⁹, производству мебели³⁰ и т. д.

Секция сотрудничает с разными учреждениями, связанными с народным художественным производством³¹, в частности с Главным управлением народных художественных промыслов.

²⁶ Z. B. G ł o w a, Dziesięć lat archiwum Sekcji Badania Plastyki Ludowej Polskiego Instytutu Sztuki, «Polska Sztuka Ludowa», 1957, № 3, str. 187—189.

²⁷ Z. Cieśla-Reinfussowa, Dywany dwuosnowowe braci Składanowskich Wyszkowa, «Polska Sztuka Ludowa», 1954, № 1, str. 36—49; M. Przeździecka, Szymon Czerniakiewicz, Podlaski wycinankarz ludowy, «Polska Sztuka Ludowa», 1957, № 1, str. 33—36.

²⁸ R. Reinfuss, Garncarstwo ludowe, Warszawa, 1955, str. 96; E. Fryś, Ośrodek garncarski w Bielanach powiatu Oświęcim, «Polska Sztuka Ludowa», 1956, № 4—5, str. 249—256; Z. B. G ł o w a, Materiały do mapy ośrodków garncarskich w Polsce, «Polska Sztuka Ludowa», 1956, № 2—6; 1957, №№ 1, 2; Z. Cieśla-Reinfussowa, Siwaki z Białej Podlaskiej, «Polska Sztuka Ludowa», 1954, № 5, str. 273—295.

²⁹ R. Reinfuss, Polskie ludowe kowalstwo artystyczne, «Polska Sztuka Ludowa», 1953, № 6, str. 348—376.

³⁰ R. Reinfuss, Ludowe skrzynie malowane, Warszawa, 1954.

³¹ R. Reinfuss, Aktualne zagadnienia przemysłu papierniarskiego, «Polska Sztuka Ludowa», 1954, № 2, str. 67—78.

Е. И. КЫЧАНОВ

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ ОБ ЭТНОГРАФИИ ТАНГУТОВ

Двухсотпятидесятилетнее существование тангутского государства Си Ся (982—1227) представляет собой одну из интереснейших и малоизученных страниц средневековой истории Центральной Азии. Оно было одной из трех могущественнейших держав¹, которые одна за другой возникли на окраинах Китая после гибели династии Тан (618—907). Эти государства, созданные киданьским, тангутским и чжурчжэнскими народами, появились на исторической арене в силу внутренних процессов развития каждого из этих народов, выразившихся в конечном итоге в завершении классообразования и появления самостоятельной государственности, а также в результате той политической обстановки, которая сложилась в Китае после гибели династии Тан и продолжительного раскола страны в X в. Некогда полуварварские племена скотоводов и охотников оказались вовлечеными в бурный водоворот событий и, ознакомившись с величайшими достижениями китайской цивилизации, создали собственные культуры, ждущие еще своих исследователей.

Тангуты² (или дансяны, как этот народ именуется в китайских источниках) были потомками древних цянских племен, которые со II тысячелетия до н. э. населяли западные районы Китая, пограничные с Тибетом, и которые принято считать предками современных тибетоязычных народов. Дансянские племена выделились из западно-циянского племенного союза, сложившегося в I тысячелетии до н. э. и распавшегося в III—IV вв. н. э.

В V—VI вв. дансяны населяли территорию современного Амдо. В середине VII в. (около 660 г.) под угрозой тибетского завоевания часть дансянских племен переселилась на территорию Ордоса. Эти дансяны и получили у тюрко-монгольских народов известность под именем тангутов. По мнению большинства исследователей, это слово произошло от основы китайского наименования этих племен — *дан* (*тан*) с добавлением монгольского суффикса множественного числа *ут*. Позднее через Марко Поло это наименование перешло в европейскую литературу и до сих пор сохраняется в ней за народом, основавшим государство Си Ся.

Древнекитайское название цян осталось в качестве общего наименования для тибетоязычных народов (туфань — тибетцев, дансян — тангутов, тибетоязычных племен Сычуани) вплоть до монгольского времени. Наряду с этим уже в сунское время (X—XIII вв.) стало употребляться другое китайское наименование тибетоязычных племен, населявших зону китайско-тибетской этнической границы, а именно — сифань, которое постепенно вытеснило название цян.

Древних цянов не следует отождествлять с современными цянами, проживающими в уездах Маосянь и Лифань провинции Сычуань.

Этот народ также выделился из западноциянского племенного союза и переселился в Сычуань на рубеже нашей эры. Связанные с дансянами отдаленной общностью происхождения, современные цяны Сычуани больше ничего общего с тангутами (т. е. с той частью дансянских племен, которая создала государство Си Ся) не имеют.

Государство Си Ся занимало обширную территорию протяженностью границ более 5000 км, от Дуньхуана до Хуакхэ и от южных окраин пустыни Гоби до кукунорских

¹ Ляо (916—1124), Си Ся (982—1227), Цзинь (1115—1264).

² Этот термин, вошедший в употребление в европейской литературе, — тюркского происхождения; впервые он упоминается в орхонских надписях VIII в. У тибетцев тангуты были известны под именем миняг. Точное самоназвание тангутов не установлено. По данным Н. А. Невского, в двух переведенных им тангутских одах тангуты называли себя минья или ми. См. Н. А. Невский, О наименовании тангутского государства, «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. II, вып. 3, стр. 137; см. также «Тангутская письменность и ее фонды», Доклады группы востоковедов на сессии АН СССР 20 марта 1935 г., М — Л., 1936, стр. 64.

степей. В европейском востоковедении интерес к изучению тангутов появился после ознакомления с памятниками тангутской письменности³. В связи с изучением языка и письменности этого народа в конце XIX в. зародилась самостоятельная отрасль востоковедения — тангутоведение. Естественно, что все появившиеся исследования рассматривали преимущественно вопросы, связанные с тангутским языком и структурой тангутской письменности. Лишь в некоторых из них попутно затрагивались отдельные стороны истории тангутского народа.

В китайских источниках, как синхронных Си Ся, так и позднейших, содержится немало интересных сведений по этнографии тангутов. Подавляющее большинство китайских извештей о Си Ся в разное время было собрано и издано китайскими учеными⁴.

Автор поставил целью на основании этих работ и описаний Си Ся в историях династии Сун («Сунши», цзюань 485—486) и Ляо («Ляоши», цзюань 115) дать краткую подборку сведений китайских источников о хозяйстве, жилищах, одежде, обычаях и обрядах тангутов.

О внешнем облике тангутов

В китайских источниках содержится два упоминания о внешнем облике тангутов. В описании первого тангутского императора Юань-хао сообщается, что он «был кругло лиц, с высоким носом, ростом более 5 чи»⁵ (1 чи = 0,32 м). Один из тангутских ванов (князей) Жень-чжун (XII в.) «был высокого роста, имел пышные бакенбарды и усы»⁶. Из некитайских авторов о внешнем облике тангутов рассказывает Рубрук, посетивший территорию государства Си Ся после гибели последнего. «Среди тангутов,— писал он,— я видел людей больших, но смуглых»⁷.

Таким образом, источники подчеркивают, что тангуты были высокорослым, смуглокожим народом с выступающим вперед носом и достаточно развитым волосяным покровом лица.

Краткие сведения о хозяйстве Си Ся

Основными занятиями тангутов были скотоводство и земледелие. Большинство тангутов в VI—X вв. вело оседлый образ жизни и занималось отгонным скотоводством. После того как около 660 г. часть тангутских племен, как упоминалось выше, под давлением тибетцев переселилась с территории современного Амдо в Ордос, а затем в Алашань, в хозяйстве тангутов значительное место принадлежало кочевому скотоводству. Тангуты разводили овец, лошадей, верблюдов, ослов, в горных районах — яков. Скот и продукты скотоводства были основными предметами вывоза из Си Ся. «Основные продукты производства государства Си Ся,— читаем мы в «Си Ся шуши»,— овцы, лошади, войлоки, шерстяные ткани, ковры — не полностью использовались в своей стране. Необходимо было излишки этих продуктов обменивать с другими странами на продукты их производства»⁸. Скотоводству принадлежала ведущая роль в хозяйстве тангутов, в нем было занято большинство населения Си Ся. Кочевое хозяйство наложило свой отпечаток на социальную организацию тангутского общества. В XI в. у тангутов-кочевников еще сохранялась родоплеменная организация; кровнородственные объединения (по-китайски цзу, було) имели в своем составе обычно около ста семей (по-китайски — чжан — шатер, юрта, кибитка), а некоторые тысячу и более⁹.

Надо полагать, что, помимо кровнородственных связей, основой сохранения родовой организации была коллективная собственность группы кровных родственников на пастбища, как это имело место у других кочевых народов, например у монголов¹⁰.

³ Тангуты создали свою письменность около 1036 г.

⁴ Мы имеем в виду следующие работы: У Гуан-чэн, Си Ся шуши (Летопись событий Си Ся), 1-е изд., 1826, переизд. Бэйпин, 1936; Чжан Цзянь, Си Ся цзиши бэньмо (Описание событий Си Ся), Цзиньлин, 1888; Дай Си-чжан, Си Ся цзи (Записки о Си Ся), 1924; Ло Фу-чан, Сунши Саго чжуань цзичжу (Сводный комментарий к описанию государства Ся в летописи династии Сун), Шанхай, 1937.

⁵ «Сунши», изд. 1836 г., цз. 485, 12а. Цзюани 485 и 486 были переведены Н. Я. Бичурином. См. Иакинф [Н. Я. Бичурин], История Тибета и Хухунара с 2282 г. до Р. Х. по 1227 г. по Р. Х., СПб., 1833, ч. II, стр. 22. В дальнейшем все ссылки на Сунши будут сопровождаться ссылкой на перевод Бичурина. См. также Чжан Цзянь, Указ. раб., цз. 10, 1а.

⁶ Дай Си-чжан, Указ. раб., цз. 24, 106.

⁷ И. де Плано Карпини, История монголов; В. де Рубрук, Путешествие в восточные страны, Перевод Малеина, СПб., 1910, стр. 109—110.

⁸ У Гуан-чэн, Указ. раб., цз. 20, 4а.

⁹ Дай Си-чжан, Указ. раб., цз. 6, 116.

¹⁰ Б. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 43, 56, 58.

Земледелие в Си Ся было развито в долине реки Хуанхэ, в предгорьях Нань и в районе города Синин. В этих местностях «земли у тангутов были плодородны, и сеяли на них пять хлебов»¹¹. Особенно их земли годились для посевов риса и ницы¹². Почти повсеместно земледелие в Си Ся было поливным; особенно разветвленная сеть каналов была по обоим берегам Хуанхэ в районе современного города Чуань, где помещалась некогда столица Си Ся город Синцин. Некоторое представление о сельскохозяйственных орудиях тангутов дает их перечень, имеющийся в танту китайском словаре «Чжан чжун-чжу». Там указаны: каменный каток для выравнивания почвы, лопата, мотыга, серп, каменный каток для обрушивания зерна, веялка шето, ручная мельница¹³. Ремесленное производство тангутов базировалось главным образом на обработке продуктов скотоводства. Марко Поло, посетивший Тан 70-х годах XII в., отмечал, что в области Ергейя (Алашань) «ткут лучшее в сукно из верблюжьей шерсти»¹⁴. Важную роль в экономике Си Ся играл соляной мысль: «Все цянские племена добывали соль», и торговля солью была у них «ством для жизни»¹⁵. Горы Хэншань (в провинции Шэнси) были центром железнодорожного производства. Доспехи тангуты изготавливали способом холодной ковки¹⁶.

Жилища тангутов

Характер жилища тангута зависел от того, какое хозяйство вел его владелец. Земледельцы и скотоводы, занимавшиеся отгонным скотоводством, жили в глиняных домах, скотоводы-кочевники — в шатрах. Чиновники и знать строили себе каменные дома и дворцы, которые покрывали черепицей. Наиболее типичными постройками тангутов были глиняобитные дома. «Обычно все тангуты жили в глиняобитных домах. И только получившие на то особое разрешение могли покрывать их черепицей»¹⁷. Таким образом, в типах жилищ узаконенным порядком было закреплено социальное неравенство, царившее в тунгутском обществе. Все те, кто не имел права покрывать свои дома черепицей, по старинному тангутскому обычая, делали кровлю из грубых шерстяных тканей и войлока¹⁸.

По описанию Чжан Цзяня, тангутские глиняобитные дома в опасных местах «дежали на подпорках... Матицы в домах тангутов были очень красиво раскрашены. Вне городов и селений тангуты жили в хижинах и землянках»¹⁹.

К началу XIII в. в глиняобитных домах обитало подавляющее большинство населения Си Ся. Монгольский полководец Толунчерби, предлагая отложить поход против Си Ся, обосновывал свое мнение следующим образом: «Тангуты — люди оседлые, живущие в глиняобитных городищах. Ужели они могут куда уйти, взвалив на спины свои глиняобитные городища?»²⁰.

На протяжении XI—XII вв., возможно, проходил процесс перехода части кочевого тангутского населения к оседлости. Китайские источники, правда очень скучные для XII в., совсем не упоминают о перекочевках, а по сообщению Рашид-ад-Дина относящемуся к XIII в., племя тангут «большей частью обитало в городах и селениях»²¹. Кочевничество сохранялось в пустынных и полупустынных районах стран Алашаньеских тангутов, приглашая монголов сражаться, говорили, что у них для этого цели есть «Алашайское кочевье, есть и решетчатые юрты, есть и выночные верблюды». Тангуты заселили территорию, первоначально входившую в состав китайского государства. Поэтому все значительные города Си Ся были построены китайцами еще в возникновении этого государства. Правда, со временем они не могли не подвергнуться влиянию местных народов, и их облик определенно отличался от облика городов центрального Китая.

Источники упоминают о том, что тангуты сами строили города и крепости²⁴. Города были военно-административными, культурными и торговыми центрами государства.

¹¹ Рис, просо, пшеница, ячмень, соевые бобы. Эти культуры обычно подразумеваются под китайским выражением «у гу» (пять хлебов). См. Китайско-русский словарь под ред. И. М. Ошанина, 2-е изд., М., 1955, стр. 70.

¹² «Сунши», цз. 486, 226; Бичурин, стр. 117.

¹³ «Чжан чжун-чжу», 1189, Рукописный отдел Ленинградского отдела Индостановедения АН СССР, Тангутский фонд, № 214.

¹⁴ Н. П. Минин, Путешествие Марко Поло, Перевод старофранцузского текста СПб., 1902, стр. 95.

¹⁵ Китайские хроники очень часто называют население Си Ся именем предтангутов — цянами.

¹⁶ Дай Си-чжан, Указ. раб., цз. 2, 17а.

¹⁷ Там же, цз. 7, 266; цз. 15, 66 Чжан Цзянь, Указ. раб., цз. 117а.

¹⁸ «Сунши», цз. 486, 24а; Бичурин, стр. 120.

¹⁹ Дай Си-чжан, Указ. раб., цз. 11, 7 а.

²⁰ Чжан Цзянь, Указ. раб., цз. 10, 6а.

²¹ С. А. Козин, Сокровенное сказание, М.—Л., 1941, т. I, стр. 190.

²² Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, перевод с персидского Л. А. Хетаева, т. I, кн. 1, М.—Л., 1941, стр. 143.

²³ С. А. Козин, Указ. раб., стр. 190.

²⁴ Дай Си-чжан, Указ. раб., цз. 22, 3а.

Помимо жилых домов, в них были здания правительственные учреждений, дворцы, храмы, тюрьмы, склады²⁵.

Есть некоторые основания полагать, что значительная часть средневековых городов Центральной Азии не отличалась большими размерами. Так, город Ланьчжоу, «с востока на запад тянулся на 600 с лишним бу²⁶, а с юга на север приблизительно на 300 бу²⁷. По измерениям П. К. Козлова, каждая сторона квадратных стен Хара-Хото равнялась «одной трети версты»²⁸. В северо-восточной части Ордоса Г. Н. Потанин видел старое городище, которое имело «с севера на юг... 600 шагов длины, а с запада на восток 300»²⁹, т. е. почти те же размеры, что и город Ланьчжоу.

Одежда тангутов

Все тангуты носили распашную одежду — летом халат, зимой шубу, а также сапоги и шапку. Каждой группе населения Си Ся законом предписывался определенный тип одежды. Все неслужилое население страны по носимой одежде делилось следующим образом: знатные должны были носить одежду зеленого, а незнатные черного цвета³⁰, гражданским чиновникам предписывалось надевать головную повязку, сапоги с высокими голенищами, халат коричневого или темно-красного цвета; военные носили платье из темно-красной ткани с узорами, серебряный пояс с длинными концами; шлемы их, в зависимости от их звания, были или позолоченными с укращением в виде облака, или посеребренными с золотой инкрустацией, или просто крытыми черным лаком. Их штатское платье было из коричневой или черной ткани с вышивками на ней узорами в виде шаров; к нему полагался яркий пестрый пояс³¹. По-видимому, тангуты всегда предпочитали темную окраску тканей.

Обычаи и обряды тангутов³²

Судя по отдельным упоминаниям источников, в брак тангуты вступали в возрасте 16—18 лет³³. При заключении брака голос родителей имел решающее значение. Как только в семье подрастала девочка, родители, не спрашивая ее согласия, через сватов назначали срок свадьбы. Выбор родителей иногда не совпадал с личными симпатиями девушки. В этом случае, как сообщают источники, если девушка и любимый ею юноша не примирялись с решением родителей, «они бежали в горы, находили среди скал укромное место и ложились там, обвязав друг другу головы поясами; каждый из них что есть силы стягивал свой пояс, так что внезапно оба, и юноша и девушка, умирали». Родственники шли их искать. Когда девушку и юношу находили, то не оплакивали их смерть, говоря, что это «радость юноши и девушки», и незачем печалиться о них. Умерших заворачивали в узорный шелк, а сверху обматывали войлоком. Убивали быка и приносили его в жертву. Затем тела укрывали травой, выбирали одинокую скалу, ставили на ней шест высотой в один чжан (3,2 м); это называлось «изгородью девушки» (иной шань). Трупы переносили на скалу, объявив, что они «взлетят на небо». Целый день под этой скалой родственники девушки и юноши били в барабаны и пили вино, а к вечеру расходились³⁴.

Исходя из этого сообщения, можно предположить, что у тангутов еще сравнительно недавно женщина занимала более высокое положение; она могла свободно выбирать себе мужа. Представления об этом ее праве еще не окончательно исчезли в обществе тангутов того времени, о котором говорится в летописи. В связи с этим исследование семейно-брачных отношений у тангутов представляется важным, особенно в связи с высоким положением женщины у тибетских племен в целом.

О погребальных обрядах тангутов в XI—XII вв. китайские источники не дают сведений. Из более ранних источников известно, что дансины сжигали трупы умерших³⁵. Вероятно, этот обычай сохранился и в Си Ся. По свидетельству Марко Поло, в Тангуте «тела мертвых идолопоклонников всюду сжигали»³⁶. Вместе с трупом умер-

²⁵ Там же, цз. 20, 286.

²⁶ 1 бу = 1,6 м.

²⁷ Дай Си-чжан, Указ. раб., цз. 16, 11а.

²⁸ П. К. Козлов, Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото, Огиз, 1947, стр. 77.

²⁹ Г. Н. Потанин, Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, М., 1950, стр. 87.

³⁰ «Сунши», цз. 485, 13а; Бичурин, стр. 24.

³¹ «Сунши», там же; Бичурин, там же.

³² Сведения, сообщаемые в «Истории Ляо», относятся лишь к XI в., т. е. к начальному периоду существования тангутского государства.

³³ Дай Си-чжан, Указ. раб., цз. 21, 27б; цз. 24, 1а.

³⁴ Чжан Цзянь, Указ. раб., цз. 10, 6а.

³⁵ «Цзю таншу», цз. 198 (Серия «Сыбу бэйяо», т. 022, Шанхай, 1935—1936, стр. 1651).

³⁶ Н. П. Минай, Указ. раб., стр. 74.

шего сжигали вырезанные из бумаги изображения предметов домашнего обихода животных и людей, так как считалось, что у умершего в загробной жизни будет стоять же имущество, скот и рабов, сколько сожжено бумажных изображений³⁷. Следует отметить, что этот же момент был в похоронном обряде и у китайцев, где, возможно, он являлся пережитком действительных погребальных жертв, приносившихся в прошлом. В связи с этим представлялось бы важным выяснение того, каким образом явился этот момент в погребальном обряде у тангутов.

Тангутскую знать и тангутских императоров хоронили на кладбищах в усыпальницах. Кладбище тангутских императоров находилось к западу от столицы Си Ся города Синцин. Его местонахождение точно указано на старинной карте Си Ся XI в. воспроизведенной в рукописном атласе карт Си Ся, хранящемся в Государственно-публичной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве³⁸.

В XI в. среди тангутов был очень распространен обычай кровной мести. Если тангут собирался отомстить, он произносил следующую клятву: «Если я не отомщу, то я не буду убирать хлеба. [Пусть] мужчины и женщины [в моей семье] покроются паршой и облысят, [пусть] подохнет мой скот, [пусть] змея заползет в мою кибитку [пусть среди моих родственников] не будет ни сильных, ни слабых, способных отомстить»³⁹. После этого он собирал взрослых мужчин и женщин, щедро угождал им мясом и вином, а потом все приглашенные бежали к дому обидчика и сжигали дом⁴⁰. Во время траура по убитому родственнику на врага не нападали, а носили на спине особый отличительный знак, по которому можно было узнать мстящего. По окончании срока траура начинали мстить. Когда чувство мести было удовлетворено, отомстивший пил из человеческого черепа вино и кровь курицы, свиньи или собаки⁴¹. Естественно, что обычай кровной мести наносил ущерб тангутскому обществу. Поэтому кровная месть постепенно стала заменяться денежным выкупом. При этом примирение враждующих сторон происходило при участии представителя государственной администрации Си Ся⁴².

Преступников и пленных тангуты содержали в земляных ямах-тюрьмах⁴³. Желая привлечь на свою сторону какое-нибудь государство или племя, тангуты посыпали его государю или вождю стрелу⁴⁴. При заключении мирного договора стрелу ломали⁴⁵.

У тангутов были праздники в каждый первый день первого месяца всех четырех времен года. Эти праздники были введены в Си Ся в XI в. До этого, по старинному тангутскому обычаю, праздновался только день зимнего солнцестояния. Праздничным днем считалась и день рождения императора Ся⁴⁶.

Государственной религией Си Ся был буддизм. Но большинство тангутского народа, кроме исповедания буддизма, особенно в XI в., придерживалось старой веры в злых и добрых духов, близкой по своему характеру к древнетибетской религии бон. Если тангут заболевал, то он не лечился, а звал знаяхаря (по-тангутски — «сы»), который должен был изгнать из него вызвавших болезнь злых духов. Иногда больной сам переселялся в дом знаяхаря, что называлось в народе «уклониться от болезни»⁴⁷.

С верой в злых и добрых духах у тангутов было связано много различных поверий и гаданий. Большая часть тангутских поверий, приведенных в китайских источниках, относится к военным походам; описание их содержится в 486 цзюане «Сунши» и переведено Н. Я. Бичуриным⁴⁸. Дополнительные сведения имеются лишь о первом из описанных в «Сунши» гаданий — «чжибоцзяо». Когда гадали о военных походах, жгли поплынь и держали над огнем бедренную кость барана, называя это «сыбин». Рассматривали образовавшиеся на кости трещины, называя их «сыбацзяо». Самая верхняя из трещин считалась трещиной духа-ясновидца (шэн мин).

Центр кости (седалище) назывался «цзовэй» и считался местом вана (т. е. видимо, хозяина, производящего гадание). Бока кости назывались «кэвэй» и считались местом гостей (присутствующих при гадании). По обычаям тангутов, в главной спальной комнате их жилища в центре оставлялось свободное место, посвященное духам, которое не осмеливались занимать, называя его местом духа-ясновидца. Сидя по сторонам этого места, и совершали гадание «чжибоцзяо», чтобы узнать об удачах и неудачах хозяина и гостей⁴⁹.

³⁷ Н. П. Минаев, Указ. раб., стр. 74.

³⁸ Рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 274, рукопись 1250; см. также Чжан Цзянь, Указ. раб., вводи. цз., 86, 9а.

³⁹ «Ляоши», 1936, цз. 115, ба.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Дай Си-чжан, Указ. раб., цз. 16, 1а, б.

⁴⁴ Там же, цз. 3, 156.

⁴⁵ Там же, цз. 10, 146.

⁴⁶ Там же, цз. 11, 9а.

⁴⁷ «Ляоши», цз. 115, 5б, 6а.

⁴⁸ Бичурин, стр. 119—120.

⁴⁹ Чжан-цзянь, Указ. раб., цз. 10, 26.

Победные церемонии тангутов иногда завершались съедением сердца и печени (по представлениям тангутов — вместилище храбрости) наиболее выдающихся бойцов из вражеского стана⁵⁰. Считалось, что после этого доблесть побежденного перейдет к победителю.

Многие явления природы тангуты считали чудесными предзнаменованиями и по-своему истолковывали их. Если днем были видны звезды или планета Венера, то это, по представлениям тангутов, предвещало неудачу в войне⁵¹. Если Марс заходил в созвездие Южного Креста, это означало, что государь должен отправиться в храм и молиться за свой народ⁵². После солнечных затмений государь обычно объявлял о помиловании преступников⁵³.

Таковы вкратце те немногие сведения по этнографии тангутов, которые содержатся в китайских источниках. Нетрудно убедиться, что здесь мы находим много общего с обычаями и обрядами тибетцев и других тибетоязычных народов Китая. Сопоставление этих обычаем не входило в нашу задачу, но можно надеяться, что приводимые сведения окажутся полезными для тех, кто интересуется историей и этнографией Центральной Азии и национальных меньшинств Китая, в особенности Тибета. И когда в будущем науке станут доступны памятники тангутской письменности, возможно, в истории тангутов, — да и не только тангутов, а всей Центральной Азии X—XIII вв. — откроется новая, еще неведомая страница.

⁵⁰ Дай Си-чжан, Указ. раб., цз. 22, 86.

⁵¹ Там же, цз. 5, 36, цз. 19, 106.

⁵² Там же, цз. 5, 25а

⁵³ У Гуан-чэн, Указ. раб., цз. 36, 10а.

Х Р О Н И К

ИСТОРИКО-БЫТОВЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В 1958 г.

В течение последнего десятилетия Государственный исторический музей ведет интенсивную и планомерную работу по собиранию историко-бытовых материалов организаций для этого специальные экспедиции.

В нашу эпоху, когда на глазах происходит коренная перестройка производства быта, наряду с изучением нового собирания немногих сохранившихся свидетельств старой жизни — неотложное дело. Для Исторического музея особенно важны материалы, характеризующие условия труда и быта народных масс дореволюционной России, прошлое народов национальных республик, входящих в состав СССР. Продолжим в настоящее время изучение периода конца XIX — начала XX в. связано конкретными экспозиционными планами Музея на ближайшие годы.

Ведущими темами научной работы Музея являются: развитие капитализма в промышленности и в сельском хозяйстве; разложение крестьянства и формирование буржуазного класса; рост рабочего и крестьянского движения в эпоху империализма и пролетарской революции. Значительное внимание уделяется истории народного творчества. Ежегодные экспедиции музея носят характер обследования отдельных районов, интересных с точки зрения указанных общих явлений, или ставят своей задачей обследование мест, связанных с определенными событиями, чаще всего с революционными событиями прошлого, а также сбор бытового материала.

Методика собирательской работы Музея имеет свою специфику. Объектом обследования являются семьи старожилов или участников революционных событий. В этих семьях члены экспедиции получают устные сведения о характере трудовой деятельности отдельных лиц, об их имущественном и общественном положении в прошлом, об их участии в тех или иных событиях, интересующих Музей. Одновременно ведется сбор бытовых вещей, документов, фотографий, книг и других предметов.

Собирая историко-бытовые памятники, относящиеся ко времени, удаленному от наших дней на 50—70 лет и более, Исторический музей сознательно идет на получение во многих случаях фрагментарных материалов. При этом в некоторых национальных республиках до сих пор удается получать или фиксировать подлинные вещи конца XIX — начала XX в. значительными сериями. Иные возможности для собирательской работы представляют промышленные центры, где старые формы производства и быта изживаются значительно быстрее. Здесь удается находить большое количество документов и фотографий. Значительные трудности представляет сбор историко-бытовых материалов в местах, где развернулись военные действия в период гражданской и Великой Отечественной войн. Все это заставляет особенно внимательно присматриваться к вещам в отношении их типичности для той или иной эпохи, для определенной общественной среды.

Степень распространенности тех или иных бытовых предметов определяется еще и привлечением подлинных фотографий, дающих первоклассный массовый документальный материал, в особенности при изучении предметов одежды конца прошлого — начала нынешнего столетия.

Материалы периода развитого капитализма сопоставимы не только в рамках одного района, так как особенность этого периода — широкое внедрение в быт массовой фабричной продукции. В данном случае сборы одних экспедиций могут служить интересным дополнением сборов других экспедиций.

По мере развертывания собирательской работы в Музее накапливаются значительные группы предметов и документов, привезенных из разных мест, но характеризующих одни и те же явления дореволюционной эпохи. Среди них можно отметить, например, материалы по истории сельскохозяйственной и промышленной техники конца XIX — начала XX в., в том числе комплекты ручных инструментов рабочих разных специальностей — клепальщиков, молотобойцев и др. Многие из этих инструментов теперь уже полностью вышли из употребления.

Значительна также группа предметов домашнего быта рабочих: одежда, домашняя утварь, в том числе артельная посуда, обстановка рабочей каморки в казарме, мебель из наемной рабочей квартиры. При изучении этих предметов выявляются местные особенности быта различия в положении отдельных групп пролетариата, своеобразие быта рабочих, еще не утративших связь с деревней, и др. В то же время конкретный анализ происхождения отдельных предметов, их материала, формы, стоимости — при широком использовании письменных источников и фотографий — позволяет поставить ряд более общих тем: отражение в рабочем быте особенностей формирования рабочего класса России, уровня его материальной жизни, его культуры, правового положения и т. д.

Коллекции предметов крестьянского быта из различных губерний дают возможность осветить ряд явлений, связанных с процессом обеднения широких масс крестьянства и выделения кулацкой верхушки, с растущим применением труда батраков. При изучении крестьянского костюма интересно проследить постепенную нивелировку местных особенностей в связи с растущей подвижностью населения, по-разному проявляющуюся в отдельных имущественных прослойках крестьянства.

Существенное место в собранных экспедициями коллекциях занимают материалы о революционной борьбе рабочего класса и крестьянства. Фотографии, документы, мемориальные вещи участников революционного движения представляют большую ценность как при изучении самих событий, так и для характеристики быта передовых представителей трудаящихся масс. Примером может служить привезенная из Сормова обстановка комнаты рабочего-революционера, в которой происходили нелегальные собрания рабочих.

В связи с изучением эпохи капитализма выбор районов для проведения экспедиций Музея осуществляется с учетом экономического районирования России, имеющегося в книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» (неземледельческо-промышленный район, Урал, Юг, центральный земледельческий район, Север и др.). В настоящее время экспедиции Государственного исторического музея уже обследовали ряд важнейших городских и сельских центров Российской Федерации, начато систематическое изучение дореволюционной Москвы и столичного пролетариата. За последние годы обращено особое внимание на изучение быта в национальных республиках и в отдаленных районах Сибири и Дальнего Востока.

В экспедиционной работе Музей опирается на постоянную помощь местных партийных и советских организаций, руководящих работниками предприятий и колхозов, активистов-общественников, местных краеведов и музейных работников. О широком интересе к работе экспедиций свидетельствуют многочисленные памятники прошлого, переданные населением в дар Государственному историческому музею.

* * *

В конце января 1959 г. в Историческом музее состоялась очередная отчетная сессия, посвященная работе историко-бытовых экспедиций в 1958 г. Начальники экспедиций и научные сотрудники сделали ряд докладов и сообщений. На временной выставке демонстрировались материалы, собранные экспедициями, посетившими промышленные и сельскохозяйственные центры РСФСР и отдельные районы национальных республик.

В двух из числа проведенных в 1958 г. поездок продолжалась работа по изучению промышленных центров.

Ростово-Мариупольская экспедиция (начальник А. М. Шорр) работала по теме «Ростов-на-Дону, Таганрог, Мариуполь — промышленные и революционные центры юга России в конце XIX — начале XX в.».

Выбранный район представляет значительные трудности для сориентации историко-бытовых материалов в связи с тем, что он и в годы гражданской войны, и в годы Великой Отечественной войны подвергся значительному разорению. Экспедиция ставила целью в первую очередь обследование семи крупнейших предприятий предреволюционного времени в указанных городах: в Ростове — бывших Главных мастерских акционерного общества Владикавказской железной дороги, завода сельскохозяйственных машин акционерного общества «Аксай», табачной фабрики Асмолова и Кушнарева; в Таганроге — котельного и металлургического заводов; в Мариуполе — завода «Русский Провиданс» и завода Никополь-Мариупольского горного и металлургического общества. Члены экспедиции встречались со многими старыми рабочими и служащими, с представителями местной интеллигенции, с активными участниками революционной борьбы. Во время этих встреч записано 105 рассказов.

Экспедиции удалось собрать значительное количество материалов, характеризующих важнейшие стороны развития промышленности юга России в эпоху империализма. Ряд документальных материалов (в том числе чертежи и фотографии строящихся цехов) указывает на значительный рост промышленности юга России в изучаемый период. Часть из них относится к трубопрокатному заводу в Мариуполе, который назван В. И. Лениным в его книге «Развитие капитализма в России» в качестве примера предприятия, целиком вывезенного из Соединенных Штатов Америки. О роли иностранного капитала свидетельствует коллекция фирменных марок, снятых экспедицией со старого заводского оборудования, ввезенного в свое время из различных стран Европы и Америки и из Японии.

Наборы ручных инструментов рабочих трудоемких профессий (клепальщика, лов и шицельника), рассказы самих рабочих об условиях их труда в прошлом, доказывают о существовании на предприятиях юга России высокоразвитой технологии с широким применением ручного труда.

Ростово-Мариупольская экспедиция продолжила многолетнюю работу Музея изучению вопросов формирования рабочего класса и его участия в революционной борьбе. Документы, снимки и рассказы рабочих свидетельствуют о значительном притоке в промышленные центры юга губерний безземельного крестьянства Центральной России. Так, из 36 старых рабочих, опрошенных в Ростове-на-Дону, 27 оказались выходцами из крестьянской среды и только 5 — коренными ростовчанами. Из 45 старых рабочих, опрошенных в Мариуполе, — 30 пришло на завод деревенщины.

Революционная роль пролетариата данного района прослеживается на материалах экспедиции, начиная с первых стачечных борьб конца 1890-х годов. Здесь нашли отражение забастовочное движение в Ростове и Мариуполе 1898—1899 гг., история Ростовской стачки 1902 г., Декабрьского вооруженного восстания 1905 г., забастовочное движение периода первой мировой войны и другие революционные моменты.

В рассказах о революционных событиях содержатся интересные сведения о получении «Искры» в Таганроге в 1903 о деятельности подпольных типографий в Таганроге и Ростове в 1905—1908 и многое другое материалов.

Собранные предметы быта рабочих одежда, домашняя утварь.

Небольшой, но яркий материал о рабочем быту удалось собрать сотрудникам музея Э. С. Коган и А. В. Ульянова во время недельного выезда Яхромскую текстильную фабрику близ г. Дмитрова, Московской области.

Кроме фотографий, дающих представление о фабричных зданиях, казармах, облике рабочих и администрации конца прошлого века, удалось собрать образцы рабочей одежды и вещи из рабочей казармы того времени. Часть одежды и утвари принадлежала работница фабрики, пришедшем в 1890-х годах из окрестных деревень и долго сохранявших с ними связь. Сюда относятся повойники, дамское полотенце с вышивкой крестом, «обжимка» (кофта на вате из кубового сицца) и точеная деревянная солоница. Одежда потомственных рабочих, прочно закрепившихся на фабрике, имела иной характер. Экспедицией привезено платье работницы состоящее из «баски» (кофты со стоячим воротничком) и широкой юбки в пять полотнищ из хлопчатобумажной ткани (рис. 1 и 2).

Рис. 1. Костюм работницы Яхромской фабрики Н. М. Фроловой. Начало XX в.

окрестных деревень и долго сохранявшим с ними связь. Сюда относятся повойники, дамское полотенце с вышивкой крестом, «обжимка» (кофта на вате из кубового сицца) и точеная деревянная солоница. Одежда потомственных рабочих, прочно закрепившихся на фабрике, имела иной характер. Экспедицией привезено платье работницы состоящее из «баски» (кофты со стоячим воротничком) и широкой юбки в пять полотнищ из хлопчатобумажной ткани (рис. 1 и 2).

О быте в рабочей каморке площадью в 12—16 м², где ютилось до 5 рабочих семей (16—18 чел.), можно судить по глиняной корчаге с зарубкой, служившей для приготовления пищи в общей печи, кованому железному крюку для подвешивания к потолку ляльки и так называемой «кошке», на которую вешали на ночь одежду.

Из двух экспедиций 1958 г. в сельские местности одна продолжала многолетнюю работу Музея по изучению крестьянских промыслов и народного прикладного искусства, другая явилась первой попыткой сбора материалов по истории крестьянского движения.

Костромская экспедиция (начальник С. К. Жегалова) ставила своей целью изучение истории художественных промыслов и сбор образцов местных изделий бывш. Галичского и Буйского уездов Костромской губ. (теперь одноименные районы Костромской обл.). Экспедиция продолжила работу, начатую еще в 1957 г. в бывш. Ростовском уезде Ярославской губ. (ныне одноименный район Ярославской обл.). Выбранный район еще издавна славился мастерами плотничьяго и малярного дела. Экспедиция собрала материал, характеризующий организацию производства, условия труда и быта крестьян-отходников, процесс выделения из их среды предпринимателей.

нимательской прослойки подрядчиков, развитие своеобразных форм эксплуатации подрядчиками рядовых артельщиков и ряд других существенных явлений в жизни дореволюционной деревни данного района.

Экспедиция собрала образцы будничной и праздничной одежды жен маляров и плотников, сшитой на городской манер из сатина и шелка, и на основании рассказов старожилов зафиксировала исчезновение домотканины в обиходе крестьян этого района уже в конце XIX в. Приобретенная здесь домотканная одежда принадлежала

Рис. 2. Семейная фотография рабочих Яхромской фабрики 1913 г.

пришлым крестьянам из Вологодской губ. У коренного крестьянского населения получены образцы фарфоровой и фаянсовой посуды с марками предприятий Куриновых, бр. Корниловых, Баженовой.

Проникновение городских форм быта в районы развития крестьянских промыслов особенно ярко прослеживается на предметах, принадлежавших семьям из предпринимательской прослойки населения. Экспедиции удалось получить часть домашней утвари и предметов домашней обстановки у членов семьи бывшего богатого крестьянина- заводчика близ Галича, проживающих в старом двухэтажном доме. Часть этих предметов, находившихся прежде в нижнем жилом этаже дома,— деревянная скамья, железный светец — воспроизводят традиционные местные формы. Предметы с верхнего парадного этажа — подвесная люстра для керосиновой лампы, настольная лампа, бра для свечей, медный подсвечник и другие — являются образцами фабричных изделий, рассчитанных на спрос со стороны зажиточного населения. От этой же семьи получены два возка, отдельные предметы одежды и ряд других бытовых вещей. Интересно изображение самого дома, сделанное в 1830-х годах вскоре после его постройки местным художником, выходцем из среды мастеров малярного дела.

Документальные материалы, собранные у старожилов, указывают на места работы крестьян-отходников (преимущественно в Петербурге), раскрывают характер их отношений с подрядчиками, помогают определить культурный уровень местного населения. Записи в платежной книжке И. Осокина из деревни Льгово (1900) показы-

вают кабальные условия оплаты труда артели плотников, нанятой подрядчиком П. Седовым. Собранны также фотографии крестьян-маляров, плотников, резчиков дереву, относящиеся к концу XIX — началу XX в.

Особое место в коллекциях экспедиции занимают образцы изделий местных промыслов, на которых можно наблюдать причудливое переплетение старинных мотивов местного народного искусства с мотивами, заимствованными из городского зодчества. Расписные изделия — колыбель середины XIX в., сундук конца XIX в., валек начала XX в., а также несколько экземпляров расписных и резных прялок местного производства — существенно пополняют коллекцию деревянных изделий Костромской губернии, хранящихся в Отделе дерева Государственного исторического музея, и помогают определить и датировать ряд предметов из старых коллекций. Дальнейшее изучение даст возможность составить более полное представление о районах распространения отдельных видов народного прикладного искусства, и об их характерных признаках.

Экспедиция в Полтавскую область (начальник Л. П. Минарик) является одним из первых выездов сотрудников музея с целью изучения капиталистического земледелия Украины. Эта экспедиция имела специальное задание — собрать материалы о революционном движении на Полтавщине в 1902 г.— крупнейшем крестьянском выступлении накануне первой русской революции. Экспедиция посетила села Ковалевку, Максимовку, Варваровку, деревни Лисичью, Давыдовку и Смородщину. Записаны рассказы 20 крестьян-очевидцев и участников движения, собрано значительное число фотоснимков малоземельных крестьян и батраков крупных поместочных экономий, различные документы, рабочий инвентарь, предметы быта.

Из крестьянской одежды приобретено несколько домотканых женских сорочек с характерной вышивкой, яркие юбки, женские украшения, мужская и женская верхняя одежда из грубого домотканного шерстяного материала — сермяк и серячина, мужская барашковая шапка — кожух. Большую редкость представляет привезенная экспедицией мужская и женская одежда для полевых работ из домотканного полотна. Домотканые полотенца с ручной вышивкой представляют интересные образцы сочетания традиционного местного орнамента с сюжетными картинками и надписями, скопированными из книг. Все полученные предметы и документы крестьяне хранили в буквальном смысле слова под землей, так как многие из сел этого района были полностью разорены и сожжены во время двух последних войн.

Три экспедиции 1958 г. были посвящены изучению отдельных районов национальных республик

Прибалтийская экспедиция (начальник З. А. Огризко) собирала материал по теме «Развитие капитализма в промышленности и сельском хозяйстве Латвии в начале XX в.: развитие революционного движения». Эта экспедиция начинает работу по изучению прибалтийских республик, рассчитанную на несколько лет. Она рабо-

Рис. 3. Костюм латышской крестьянки из района Алсунги. 1890 г.

тала в городах Рига и Лиепая и в ряде сельскохозяйственных районов (Туккумский Талсинский, Кулдигский и Айзспутский).

Собранные экспедицией материалы характеризуют основные особенности в развитии латышской деревни. О хозяйстве немецких баронов, крупных землевладельцев в Латвии, рассказывают фотоснимки начала XX в., на которых изображены баронские имения в Дундаге, Казданге и других местах, а также современные фотоснимки сохранившихся баронских замков, хозяйственных построек и т. д. Особенность этого района с высокоразвитой техникой — полная замена старых сельскохозяйственных машин и орудий современными, поэтому в качестве вещественных памятников старой сельскохозяйственной техники удалось получить лишь фирменные марки с мельничных машин, привезенных в свое время из Швейцарии. Своеобразным источником для изучения культуры сельского хозяйства в Латвии являются документы о деятельности школ рациональной ковки лошадей в Риге и в Туккуме.

Характерные для латышской деревни крупные кулацкие хозяйства представлены в материалах экспедиции предметами обстановки зажиточного крестьянства, в кото-

ую входят: шкаф с расписными дверцами, кровать, раскладной стол, скамья, сундук для приданого, курбис — корзина для белья, домашняя утварь, покупные часы с кукушкой и другие вещи. Документальные материалы включают фотоснимки владельцев хуторов, контракт на покупку хутора у баронессы, план хутора и др.

О жизни батраков рассказывают их фотографии и отдельные бытовые предметы: циба — дубовая коробка для масла или сала, которую брали в поле, пур — мера для зерна, применявшаяся при расплате с батраками. Интересны сведения о детском труде в дореволюционной латышской деревне, содержащиеся в сочинениях учащихся сельской школы имени Динсберга близ Дундаги. В работах детей, написанных в 1898 г., проходит тема тяжелого труда маленьких пастухов.

Экспедицией привезены латышские национальные костюмы (рис. 3). Сохранение местных традиций в латышской деревне при значительной перестройке быта в эпоху

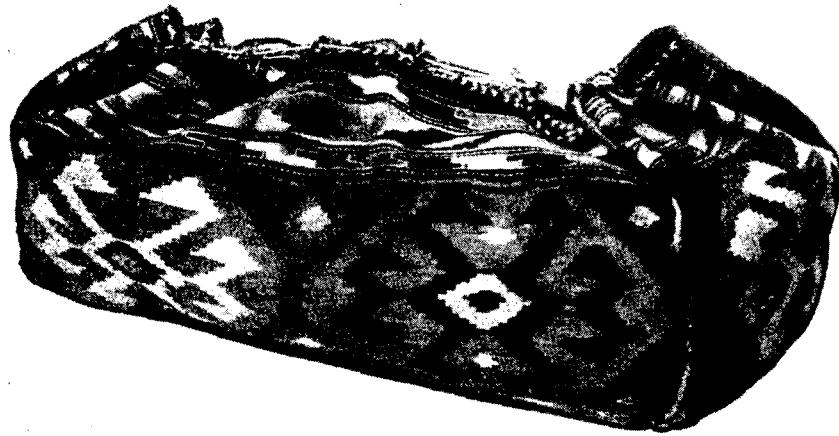

Рис. 4. Мапраш — мешок для хранения постели. 1912 г. Село Севкар Иджеванского района

развития капитализма было обусловлено борьбой народа за национальную культуру против засилья немецких баронов.

В связи с изучением развития промышленности в Латвии и революционных выступлений латышского пролетариата был обследован ряд предприятий, собрана значительная коллекция фотографий заводов и отдельных цехов, групповые снимки рабочих и много документов. Среди мемориальных вещей интересен брелок в форме кандалов, сделанный сосланным в Сибирь рижским слесарем-революционером Эрдманисом.

Армянская экспедиция (начальник Э. С. Коган) рассчитана на два года. В 1958 г. проводилось обследование Зангезурского района в целом и отдельных промышленных центров Армении — городов Кафана и Алаверды.

В Зангезурском районе собраны материалы о феодальном землевладении и крестьянском землепользовании, а также ряд сельскохозяйственных орудий: крупные и мелкие лемехи для плугов, серпы с «пальцами» — особыми местными приспособлениями для ускорения работы. Членами экспедиции сделана серия снимков сохранившихся монастырей — бывших феодальных землевладельцев Армении. Ряд фотографий крестьян Зангезура показывает характерное для этого района явление — крестьянский отход на заработки в промышленные центры (Баку, Мерв и др.). Вливаясь в ряды рабочего класса, недавние крестьяне принимали активное участие в революционной борьбе и вовлекали в нее своих односельчан. На снимке 1912 г., сделанном в Баку, изображены три брата Борян, выходцы из села Чембарак около Севана; среди братьев — активный участник революционных событий Арменак Борян, один из двадцати шести бакинских комиссаров.

В промышленных районах Армении собраны образцы ручных орудий, применявшимися в медных рудниках: совковая лопата, буры, корзинка для подъема руды, шахтерские лампы. Часть орудий была изготовлена для Музея в Зангезурском рудоуправлении по старым образцам. Из документов интересен план земель, отведенных французской компанией под Алавердские рудники и медеплавильный завод в 1870-х годах, а также фотографии рабочих — армян и персов, снимки, запечатлевшие основные производственные процессы.

Собранны предметы, бытовавшие в крестьянских семьях; в их числе — гончарные посуда из Гонесского района, изготовленная в начале XX в. из местного сырья; вторяющая старинные армянские национальные формы, массивная керамическая лоница в форме шатра, изготовленная крестьянкой из селения Уз Сисианского района. Привезено также несколько толстостенных луженых сосудов из красной меди: кувшины, блюда, кружка для воды, котел для варки пищи, тарелки, миски и ряд других. По свидетельству старожилов, медную посуду высоко ценили в селениях Зангерзее, давали в приданое, передавали по наследству. По количеству медной утвари обиходе семьи можно было в известной мере судить о ее благосостоянии. Сравнение медной утвари из Армении с изделиями, привезенными из других районов Закавказья, в частности, с произведениями знаменитых лагичских мастеров, позволит дальнейшем изучении полнее выявить происхождение и значение этих памятников материальной культуры. В связи с этим интересны полученные экспедицией сведения о деятельности мастеров-медиников переселенцев из Лагича, обосновавшихся в Армении близ медеплавильных заводов.

Приобретены тканые крестьянские безворсные ковры и предметы армянской национальной одежды. Среди них ковер — корпет конца XIX в., мешок для соли — агаман, сделанный в 1916 году образец ковровой ткани — дже-джа, выючные мешки — хурджины и другие изделия; известны имена мастеров, изготавливавших эти предметы. Очень интересен по форме, орнаменту и сочетанию красок мапраш — мешок для хранения перевозки постельных принадлежностей, изготовленный крестьянкой Саребекой в селении Севкар Иджеванского района в 1912 г. (рис. 4). Предметы домашнего ковроткачества характерны для полууставриархальной армянской деревни дерево люционного времени. Теперь они почти полностью вытеснены фабричными изделиями. То же следует сказать и о национальном армянском костюме. Экспедиции удалось получить полный женский костюм с головным убором, серебряными украшениями и серебряным поясом, украшенным черневым орнаментом (сел. Горис Зангерзурского района, 1912). Из мужской одежды привезен архалук из села Уз Сисианского района и отдельные предметы из других районов.

Рис. 5. Часть якутского женского костюма — «корсет». Конец XIX в.

Характеризующие развитие Ленских приисков, положение, быт, условия труда местного населения. Особое место в работе заняло изучение Ленских событий 1912 г. Другой самостоятельной задачей явился сбор материалов, рисующих положение якутского народа в предреволюционный период. Объединение различных районов в экспедиционном маршруте объясняется тем, что экономическое развитие Якутии в предреволюционное время было тесно связано с развитием ленской золотой промышленности.

Материалы по истории Ленских приисков включают документы о владельцах отдельных золотоносных участков в различные годы, планы приисков и разработок, многочисленные фотографии приисков и отдельных видов работ. Экспедиции удалось собрать большие серии открыток 1900—1910-х годов издания Шерер и Набгольц в Москве, сделанных на основании натурных съемок местных фотографов. Все эти материалы позволяют проследить конкретную историю золотопромышленных компаний, возникновение монополистических объединений и ряд других моментов.

Условия труда рабочих характеризуют: ручной инструмент для добывания породы и промывки золота, часть производственной одежды рабочих — шапка-татарка, «полуболотные» сапоги. Из праздничной одежды присякатель привезены: синяя шерстяная рубаха с кокеткой и широкими рукавами (местное название «надевашка»), бобровая шапка с бархатным верхом, цветные полосатые пояса из кружевного шелка. Представление о праздничном костюме золотопромышленника старого времени дополняют бытовые фотографии, на которых можно увидеть, кроме «надевашки» и бобровой шапки, также широкие плисовые шаровары и традиционную золотую цепочку через грудь.

В г. Бодайбо и на приисках, рабочие которых принимали активное участие в забастовке 1912 г., удалось встретиться с одиннадцатью участниками забастовки и пятью

вдовами расстрелянных и записать воспоминания. Были получены сведения о 27 участниках Ленских событий. Большой интерес представляет привезенный экспедицией неопубликованный фотоснимок рабочих механических мастерских на бывшем Надеждинском прииске 1911 г.; многие из них были активными участниками Ленской забастовки и представителями местной социал-демократической группы. Удалось найти также четыре снимка, запечатлевших отдельные моменты забастовки.

Во время пребывания в городах и поселках Якутии и Восточной Сибири участниками экспедиции были собраны материалы по истории сибирской и якутской ссылки, а также отдельные фотографии и документы, отражающие период борьбы за установление здесь Советской власти. Наибольшую ценность представляют групповые снимки членов молодежных социал-демократических кружков, сложившихся в Якутске при участии ссыльных революционеров, и фотографии Е. Ярославского и Г. Петровского, относящиеся к 1917 г.

Рис. 6. Якутский женский головной убор. Начало XX в. Сунтарский район

Попутно была продолжена работа по изучению быта непролетарских городских прослоек — местного купечества, чиновничества и интеллигенции. Интересны бытовые вещи и фотографии, относящиеся к истории семьи витимских купцов Поповых.

В Якутии экспедиция изучала основные виды хозяйственной деятельности якутов в прошлом — сельское хозяйство, ремесла, охоту в Якутском и Вилюйском районах. Привезены: соха-горбуша, серп, борона, кузнечные меха, инструмент для обработки дерева, охотничье оружие, капканы, рыболовные сети, якутские лыжи и другие предметы. Удалось найти также образцы медных и железных ремесленных изделий, бытовавших в якутской деревне, в том числе комплект железной домашней утвари, совпадающей с ассортиментом в перечне железных предметов, составленном В. Серошевским на основании его наблюдений в 1890-х годах.

Якутская женская одежда представлена в коллекциях экспедиции несколькими «корсетами» и «халадаями» из шелковой ткани, бытовавшими в тойонских семьях в начале XX в. (рис. 5), отдельными образцами верхней одежды и обуви, относящимися к более позднему времени, а также некоторыми женскими головными уборами, среди которых особенно интересна шапка — джабака из Сунтарского района (рис. 6).

Привезен ряд образцов народного прикладного искусства — изделий из дерева, бересты, серебра, волоса и других материалов. Среди них выделяются несколько деревянных коробок, окрашенных в черный цвет, с национальным резным орнаментом; пятнадцать чоронов — сосудов для кумыса с резьбой и элементами скульптурных украшений. Получены многочисленные предметы конского убранства и упряжи, несколько образцов якутских седел. Небольшая коллекция чепраков содержит образцы XIX — начала XX в., характеризующие особенности художественных приемов в различных районах Якутии.

Предметы быта и культуры якутского народа конца XIX — начала XX в. позволяют проследить ряд характерных национальных мотивов и форм и вместе с тем следы значительного влияния в хозяйстве и искусстве якутов.

ВЫСТАВКА ДЕКОРАТИВНОГО ИСКУССТВА УЗБЕКИСТАНА

С 16 февраля по 9 марта 1959 г. во время декады искусства и литературы Узбекистана в Москве, в помещении Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина была организована выставка изобразительного и народного декоративного искусства Узбекской ССР.

Раздел народного декоративного искусства занимал на выставке значительное место: было представлено около 750 произведений. Участниками этого раздела выставки были 150 народных мастеров и художников и 10 художественных артелей. Выставка дала достаточно полное представление о современном состоянии народных художественных промыслов республики, а также о творчестве отдельных мастеров. Преобладающая часть показанных экспонатов была создана в течение последних лет. В экспозиции были отражены все ныне существующие отрасли народного искусства.

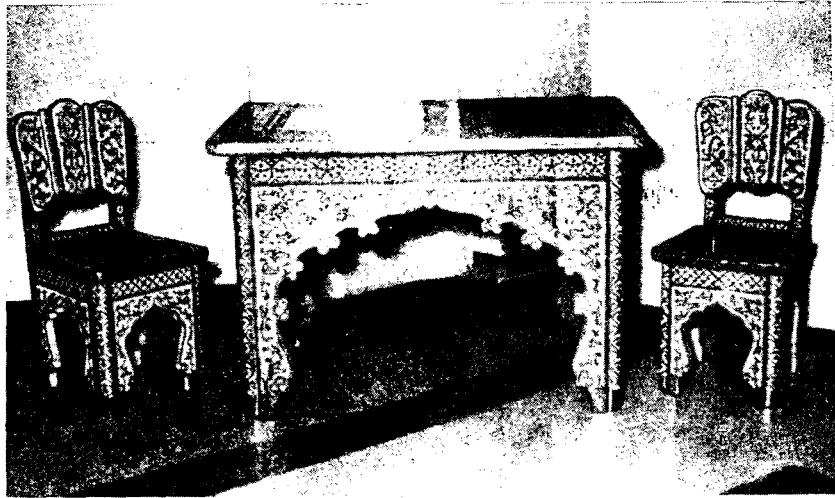

Рис. 1. Гарнитур детской мебели. Резьба по дереву. Работа Кадырджана Хайдарова, Коканд, 1958

резьба по ганчу (алебастр) — один из наиболее распространенных видов архитектурного убранства Узбекистана, резьба и роспись по дереву, керамика, вышивание, узорное ткачество и ковроделие, художественная обработка металла и ювелирное дело.

Искусство резьбы по ганчу в советскую эпоху нашло блестящее выражение в оформлении театра оперы и балета имени Навои в Ташкенте и других театров, клубов и жилых домов республики. Экспонированные на выставке резные ганчевые панно выполнены народным художником УзбССР, лауреатом Сталинской премии Ташпулатом Арсланкуловым, мастером Махмудом Усмановым и их учениками. Мастерство исполнения, отличающее работы молодежи, говорит о преемственности вековых традиций этого искусства. Во многих панно чувствуется стремление авторов средствами своего искусства создать произведение на современную тему. Одной из наиболее удачных является композиция молодого мастера Фаттаха Касымова — «Миру — мир». Внутри фигуриной арки на голубоватом фоне изображена ваза с цветущей веткой, а над ней — земной шар с голубем мира.

Большой интерес представляют изразцовые мозаичные панно и решетки, выполненные мастерами Самарканда и Бухары. Работая много лет над реставрацией знаменитых архитектурных памятников XIV—XVII вв., мастера добились высокой техники исполнения мозаики и красных цветов глазурей. Глазурованная облицовка, широко применявшаяся в прошлом в архитектуре Средней Азии, незаслуженно забыта в настоящее время. Превосходные работы мастеров-реставраторов указывают на возможность использования керамической облицовки и в современной архитектуре.

Резьба и роспись по дереву также являются традиционными видами архитектурного убранства Узбекистана; ими украшают и бытовые изделия. В XIX — начале XX в. резьбой покрывали двери, ставни, ворота, колонны; из дерева вырезали штампы для набойки, подставки для книг (лаух). Орнаментальной росписью покрывали потолки, фризы, капители колонн, а также бытовые предметы: седла, детские колыбели и пр. С начала XX в. мастера стали изготавливать резные и расписные столики.

Искусство современных резчиков по дереву, — а особенно мастеров росписи (накош) — находит широкое применение в оформлении новых общественных зданий и жилых домов, при изготовлении мебели и некоторых мелких бытовых предметов. Необ-

ходило отметить поиски мастерами новых форм мебели применительно к современному быту: кроме известных ранее шестиугольных и восьмиугольных столиков, на выставке были показаны прямоугольные столики для радиолы, для шахмат, гарнитуры детской мебели, трюмо, диванчик, ширма, этажерка, шкаф.

Среди резных изделий обращали на себя внимание высокохудожественные произведения кокандского мастера Кадырджана Хайдарова: большая двусторчатая дверь, украшенная удивительно живым, гибким растительным узором, изящные высокие тумбочки, каждая боковина которых имеет особый кружевной геометрический орнамент. Гарнитур детской мебели, сделанный Хайдаровым, был одним из лучших экспонатов выставки (рис. 1). С большим вкусом мастер распределил на мебели участки резного орнамента по гладкой полированной поверхности дерева. Следуя кокандской традиции, Хайдаров сочетает в одном изделии растительный и геометрический орнамент и различную технику резьбы — низкую плоскую и объемную, с моделировкой деталей.

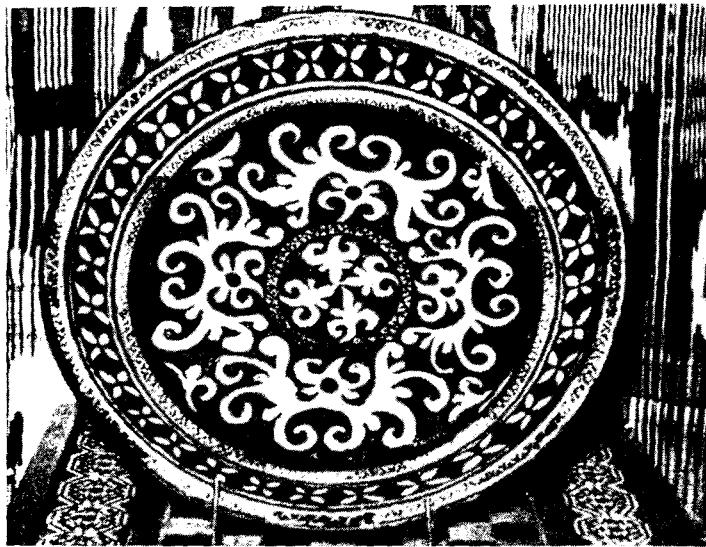

Рис. 2. Блюдо. Глина, подглазурная роспись. Риштан, 1942

Работы известного ташкентского мастера Максуда Касымова и его учеников можно узнать по особому типу плоского растительного орнамента, включающего коробочки хлопка, по умелому сочетанию резьбы со вставками ажурных наборных решеток (панджара).

Орнаментальная роспись мебели близка архитектурной росписи. Она представляет собой крупную контурную геометрическую сетку, как бы наложенную на узор из изогнувшихся веток с листьями и цветами. В пределах этого орнаментального стиля каждый мастер применяет свои композиции и расцветки. Так, изделия старейшего мастера, заслуженного деятеля искусств УзбССР Якубджана Рауфова и его учеников отличаются традиционным сине-зеленым колоритом. Талантливые мастера среднего поколения Таир Тахтаходжаев и Джалил Хакимов выполняют роспись в новой для Узбекистана золотистой гамме.

Несмотря на большие успехи в творчестве мастеров резьбы и росписи по дереву, им предстоит еще большая работа над созданием новых современных форм мебели и бытовых изделий (полочек, рамок, пеналов и т. п.), которые могли бы иметь спрос у населения нашей страны.

На выставке в Москве была богато представлена народная бытовая керамика Узбекистана. Благодаря стараниям организаторов выставки, ее участниками стали не только мастера, работающие в артелях основных центров производства керамики — Ташкента, Риштана, Гиждувана, но и мастера из других районов, не объединенные в артели.

На выставке можно было познакомиться с основными местными керамическими школами. Хорезмская школа была представлена работами старейшего, недавно умершего мастера Балта Ваисова из селения Ханки. Характерные для Хорезма глубокие конусообразные чаши с прямо поднятым бортом (бадия) украшены бирюзовыми и белыми растительными плетениями, напоминающими облицовку хивинской архитектуры XIX в. Изделия гиждуванских мастеров Усмана Умарова и его ученика Ибадилло Нарзуллаева — чаши (коса), блюда (ляган), сосуды с крышкой для сладостей (кандон) выполнены в традиции гиждуванской керамической школы. На темно-коричневом фоне выделяются

ляется растительный узор белого, кирпично-красного, синего и зеленого цветов. Особый эффект придает этим изделиям густая желтоватая полива. Блюда мастеров селени Риштан (Ферганской долины) отличаются красивыми и разнообразными растительными орнаментами сине-зеленых тонов на белом фоне (рис. 2).

Об искусстве ташкентских мастеров, работающих во главе с Камалом Тураповым в артели имени Баранова, давало представление большое количество разнообразных форм изделий. Они украшены мелким многоцветным орнаментом с процарапанным контуром узора (техника «чизма»). Однако на обсуждении выставки ташкентская керамика была подвергнута справедливой критике за чрезмерную измельченность и схематичность орнамента, за механическое подражание новым изделиям Казахстана (алма-атской керамической станции).

Очень интересно и самобытно творчество самаркандского мастера Умара Джуркулова. Носики его сосудов для воды (офтоба) изображают то попугая, то соловья, то

сказочную птицу «кумри-сафид». Некоторые сосуды имеют форму утки (урдак) (рис. 3), другие — двухголового барана (кучкар). Интересны глиняные игрушки-свистульки, изображающие коня, барана, единорога и даже слона и сказочного дракона. Образы своих произведений Джуркулов черпает из народного фольклора Узбекистана, из произведений древнего искусства, находимых в раскопках. Фигурка Джуркулова близки свистулькам 70-летней Хамро Рахимовой из кишлака Уба близ города Вабкента Бухарской области (рис. 4).

На выставке были показаны игрушки не скольких типов — лошадь с длинной шеей и гривой, похожая на глиняные фигурки лошадей, находимые на городищах Средней Азии (середина I тысячелетия н. э.), лошадь со всадником в седле, баран с большими закрученными рогами, иногда с птичкой на спине, львенок с открытым пастью. Фигурки раскрашены в ярко-малиновый, синий и желтый цвета, напоминая эти русские вятские игрушки. Хотелось бы, чтобы производство игрушек стало более массовым, а не ограничивалось работой одной мастерицы и трех ее учеников.

Помимо произведений народных мастеров, на выставке демонстрировались работы профессиональной художницы С. Ф. Раковой,

Рис. 3. Сосуд для воды (офтоба) в форме утки (урдак). Глина, подглазурная роспись. Работа Умара Джуркулова, Самарканд, 1958

удачно использующей старые народные традиции в области керамики. В круглое доньшко тарелки художница мастерски вписывает фигуру то сидящей девочки с хлопком, то вышивальщицы с тюбетейкой и т. п. Фигуры обрамлены скромным изящным орнаментом. Особенно интересна тарелка с изображением двух сборщиков хлопка; фоном им служат ряды черных полосок с белыми горошинами, которые напоминают хлопковое поле (рис. 5).

Все эти сюжетные изображения являются новшеством в керамике Узбекистана; вместе с тем общая золотисто-коричневая гамма росписи — черно-белый рисунок и характер орнамента — напоминают самаркандскую керамику XI—XII вв.

Производство гравированной металлической посуды, развитое в XIX в., в настоящее время из-за отсутствия спроса почти прекратилось. Этим объясняется, что на выставке было показано лишь несколько подносов и сосудов для воды, выполненных еще в 1930—1940-х гг.

Ювелирные изделия пользуются большой популярностью в Узбекистане. Естественно, что с изменением костюма и всего уклада жизни должны были измениться и женские украшения. Но при создании новых форм необходимо было использовать достижения старого мастерства. Между тем, первые образцы, выпущенные ташкентской ювелирной фабрикой, которые демонстрировались на выставке, такие, как, например, клипсы в виде золотой пуговицы с рельефной звездочкой, нельзя считать удачными.

Высокого художественного совершенства достигло в Узбекистане традиционное искусство узорного шелкоткачества. Особенно славятся шелковые ткани городов Ферганской долины — Маргелана и Намангана. Посетители выставки любовались красивыми нарядными полосатыми полушелковыми тканями «бекасаб» и узорными шелками «хан-атлас», выработанными в артелях этих городов. Наиболее распространен бекасаб ферганского образца, с чередованием нешироких фиолетовых, зеленых, белых и малиновых полос холодных оттенков. Бекасаб бухарского рисунка имеет широкие полосы более яркой расцветки. Ткань бекасаб употребляется на мужские халаты. Хан-атлас — лучший сорт чисто шелковой ткани. Узор хан-атласа пестрый с расплывчатыми контурами. Одни ткани имеют черно-белую расцветку с вкраплением синего или зеленого; другие — желтых тонов с красно-зеленым узором, третьи — с преобладанием красных тонов.

Ткани типа хан-атлас называют «абр» (облако). Орнамент наносится на основу до-

тканья. Для получения многокрасочного узора основу окрашивают последовательно в несколько цветов, изолируя путем перевязки те ее части, которые не подлежат окраске в данный цвет. Краски ложатся на открытые места и слегка затекают под перевязку, что и придает контурам узоров расплывчатость. Хан-атлас употребляется для национального праздничного женского платья.

Кустарная набойка — другой вид красивой местной декоративной ткани — за последние годы почти перестала производиться в Узбекистане. Такому состоянию этого производства соответствовало небольшое количество выставленных скатерей (дастархан) работы единственного ташкентского мастера Хакима Абдурахимова.

В современном быту Узбекистана ковры не только постилают на пол, как это было всегда, но и вешают на стены. Наряду с вышивками ковры используются для убранства в торжественные дни общественных зданий. Большой спрос на ковры вызвал восстанов-

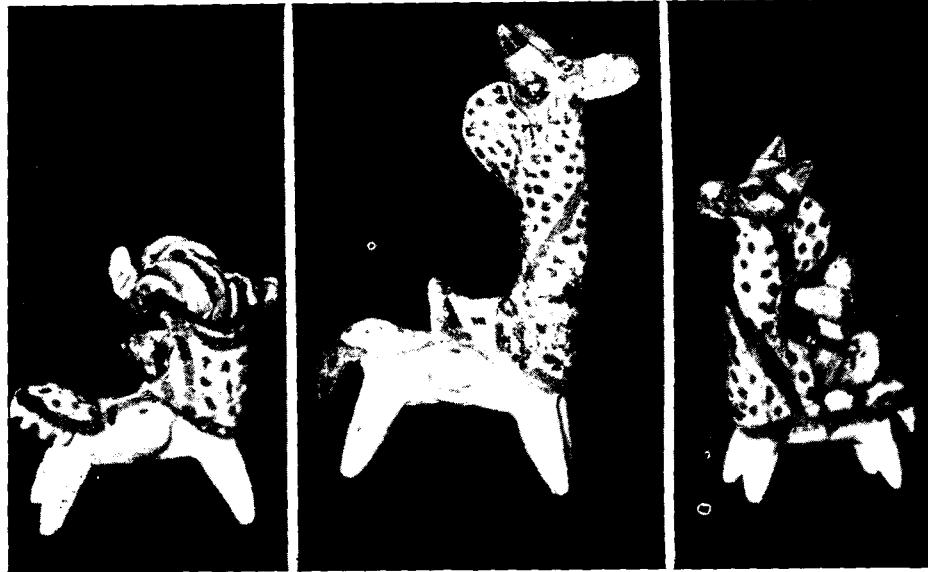

Рис. 4. Детские глиняные игрушки. Работа Хамро Раҳимовой, Вабкент, 1958

ление ковроделия в старых центрах их производства и возникновение новых центров. На выставке были показаны паласы (каршинской артели «Учкун», шахрисябзской артели «Худжум» и хивинской артели «Умид») и ворсовые ковры (вырабатываемые в Андижане, Самарканде и Хиве).

Узор на паласах, называемых «араби», выполнен цветными нитями утка, которые пропускаются не по всей ширине основы, а лишь отдельными участками, соответственно рисунку. В результате между нитями разных цветов образуются вертикальные зазоры. Контуры узоров обычно получаются ступенчатыми. Особенно декоративны каршинские паласы, орнамент которых состоит из крупных геометрических форм, а расцветка отличается яркими контрастными сочетаниями: красного и зеленого, синего и желтого, черного и белого цветов, причем все эти цвета могут встретиться на одном ковре.

Среди экспонированных ворсовых ковров хорошими техническими и художественными качествами отличается ковер, вытканный мастерами андижанской артели «Миҳнатюли» по типу старого ковра, созданного киргизами рода Хыдырша, живущими в Ферганской долине. Орнамент этого ковра — геометрический, повторяющийся по всему полю; расцветка — красно-синяя.

Кроме повторения старых рисунков, ковроделы работают над новыми композициями. В этой связи следует отметить приятный по расцветке ковер с оригинальным узором «юлдуз» (звезда), вытканный хивинскими ковровщицами по эскизу художника В. Е. Василенкова. Узор ковра навеян керамическими облицовками хивинской архитектуры, но получил здесь своеобразное решение.

Вышивка — также один из самых распространенных и массовых видов прикладного искусства Советского Узбекистана — занимала видное место в продукции художественных артелей республики, представленной на выставке. Здесь демонстрировалось несколько десятков тюбетеек различных типов, изготовленных за последние годы в городах и селениях Узбекистана; сузаны ручной и машинной работы, золотошвейные изделия и др. Тюбетейки — часть современного узбекского национального костюма мужчин, женщин и детей. Изготовление тюбетеек — подлинно народное искусство. Женщины-вышивальщицы создают каждый год новые варианты узоров и расцветок тюбетеек.

На выставке были показаны: ташкентские тюбетейки с цветочным узором по белому фону, вышитые сплошь крестом (ироки) и бархатные с вышивкой бисером; чулки черные с четырьмя изящными белыми овальными фигурами (тустули) и необычные: технике исполнения (пильта-дузи) тюбетейки из селения Байсун Сурхан-Дарынской о ласти, ребристая поверхность которых сплошь защита гладью цветными нитками, обр зующими цельный узор. На выставке демонстрировались превосходные изделия шахр сябзской артели «Худжум» — тюбетейки, женские жилеты, наволочки на подушки и т. со сплошной вышивкой ироки, особенно развитой в Шахрисябзе.

Здесь же можно было ознакомиться и с крупными декоративными вышитыми г делиями, характерными для Узбекистана. В каждом узбекском доме хранятся перед ваемые по наследству прекрасные декоративные народные вышивки ручной работ Изготовление таких вышивок продолжается и сейчас. У жителей земледельческих оз

Рис. 5. Тарелка «Сборщицы хлопка». Майолика. Работа С. Ф. Раковой, Самарканд, 1958

сов Узбекистана издавна существует обычай украшать стены жилища, особенно по праздникам, декоративными вышивками: большими панно (сузани, гуль-курпа, паляк), занавесями для ниш (чойшаб, кирпеч); покрывалами на сложенные в нише одеяла и подушки (такъя-пуш, болин-пуш, ястык-пуш); фризовыми полосами (дорпеч, зеби-девор). В наши дни этот обычай не только сохраняется в убранстве жилищ, но также применяется и при украшении общественных зданий во время всенародных праздников, школьных экзаменов, выборов в Советы.

На выставке были показаны сузани с рисунком из вишнево-красных кругов и черных завитков, характерных для самаркандских изделий начала XX в., и ташкентские «тагора-паляк» крупного рисунка и яркой расцветки, выполненные сплошной вышивкой гладью вприкреп (басма).

Наряду с трудоемкой ручной вышивкой в Узбекистане за последние годы широкое распространение получает машинная вышивка, образцы которой также были в числе экспонатов выставки. Значительную часть узоров для массовых изделий создают работающие в артелях народных мастеров и мастерицы. Быстро и ловко поворачивая ткань под иглой тамбурной машины, они вышивают орнамент цветными шелками зачастую на глаз, даже не намечая его контуров. В основу орнамента машинной вышивки взяты изделия ручной работы Ташкента и Ферганы начала XX в. Как правило, современные машинные вышивки выполняются яркими шелками по черному сатину, шелку или бархату. Среди экспонатов демонстрировался удачный образец таких изделий: черный бархатный кирпеч (узкая полоска для занавешивания ниши, в которой хранится белье), выполненный мастерницей Хайри Сабировой из ташкентской артели имени И. В. Сталина (рис. 6). Рисунок состоит из двух мотивов: круглой розетки и композиции из веток с

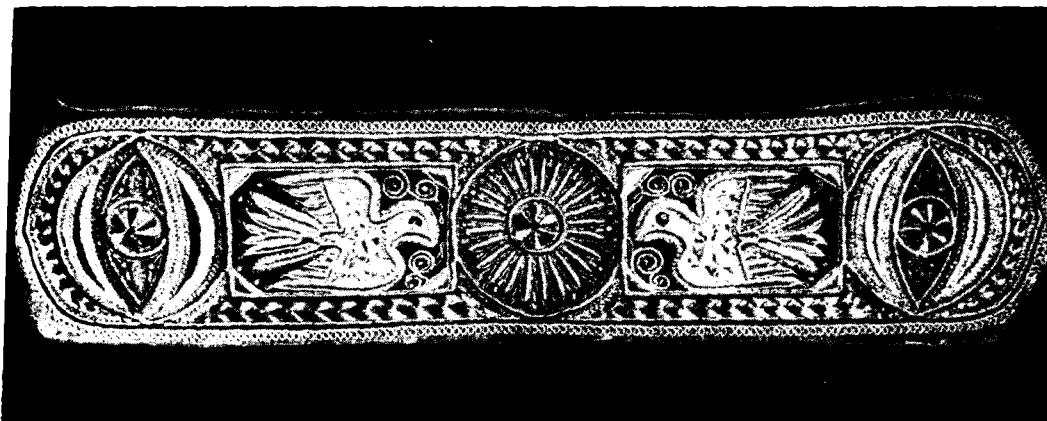

Рис. 7. Налобная повязка (пешонабанд) «Голубь мира». Золотое шитье по бархату. Работа народного художника УзбССР Раҳмата Мирзоева, Бухара, 1958

Рис. 8. Панно «Праздник урожая» (деталь). Золотое шитье по бархату. Эскиз В. П. Столярова и Максумы Ахмедовой. Работа группы мастерниц артели «40 лет Октября», Бухара, 1958

зелеными листьями и красными, розовыми и желтыми цветами, напоминающими тюльпаны. Чередование белого и желтого обрамления розеток придает узору четкий ритм.

К сожалению, большинство массовых изделий отличается резкой, кричащей расцветкой. Остро стоит вопрос о повышении художественного качества массовой продукции артелей.

В создании новых образцов машинной вышивки для массового производства участвуют не только народные мастера, но и художники, работающие в Конструкторско-технологическом бюро Узбекского художественно-промышленного союза. Используя достижения ручной вышивки второй половины XIX в., художники стремятся поднять качество современных вышивок, разнообразить их узор, возродить традицию вышивания на светлых фонах, которая была в XX в. полностью вытеснена вышивками на черном фоне.

Орнамент ташкентских панно (паляк) 1880-х г. с большими красными кругами, почти сплошь заполняющими ткань фона, художница Зарщикова несколько видоизменяет

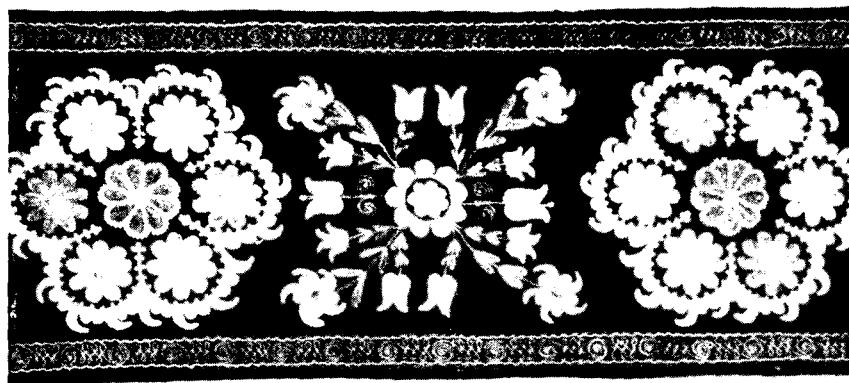

Рис. 6. Занавес на узкую нишу — «кирпеч» (деталь). Машинная вышивка тамбурным швом по черному бархату. Работа Хайри Сабировой, артель имени И. В. Сталина, Ташкент, 1958

в соответствии с техническими требованиями машинной вышивки. В результате получаются более отвечающие современным вкусам изделия, в которых узор несколько тоньше и проще, он как бы облегчен и оставляет больше свободного фона; вместе с тем полностью сохранена национальная специфика. Необходимо также отметить работу художников над новым ассортиментом изделий. Очень удачны дорожки и чехлы для подушек из сурогого полотна и шелка, выполненные по эскизу художницы Кист.

Орнамент, характерный для самаркандских сузан начала XX в., — красные круги в обрамлении черных завитков — умело перекомпонован в соответствии с новым назначением и иными размерами вещи.

В образцах, созданных в Конструкторско-технологическом бюро, достигнут высокий технический уровень тамбурной вышивки, приближающейся к ручной. Кроме того, путем особых приемов вышивания машинный тамбур дает впечатление национального ручного шва «басма». Все это открывает перед машинной вышивкой неограниченные возможности развития. Необходимо, чтобы удачные образцы, созданные художниками, вошли в массовое производство, а главное — чтобы народные мастера и мастерицы, основные создатели замечательного декоративного искусства, получили полную возможность индивидуального творчества, не превращаясь только в исполнителей рисунков художника.

Особо было выделено на выставке золотошвейное мастерство. Искусство золотого шитья, имеющее богатые традиции в прошлом, в советское время продолжают старейшие мастера бухарской золотошвейной артели и их молодые ученицы. Артель производит золотошвейные тюбетейки, женские жилеты и сумочки, наволочки для подушек. Наибольшей популярностью пользуются золотошвейные тюбетейки, которые любят носить девушки Бухары. На выставке были показаны тюбетейки с различными растительными узорами, называемые «бахор» (весна), «тадж» (корона), «саб барг» (сто листьев) и тюбетейки «замин-дузи» (со сплошь вышитым фоном и пятиконечной звездой).

Старейший мастер сплошной золотошвейной вышивки — 80-летний Рахмат Мирзоев представил на выставку несколько женских налобных повязок (пешонабанд) с мотивом плакучей ивы (меджнун-бед) и другими любимыми народными узорами. Узор одной из налобных повязок носит название «голубь мира» (рис. 7).

Мастера золотого шитья в содружестве с художниками выполняют крупные декоративные панно на современные темы. Особенно интересна сюжетная композиция

«Праздник урожая», выполненная группой вышивальщиц под руководством автора эскиза мастерицы Максумы Ахмедовой и художника В. П. Столярова (рис. 8). В этих золотом фибурах людей прекрасно передан ритм их движений; они органически сочетаются с деталями орнамента, в котором главное место занимают стилизованные хлопчатника.

Панно «Праздник урожая» является шагом вперед по пути создания современной сюжетной вышивки. В противоположность многим распространенным в Узбекистане в прошлые годы вышитым портретам и картинам, стремившимся имитировать станковую живопись, в этом панно использованы специфические приемы декоративного искусства, в частности вышивки.

Раздел народного декоративного искусства на выставке в Москве показал большие достижения узбекских мастеров за последние годы. Экспонированные произведения получили высокую оценку на специальном обсуждении, организованном 20 февраля Съездом художников СССР. Было признано, что узорные ткани, отчасти вышивка, а также керамика и ковры превосходны по художественному качеству. Мастерам резьбы по дереву нужно помочь в создании новых форм мебели. В современном юлирном деле следует продолжать поиски более художественных и целесообразных форм с использованием народных традиций. Возрождения ждет искусство набойки. Очень важна для общего подъема художественных промыслов подготовка молодых кадров мастеров. В настоящее время их готовят Отделение прикладного искусства республиканского художественного училища имени П. П. Бенькова и кружки при ташкентском Доме пионеров. Но этого, конечно, недостаточно, тем более, что преподавание веде не во всем отраслям декоративного и прикладного искусства. Для его планомерного развития необходимо воспитать новые кадры высококвалифицированных художников мастеров.

Г. Л. Чепелевецка

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ

26—28 марта 1959 г. в Нальчике работала научная сессия Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института при Совете Министров КБАССР, на которой были заслушаны и обсуждены доклады по проблеме периодизации и по принципам публикации адыго-кабардино-черкесского и балкаро-карачаевского фольклора.

В работе сессии, наряду с сотрудниками Института, с научными работниками, писателями, преподавателями и студентами Кабардино-Балкарского государственного университета и партийно-советским активом Кабардино-Балкарии, участвовали представители научных учреждений Москвы, Ленинграда, Адыгеи, Черкесии, Северной Осетии, Дагестана, Чечено-Ингушетии.

Сессию открыл директор Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института Х. Г. Берикетов, подчеркнувший в своем выступлении большое научно-практическое значение поставленных на обсуждение проблем.

Заведующий сектором фольклора и этнографии Института А. Т. Шортанов сделал доклад «Периодизация, отбор и публикация адыго-кабардино-черкесского фольклора». Докладчик предложил следующую периодизацию: фольклор патриархально-родового строя (I тысячелетие до н. э.); фольклор адыго-кабардино-черкесов в период становления классового общества (IV—начало XIII в.); фольклор адыго-кабардино-черкесов в раннефеодальную эпоху (XIII—XVI вв.); фольклор кабардинцев в феодальную эпоху (XVI—XVIII вв.); фольклор кабардинцев в XIX в. и вплоть до Октябрьской революции. А. Т. Шортанов познакомил слушателей с опытом работы сектора по сбору и публикации на кабардинском и русском языках народного эпоса и фольклора советского периода. Он вынес на обсуждение участников сессии два варианта публикации фольклорных произведений: 1) издание вначале на родном языке, а затем уже подготовка русского перевода; 2) публикация одновременно на родном и русском языках в одной и той же книге.

Заведующий сектором фольклора, языка и литературы балкарского народа А. Ю. Бозиев в докладе «Балкаро-карачаевский фольклор» познакомил участников сессии с историей сокращения и публикации родного фольклора в дореволюционное время (работы С. Урусбиеva, М. Алейникова, Е. Баранова, Вс. Миллера, М. Ковалевского, Н. Тульчинского, венгерского ученого В. Прёле и др.) и подчеркнул, что планомерный сбор устного творчества балкарцев (и карачаевцев) по существу начался только после Великой Октябрьской социалистической революции, которая предоставила все возможности для настоящего глубоко научного изучения неисследованного родника народной мудрости и поэзии.

Работа по сбору фольклорных произведений активизировалась после XX съезда КПСС. В 1958 г. были проведены фольклорные экспедиции под руководством А. Х. Сотаева, давшие ценный материал. Эта работа будет продолжаться летом 1959 г. и в последующие годы. Собранные экспедициями Института материалы уже вошли в сдан-

ный в печать первый том «Балкарских сказок» и подготовляемую к изданию в текущем году «Антологию балкарской поэзии».

В докладе композитора Т. К. Шейблера «Музыкальный фольклор кабардинского и балкарского народов» была дана характеристика музыкальных особенностей фольклора; доклад сопровождался демонстрацией соответствующих музыкальных отрывков.

Сотрудник Института И. В. Трекков свое выступление посвятил отражению древнейших русско-кавказских связей в эпосе народов Кавказа, оценил с позиций марксистско-ленинской науки работы в этом направлении Вс. Миллера, А. Веселовского, Л. Лопатинского и других исследователей и внес ряд практических предложений по дальнейшей разработке этой проблемы совместными усилиями филологов, этнографов, историков научно-исследовательских учреждений.

О родстве ряда фольклорных произведений балкарцев и кабардинцев с произведениями других народов Кавказа говорил сотрудник сектора фольклора, языка и литературы балкарского народа А. Х. Сотаев. Научный сотрудник сектора кабардинского фольклора и этнографии А. А. Дадов познакомил участников сессии с рядом произведений кабардинского народного певца Адельгери Османовича Агоноко, творчество которого до сих пор еще не было известно в науке.

Профессор Северо-Осетинского государственного педагогического института Б. А. Алборов дал весьма положительную оценку деятельности Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института по собиранию и публикации фольклора кабардинцев и балкарцев и высказал ряд ценных замечаний и пожеланий по заслушанным докладам и сообщениям.

Представитель Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР А. Д. Соймонов поделился опытом работы русских фольклористов и указал на необходимость дальнейшего укрепления содружества кавказских научно-исследовательских учреждений и институтов Академии наук СССР в области фольклорной работы.

Об опыте работы своих институтов в области собирания и публикации фольклора и о ряде вопросов фольклористики говорили в своих выступлениях представители научных учреждений других республик и областей Кавказа: Х. М. Халилов (Дагестанский филиал АН СССР), А. М. Гадагатль (Адыгейский научно-исследовательский институт), М. М. Сакиев (Карачево-Черкесский н.-и. ин-т), С. Г. Эльмураев (Чечено-Ингушский н.-и. ин-т), Х. И. Суюнчев (Карачаево-Черкесский н.-и. ин-т), Зара Абаева (Северо-Осетинский н.-и. ин-т) и другие. Ряд соображений и практических предложений по заслушанным на сессии докладам высказали в своих выступлениях сотрудник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института Х. У. Эльбердов, преподаватель Кабардино-Балкарского государственного университета А. Х. Налоев и другие.

В заключение выступил секретарь Кабардино-Балкарского Обкома КПСС тов. Х. И. Хутуев, отметивший большое научное и практическое значение обсужденных на данной сессии вопросов и высокий принципиальный уровень, на котором велось обсуждение. Он призвал ученых еще активнее решать задачи, поставленные перед советской наукой XXI съездом КПСС.

И. Трекков

ДВА НАУЧНЫХ СОВЕЩАНИЯ В ВАШИНГТОНЕ

18—19 ноября 1958 г. в Вашингтоне происходила конференция, посвященная вопросам этнической истории американских индейцев. В конференции приняли участие сотрудники Смитсоновского института, различных университетов страны (Пенсильванского, Индианы, Аризоны, Питтсбурга, а также Канадского университета в Торонто), сотрудники многочисленных музеев (Музей индейцев и Музей примитивного искусства в Нью-Йорке, Музей колониального Вильямсбурга в Виргинии), научные учреждения, учебные заведения (Пенсильванский военный колледж, колледж Уэллса, колледж Амхерста), а также представители правительственные организаций, связанных в своей работе с индейцами (Секция индейских претензий к правительству и др.). С докладами и в дискуссиях выступали люди различных профессий, связанные с изучением индейских проблем.

Конференция была созвана Смитсоновским институтом и недавно организованным обществом этнической истории индейцев. Общество это с 1954 г. издает журнал «Ethno-history» (редактор — профессор университета в Индиане Эрминия Уилер-Богелин). В журнале освещаются вопросы акультизации, этнических связей, публикуются статьи по истории и этнографии индейцев и других народов США.

Конференция наметила обсуждение пяти тем: Индеец в историческом аспекте; Культурные взаимоотношения белых и индейцев; Индеец в представлении белых; Будущее этноисторического исследования; Понимание индейца через его искусство. Одно заседание было посвящено экскурсии в национальный архив для осмотра древних текстов и старинных карт. Ко времени работы конференции и следующего за ней со-

вещания — Ассоциации американских антропологов — Смитсоновский институт, который находится в здании Национального музея и является частью его, организовав временную выставку — «Антропология и столица США» и обновил постоянную экспозицию — «Гуземцы Северной Америки».

Первое заседание было посвящено проблеме «Индеец в историческом аспекте»; на нем обсуждались доклады, посвященные тому или иному малоизвестному историческому факту или вопросам влияния европейской культуры на индейцев. Так, доклад А. Трилиза «Война и мир в Новом Амстердаме. Упадок прибрежных алгонкин» и Н. Вилькинсона «Роберт Моррис и договор у Биг Три» принадлежали к сообщениям первого рода. Вилькинсон рассказал об обстоятельствах, связанных с заключением договора с индейцами сенека на продажу земли (1797). Договор этот был заключен после долгих дипломатических маневров, сопровождавшихся спаиванием вождей. Ко миссионер Роберт Моррис выказал при этом недюжинное знание индейского быта, приложив немало усилий для разъяснения индейским женщинам всех «преимуществ» преследуемой земли.

В докладе Э. Корнплантера, посвященном рассмотрению роли алкоголя в религиозной жизни ирокезов, говорилось об отношении ирокезов к алкоголю, при этом докладчик наметил три периода: первый, когда ирокезы стремились достать виски, чтобы состояния опьянения получить способность видеть пророческие сны, т. е. когда алкоголь имел значение в их религиозной жизни; второй, когда индейцы пили виски с горячими виски; и последний, характеризующийся отрицательным отношением индейцев к виски. Если в первом и втором периодах потребление алкоголя возрастало, то третьем оно резко понижается. Все перечисленные «периоды» связываются с событиями в жизни ирокезов: первый — со временем, когда народ был силен и сравнительно независим, второй — с переселениями и упадком Союза ирокезов, и последний — с современным положением, ростом национального сознания и грамотности и культуры в целом.

Тема «Культурные взаимоотношения белых и индейцев» была представлена четырьмя докладами. Археолог Ноэль Хьюм в докладе «Гончарная посуда индейцев Виргинии» сообщил об изменениях в производстве посуды, вызванных контактом с колонистами. Индейцы-памуники делали для колонистов глиняную посуду по европейским образцам и выменивали ее на нужные им вещи (XVII—XVIII вв.). Интересный доклад «Характер жилища индейцев пузебло и его модификация под влиянием испанцев» принял архитектор из Музея в Вильямсбурге Лоуренс Кохер. Он начал свое сообщение заявлениями, что современное копирование образцов индейской архитектуры, столь распространившееся в США, является еще одним примером ограбления индейцев. Обращение к простым и выразительным формам построек индейцев пузебло при конструировании современных жилых домов и официальных зданий не делает чести американской архитектуре, сказал он. Дело в том, что в нынешнем градостроительстве Америки попадая на необычными формами приняла чрезвычайные размеры, особенно в молодых городах западных штатов. В некоторых случаях в основу конструкции кладутся индейские образцы: здание антропологической лаборатории в Санта-Фе построено в стиле жилья индейцев пузебло, но снабжено дубовыми дверьми, окнами и всеми новшествами в корне противоречащими заимствованному архитектором стилю. Кохер обрушивается на это бессмысленное копирование форм, выработанных народом, жившим в определенных географических условиях и приспособившим местные строительные материалы своим нуждам. «Индейца копируют, — говорил Кохер, — потому, что наш цивилизованный мир XX века не имеет своего стиля, а лишь обширные сведения о стилях других веков». Он предсказывал, что эти новомодные постройки спустя одно — два поколения пойдут на слом.

Большое внимание привлек доклад проф. Пенсильванского университета Ирвинга Халлоуэла, озаглавленный «Индеанизация: локальный пример взаимодействия культур». Халлоуэл отметил, что индеанизация или приобщение к образу жизни индейцев была важным фактором в жизни людей «границы» и «в комплексе расовых отношений в пограничных районах». Он привел множество примеров индеанизации белых и неров, отметив, что восприятие ими индейской культуры было гораздо более полны чем принятие европейской культуры индейцами, которых «цивилизуют» в течение нескольких столетий. Впервые в американской литературе на этот факт обратил внимание Фенимор Купер. К сожалению, — сказал докладчик, — Купер и современные новеллисты пишут об этом больше, чем этнографы. Причину легкости перехода к индейскому образу жизни Халлоуэл видит в институте адоптации (принятие в род причину частых уходов белых к индейцам — в сложности цивилизованного общества). Однако в чем заключалась эта «сложность» докладчик не пояснил.

Ученик Халлоуэла Брюс Ремш, сотрудник Пенсильванского военного колледжа в своем докладе «Индеанизация жителей горных местностей» иллюстрировал мысль Халлоуэла примерами из жизни трапперов. Они перенимали индейскую одежду, жили в глухи, принимали участие в играх индейцев, некоторые объяснялись на языке жеотов, знали обычай индейцев и даже перенимали свойственную им походку. Жениты на индейках способствовала большему приобщению к новой жизни.

Если Халлоуэл намекал на социальные причины ухода «бледнолицых» бедняков к индейцам, то Ремш совершенно отказывается объяснять это явление иными мотивами, чем идеалистические. В заключение своего доклада он сказал: «Индеанизация происх

дила потому, что индейцы и трапперы, жившие на границе, были увлечены теми идеалами, которые предлагали, хотя и не всегда осуществляли, философы того времени, звавшие назад к природе».

Из докладов по теме «Индеец в представлении белого человека» наиболее интересен был доклад Ральфа Барни, служащего департамента юстиции,—«Новые юридические проблемы, возникшие из практики Комиссии по претензиям индейцев». В последнее время Комиссия, созданная для разбора претензий индейцев к правительству США, получает все большее число исков. Совсем недавно индейцы-семинолы Флориды обратились к правительствам Испании и Франции с просьбой подтвердить их исконные права на 200 тыс. акров земли во флоридских болотах. Эти подтверждения необходимы им для последующего предъявления иска США. В случае, если правительство США не признает прав индейцев, подтвержденных Испанией и Францией, которые владели Флоридой в прошлом и официально признавали права семинолов на эти земли, то индейцы обратятся с жалобой в ООН.

Конференция не затрагивала острых социально-политических вопросов современности, за исключением Барни, выступившего с докладом о взаимоотношениях американцев с индейцами. И хотя фактически большая часть докладов была связана с одной из сложнейших проблем — проблемой акультурации индейцев и взаимоотношений между американской нацией и индейскими национальными меньшинствами,— эти вопросы рассматривались в основном на материале далекого прошлого. Между тем, присутствие специалистов различных профессий, так или иначе связанных с изучением современных индейских проблем, могло бы придать конференцииственный характер и способствовать принятию определенных рекомендаций. Несмотря на этот коренной недостаток, как мне представляется, сама постановка проблемы об исследовании этнической истории индейцев в аспекте изучения взаимоотношений индейцев с американцами имеет определенные перспективы. Она неминуемо привлечет внимание ученых и практиков к вопросам современного быта индейцев, их нуждам и требованиям.

* * *

Ежегодное совещание Ассоциации американских антропологов состоялось 20–23 ноября. В организации и проведении совещания приняли участие все этнографические, антропологические и археологические научно-исследовательские институты и организации, а также национальное Географическое общество и Панамериканский союз, финансировавшие совещание наряду с Ассоциацией американских антропологов. Президентами совещания были избраны Гарри Хойжер и Сол Такс; в исполнительный комитет — Фредерика де Лагуна, Джордж Фостер, Давид Мандельбаум, С.-Л. Вашборн, Альфред Киддер II, Ивен Форт.

Секции совещания были построены как по тематическому, так и по географическому принципу и включали следующие темы: Система родства и социальная культура; Культурный контакт и культурные изменения; Личность и культура; Англо-американская культура; Центральная и Южная Америка; Социальная структура, метод и теория; Археология старого света; Экономическая антропология; Вест-Индия; Медицина и здоровье; Мезоамериканская археология; Культурная устойчивость и приспособление; Океания; Североамериканские индейцы; Дальний Восток; Религия в мировом аспекте; Руководство, власть и социальная организация; Общая антропология; Метод и теория; Североамериканская археология; Политическая организация.

Кроме секций, совещание провело несколько дискуссий — симпозиумов на темы: Эволюция человека в свете последних открытий; Чироки-ирокезы; Применение демографии в антропологическом исследовании; Наблюдение за поведением человека и животных; Каста в Индии; Этноисторическая концепция в этнографии; Экспериментальные модели в синхронной лингвистике; Культура и личность; Роль археологии в историческом исследовании; Генетическое родство между языками; Различные изменения в культуре американских индейцев; Острова Рю-Кю; Религиозные и философские воззрения в связи с социально-экономической структурой и другие (всего 14 симпозиумов). Под конец совещания состоялось пленарное заседание, посвященное истории науки. Общее число докладов, прочитанных на совещании, достигло 206. При такой загруженности работы совещания сводилась в основном к прочтению докладов. Выступления были немногочисленны и очень кратки. Они в основном дополняли доклады, не нося дискуссионного характера. Несколько иначе проводились симпозиумы. Иногда председательствующий делал вступление, а затем подводил итоги дискуссии, по докладам выступали заранее намеченные участники диспута.

Как показала конференция по вопросам этноисторического изучения индейцев, проблема культурных контактов занимает в американской этнографии немаловажное место. Это и понятно. США — страна многонациональная, и национальный вопрос, как известно, играет в ней огромную роль. После второй мировой войны к внутренним национальным проблемам прибавились проблемы, связанные с изучением народов, попавших в орбиту американского империализма. Не удивительно, что наряду с докладами в духе старой этнографии, весьма отдаленных от современной действительности, появляется все большее число работ с конкретным подходом к той или иной современной проблеме. В этих случаях служебная роль этнографии выявляется особенно ясно.

Так, на секции «Культурный контакт и культурные изменения» были заслушаны доклады: «Крестьяне и политика: воздействие внешних влияний на культуру» (Д. Хит из Иельского университета); «Средства сообщения в американо-японских отношениях» (В. Макивен из Университета штата Нью-Йорк); «Устойчивость и нововведения в культурном поведении китайских студентов в американском обществе» (В. Митчел из Колумбийского университета) и др.

Доклад Хита был посвящен сельскомуmetisному населению Боливии, живущему к северу от Санта-Крус. Эта часть страны в последние годы подвергается значительному влиянию извне. Проведение новых дорог и железнодорожного сообщения способствовало ввозу новых продуктов для этого района. По программе релокации ООН сюда переселены индейцы кечуа, итальянцы, японцы, которые также принесли с собой различные новшества. Докладчик считает, что необходимо прослеживать изменения различных институтов общества, подвергающегося изменению: системы родства, пищевого рациона, сельскохозяйственной техники. Такого рода исследования могут, по мнению Хита, дать материал для заключений общего характера и, в частности, помогут определить, какие стороны жизни подвергаются изменениям, а какие стабильны и почему.

Весьма любопытен был с точки зрения служебной роли этнографии доклад Макивена о взаимоотношениях между американскими солдатами — служащими военных баз в Японии и местным населением. О научном значении этого доклада говорить не приходится; его идеино-политический смысл был совершенно ясен. Докладчик сожалел о неприязненном отношении японцев к американским солдатам и совершенно умолчал о характере отношения американских солдат к японцам. Пользуясь исключительно научной терминологией, он сообщил, что основной формой этнического контакта между американцами и японцами были совместные развлечения в барах, домах терпимости, встречи с проститутками на улицах, временные сожительства с японками, разговоры в магазинах и т. д. Причину всех «неприятностей», возникающих во время таких «контактов», Макивен свел к незнанию американскими солдатами японского языка. «Контактирующие ничего не знают друг о друге», — сожалел докладчик. На вопрос одного из присутствующих — как японцы относятся к американским солдатам, знающим язык, Макивен с улыбкой ответил, что и в этом случае отношение японцев нельзя назвать хорошими. Председатель секции очень серьезно спросил, не пользуются ли солдаты услугами переводчиков, и получил ответ, что переводчик вряд ли необходим.

Доклад В. Митчела об акультизации китайских студентов особого интереса не представил. Митчел «изучил» всего 26 иммигрантов, уехавших из Китая после революции по политическим соображениям. Однако несмотря на свои взгляды, китайцы были приняты в США не лучше, чем другие выходцы из Азии. Акультизация этой части китайских иммигрантов затруднялась враждебным отношением окружающих, грубостью местных властей и пр.

Секция «Культура и личность» была занята не менее «научными» сюжетами. Так, докладчики Дж. Де Воз (Калифорнийский университет) и Хироши Вагитсума (Университет в Конане) с помощью таблиц рассказали о «психо-культурном» влиянии смерти и болезней на сельское население Японии. Они рассматривали частные случаи и их последствия: смерть отца так повлияла на гуляку-сына, что он стал порядочным человеком; девушка, у которой после тяжелой болезни умерла мать, выйдя замуж, стала следить за своим здоровьем. Совершенно очевидно, что «исследования» такого рода, полностью оторванные от реальных социальных закономерностей, представляют интерес лишь как образец объективистской буржуазной науки, проводники которой не стесняются поставить себя в смешное положение перед серьезными учеными. Это уже другая крайность, так как если Макивен в своей наивной попытке помочь наладить отношения между американскими солдатами и японцами оперирует реальными, пусть и неудачными фактами, преследуя практические цели, то авторы доклада о психо-культурном влиянии смерти выполняют другую задачу — увести науку в тупик, подальше от опасных современных социальных проблем.

Большой интерес представила работа секции «Экономической антропологии» (т. е. в нашем понимании — этнографии). Доклад Э. Кеннарда (Организация ветеранов) — «Рост мужской собственности в матрилинейном обществе» был в сущности посвящен проблеме акультизации. Кеннард показал на примере индейцев хопи, как сначала под влиянием колонизации, а затем при все большем включении индейцев в капиталистическую систему ломаются устаревшие матриархальные общественные отношения. Как уже не раз отмечалось в литературе, колонизация, а позднее капиталистическое общество вовлекали в орбиту новых отношений прежде всего мужчин-индейцев. И естественно, что именно у мужчин появляются новые статьи дохода вместе с новыми занятиями, не связанными с традиционными отраслями хозяйства того или иного племени. У них же появляется собственность (земля, деньги, орудия труда, товары), не связанная с собственностью материнского рода. Торговля с европейцами и американцами, в настоящее время работа на американских предприятиях, на плантациях и пр., продажа предметов ремесла и даже пенсия ветерана войны — все это дает в руки мужчинам матрилинейного общества деньги — основное мерило богатства в капиталистическом обществе, окружающем индейцев со всех сторон, и вместе с денежными отношениями — новое положение в своем племени. Появление железных и проезжих дорог в ранее глухих, трудно доступных местах облегчило возможность перемещений на большие расстояния.

окладчик рассказал, что у индейцев хопи нередко мужчины строят себе дома в 20—0 милях от селения, в месте, где они могут пасти свой скот или развести огород или посадить кукурузу. Обычно такие постройки ставятся на земле, никому не принадлежащей, а следовательно, становящейся собственностью человека, освоившего участок и построившего дом. В докладе прослеживаются в историческом аспекте и вторичные изменения, появившиеся в результате перемен в экономике индейцев хопи. Говоря об изменениях в пищевом рационе, Кеннард в то же время отмечает, что традиционные блюда (так же, как традиционная одежда и утварь) сохраняются в обрядовой жизни. Брак у хопи остается матрилокальным, но теперь муж спустя три-четыре года жизни в доме жениной родни строит для своей семьи отдельный дом. Уже во второй половине 1930-х гг. Кеннард не встретил в селениях хопи ни одного случая совместного поселения замужних сестер. Меняются и обычаи наследования. Но в этой области матриархальные порядки оказываются наиболее устойчивыми.

Особый симпозиум был посвящен этноисторической концепции в этнографии. Организация Общества этноисторического изучения, о котором уже говорилось выше, явилась немаловажным знамением: хаотическое нарочитое смещение фактов и статическое изучение человеческого общества, которому отдали дань многие американские этнографы, и среди них весьма известные, встречает молчаливый или явный отпор со стороны той части американских ученых, которые честно пытаются найти выход из вконец запутанных новомодных теорий, игры в термины и конструкции «моделей культуры».

Не случайны участвующиеся обращения к эволюционизму. Общество должно изучаться в процессе его исторического развития, в его взаимосвязях с окружающей средой — к этому выводу приходит все большее число американских этнографов. В этой связи интересны призывы к представителям различных смежных дисциплин о взаимной увязке и проверке фактов, о сведении воедино данных этнографии, антропологии, истории. Сотрудник Смитсоновского института Уолдо Видел сделал специальный доклад: «Этноисторический подход к археологии». Основная мысль его заключалась в том, что археология, антропология и этнография, должны дополнять друг друга, помогать в определении и проверке фактических данных. Он привел несколько примеров плодотворного сотрудничества наук (уточнение истории науки, восстановление картины появления в прериях индейцев сиу, воссоздание истории индейцев зуны и др.). Доклад вызвал целую дискуссию, но не по существу, а на тему о недостатках в историческом образовании студентов-этнографов и археологов. Руководил заседанием директор Музея естественной истории в Олбени (штат Нью-Йорк) В. Фентон — крупнейший специалист по ирокезам. Он был очень активен: задавал вопросы, выступал, вызывал на споры, чем оживил заседание, превратив его из обычного формального прослушивания докладов в настоящую дискуссию.

В заключение остановлюсь коротко на докладах пленарного заседания. В них подымались те же проблемы, что и в секциях, но это понятно, так как доклады эти в какой-то мере подытоживали работу совещания, а вместе с тем и работу американских этнографов, антропологов и археологов за последние годы. Докладчиками были ведущие специалисты в своей области — ведущие фактически или официально. Куратор отдела антропологии Музея естественной истории в Нью-Йорке Гарри Шапиро сделал доклад на тему: «История и развитие физической антропологии». Мне трудно судить о качестве этого доклада, поскольку я не являюсь специалистом в области физической антропологии, однако общее впечатление от него осталось неудовлетворительное. В основном он содержал перечисление имен антропологов прошлых лет без каких бы то ни было попыток к обобщению. Дополнением к докладу было выступление одного из присутствующих о том времени, когда антропология страдала от церковников.

Содержательный доклад сделал профессор Мичиганского университета Джемс Гриффин. Он рассказал о том, как постепенно от любительства американцы перешли к научному исследованию прошлого своей страны, отметил, что американская археология всегда была связана с этнографическим изучением индейцев и что многие американские археологи были одновременно и этнографами. Являясь специалистом по археологии Северной Америки, Гриффин исключил из своего доклада изучение Центральной и Южной Америки, тем самым отняв у американской археологии добрую половину проблематики и исследователей. Проблема связей между Северной и Центральной Америкой, между центральной и южной частями континента в настоящее время занимает все большее место в науке. Затрачиваются большие средства на археологические работы в Боливии, Гватемале и других странах, где ищут корни древних связей, без чего трудно понять и прошлое североамериканских индейцев. Эта сторона активной деятельности американской археологии осталась в докладе Гриффина совершенно не освещенной.

Большой интерес представил доклад профессора Североизвестного университета в Чикаго Мелвилла Герковица — «Прошлое развитие и современные течения в антропологии» (этнографии). Начал он весьма многоизначительно с отрицания понятия «школы» в этнографии, утверждая единство американских этнографов. «Мы говорим о «школах», но нет ничего более вводящего в заблуждение, чем этот термин. С тех пор как антропология была определена как дисциплина, «школа» была группой ученых, которые в широком смысле принимали одни и те же взгляды, но теряли свое единство в пылу спора». Далее Герковиц утверждал: «Различие интересов и методов подхода

к предмету может быть результатом нашего возрастания в числе». В стремлении доказать единство взглядов американских этнографов Мелвил Герсковиц заявил, что в настоящее время «мы все функционалисты», хотя ранее утверждал, что эволюционная теория разделяется сейчас всеми и стала «монолитной». На значении учения эволюционистов докладчик остановился более подробно, указывая, что они дали научные основы этнографии, которые можно было либо опровергать, либо развивать; эволюционизм был той питательной средой, из которой росла в спорах и противоречиях этнографическая наука. Мысль эта представляется и верной, и интересной. Вызывает серьезное возражение та часть доклада, где Герсковиц перечислял возникшие в ответ на эволюционную школу реакционные направления. Правильно указывая, что представители их критиковали слабые стороны учения эволюционистов, он, однако, совершенно не сказал о том, против каких положений эволюционизма больше всего возражали адепты реакционных школ (например, признание поступательного хода истории, смены формаций). Очень интересной представляется высказанная докладчиком мысль о том, что ряд со временных теорий — «психоэтнография», «психофилософия» с ее теорией ценности и культурным релятивизмом и др. — также возник как отголосок реакции на эволюционизм.

Герсковиц специально остановился на практической стороне деятельности американских этнографов, отметив, что этнография все более и более находит признания как наука, способная помочь в разрешении целого ряда проблем «мировой политики» или «экономического развития», как осторожно определил докладчик экспансию США. Один из примеров, правда не особенно удачных, такой служебной роли этнографии мы видели в докладе Макивена. Герсковиц обратил внимание участников совещания на рост интереса этнографов к этноисторическому изучению индейцев, к проблемам акультизации. Если на совещании прошлого года преобладали доклады, посвященные вопросам религии и искусства, сказал он, то на нынешнем совещании внимание сосредоточено на вопросах акультизации, этноисторического изучения общества; чисто лингвистические темы сменяются «этнолингвистическими». За последнюю половину десятилетия возник большой интерес к народной музыке, что дало возможность организовать журнал «Ethnomusicology». По-прежнему американских этнографов интересуют проблемы социальной организации. «Мы должны помнить, что наиболее ранним вкладом в систематическое эмпирическое изучение народов, не имеющих письменности, было исследование Г.-Л. Моргана системы родства», отметил Герсковиц. Вместе с тем он заметил, что даже самые ярые приверженцы изучения какого-нибудь одного вопроса (данном случае социальной организации) начинают понимать, что проблемы эти должны быть увязаны с более широкими и жизненными.

Указав на все эти определенные достижения в американской этнографии за последние годы, достижения, свидетельствующие о стремлении части этнографов освободить науку от засилия изобретателей всякого рода новомодных и сомнительных теорий Герсковиц подчеркнул, что основным методом этнографического исследования остается систематическое изучение «ценности народов». Это заявление свидетельствует о том, что официальная американская этнография остается на прежних теоретических и методологических позициях, удерживающих живую мысль и тормозящих развитие тех положительных устремлений, которые появились за рубежом в последние годы. Как ни старался Герсковиц представить американскую этнографию чем-то единым, гармоничным взглядом, в его же собственном докладе выступили со всей очевидностью противоположные позиции, отражающие совершенно определенные противоречия во взглядах этнографов, принадлежащих к различным направлениям.

И. А. Золотаревская

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

Основные проблемы эпоса восточных славян. Редакционная коллегия: В. В. Виноградов, К. Г. Гуслистой, Ф. И. Лавров, Е. М. Мелетинский, А. Н. Робинсон, М. Ф. Рыльский, В. И. Чичеров. Изд-во Академии наук СССР, М., 1958, 347 стр.

Рецензируемый сборник создан на основе материалов состоявшегося в 1955 г. в Киеве Всесоюзного совещания по вопросам генезиса и истории героического эпоса и исторической песни восточных славян. Совещание было организовано и проведено Институтом мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР и Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР¹. Сборник состоит из переработанных в статьи докладов и выступлений, заслушанных на совещании.

Сборник открывается вступительной статьей В. В. Виноградова «Героический эпос народа и его роль в истории культуры». Автор отмечает огромное историческое, идеальное и эстетическое значение эпоса восточных славян — русских былин, украинских дум, исторических песен, — что определяет актуальность их изучения. В статье намечены некоторые из основных проблем в области эпоса, в науке еще слабо или не до конца разъясненных.

Основная часть сборника включает три раздела: I. Русские былины и исторические песни; II. Украинские думы и исторические песни; III. Вопросы историко-сравнительного изучения эпоса славянских народов. Каждый раздел начинается со статьи общего характера: первый — со статьи В. И. Чичерова «Итоги работ и задачи изучения русских былин и исторических песен», второй — с аналогичной статьи М. Ф. Рыльского «Итоги и задачи изучения украинских дум и исторических песен», третий — со статьи Н. И. Кравцова «Историко-сравнительное изучение эпоса славянских народов». Вслед за этими работами в каждом разделе идут статьи более частного характера, касающиеся главным образом исторических судеб и путей развития эпических жанров, а также их стиля и языка. Две статьи — А. Н. Робинсона («К вопросу о народно-поэтических истоках стиля «воинских» повестей древней Руси») и В. Г. Хоменко («Героико-патриотические идеи народного эпоса в исторической драме Старицкого и Карпенко-Карого») затрагивают частные проблемы в области взаимоотношения литературы и фольклора.

Хорошо продуманная композиция придает сборнику стройный вид, а затронутые авторами темы, отраженные в названиях статей, сразу привлекают внимание читателя. Однако при ближайшем знакомстве с содержанием обнаруживаются некоторые существенные недостатки сборника в целом и отдельных статей в частности.

В известной степени снизило ценность сборника запоздалое его издание. Некоторые из статей не представляют интереса новизны, так как мысли, в них высказанные, уже нашли отражение в печати, иногда в трудах тех же авторов. Так, очень интересная, теоретически острыя статья Б. Н. Путилова «О некоторых проблемах изучения русских исторических песен», в которой указаны недостатки в этой области фольклористики и дана попытка вскрыть природу этого жанра, содержит положения, уже высказанные, и даже в более полном виде, в статье того же автора в I томе сборника «Русский фольклор. Материалы и исследования» (М.—Л., 1956). Повторением уже опубликованной работы явилась статья Т. М. Акимовой «Русские героические былины (схема исторического развития)» (см. «Ученые записки» Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, т. LVI, вып. филологический, 1957, стр. 275—303). Частично и в некоторых других статьях имеются положения, уже высказанные в печати.

¹ См. обзоры работы Совещания, написанные В. К. Соколовой (журн. «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 125—131) и П. Д. Павлием (сб. «Історичний епос східних слов'ян», Київ, 1958, стр. 236—254).

Ввиду задержки с изданием сборника следовало пересмотреть состав и содержание книги в связи с выходом в свет ряда работ. Отдельными авторами и редакцией не проведена надлежащая переработка их выступлений на совещании в статьи. Некоторые статьи имеют характер плохоправленных стенограмм, не всем придан должный теоретический уклон, соответствующий общему направлению сборника.

Возглавляющая раздел I статья В. И. Чичерова — одна из лучших в сборнике. Вначале сжато, но содержательно и вдумчиво подводится итог изучению русского эпического творчества, отмечены основные достижения и главные ошибки на пути этого изучения. Нельзя однако не отметить известного преувеличения, обусловленного polemической заостренностью, в той части, где автор говорит о работах, посвященных индивидуальному творчеству сказителей. По словам автора, внимание к личному почину в фольклоре в конце 1930-х и в 1940-е годы «принимает совершенно гиперболические формы». Творческая индивидуальность сказителя «нередко заслоняла собою своеобразие коллективного творчества народа и вполне уподоблялась писательской» (стр. 23). На самом же деле почти во всех крупных работах о сказителях личный почин всегда изучался на фоне традиционного, т. е. коллективного, творчества. Иначе и не мог быть выделен личный почин. Обращение к исследованию выдающихся мастеров народного творчества — одно из достижений советской фольклористики, и это обращение никак нельзя связывать с взглядами «эпигонов исторической школы» (там же).

Перейдя к задачам изучения русских былин и исторических песен, В. И. Чичеров большое внимание уделяет истории эпических жанров. В этом разделе имеется ряд ценных мыслей и критических замечаний, которые могут помочь в дальнейшей разработке научной методики исторического изучения эпоса. Особо выделена проблема форм и поэтического языка русских былин и исторических песен и проведена правильная мысль, что без освещения этой проблемы невозможна и сама история эпических жанров.

Следующие за статьей Чичерова работы Н. Н. Велецкой («Русские былины в XVII—XIX вв.»), Т. М. Акимовой («Русские героические былины, схема исторического развития») и Э. В. Померанцевой («Русские былины в конце XIX и в XX в.») рассматривают развитие эпоса и его судьбы на различных этапах истории народа. Статья Н. Н. Велецкой по затронутой автором теме могла бы быть интересной и значительной, если бы носила более проблемный характер. Автор вначале ставит очень важный вопрос — о связи судеб героического эпоса с процессом формирования русской нации, — справедливо указывая, что в многочисленных работах о былинном эпосе этот вопрос до сих пор не затрагивался. Однако, отметив это, автор не раскрывает, в каком же направлении, в связи с какими явлениями процесса формирования русской нации надо вести исследование, а излагает уже установленные в литературе факты — о роли скоморошества в развитии народного творчества, о возрастании в позднейшее время сказительства в среде трудового крестьянства и городского люда, о характерных отличиях южных казацких былин от северных и т. д. Ни одна проблема развития былин по существу автором не выделена, хотя постановка некоторых из них в связи с темой статьи напрашивается сама собою. Так, Н. Н. Велецкая совсем бегло коснулась характерного для XVII в. явления в древнерусской литературе — обработки былинных сюжетов в повестях-сказках, известных по рукописной литературе. Эта тема до сих пор была совершенно не разработана, и потому очень важно было отметить, что же встает перед исследователем на пути их изучения (их соотношение с былиной, с общим направлением литературы XVII в. и т. д.). Заметим также, что поспешный вывод о снижении былинной традиции в лубочных листах начала XIX в. по сравнению с XVIII в. основан на ошибочном сопоставлении автором двух совершенно разнородных явлений: пересказа былины, специально, по-видимому, сделанного для лубка и получившего характер краткой повести о приключениях Ильи Муромца («История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце»), и лубочного издания повести писателя XVIII в. В. А. Левшина о Добрыне из его «Русских сказок». Одновременно с произведениями второго рода, которые, конечно, далеки от былин, лубок и в начале XIX в. продолжал распространять пересказы былин, сохранившие более живые связи с былинной традицией. Имеются и некоторые другие ошибочные суждения. Автор напрасно опровергивает В. И. Малышева, ставившего будто бы «Повесть о Сухане» по поэтическим достоинствам выше былин, влияние которых она испытала. В. И. Малышев нигде такого оценочного сопоставления не делал. Ошибочно также Н. Н. Велецкая предполагает, будто бы, говоря о значении творческих контаминаций, в которых проявилось ощущение сказителями внутреннего единства эпоса, я исхожу «из примеров эпоса народов Востока, недостаточно учитывая специфические особенности русского героического эпоса» (стр. 59). Исхожу я в данном случае не из примеров эпоса Востока, а из конкретных фактов в области русского эпоса. Что касается прогрессивности или регрессивности явления контаминации, то, мне думается, абстрактная постановка этого вопроса вообще неправомерна: надо исходить из разного качества возникающих контаминаций. Чтобы опровергнуть тезис о наличии творческих контаминаций в XVIII—XIX вв., следует доказать нехудожественность тех из них, которые подвергались подробному анализу именно как творческие. Статья Н. Н. Велецкой — один из примеров недоработки выступления при оформлении его в статью, и это очень жаль, потому что, повторяю, поставленная ею проблема представляет большой интерес.

Т. М. Акимова, набрасывающая схему истории развития былин, выступает с самостоятельной концепцией развития былинного эпоса. Ею выдвинут чрезвычайно инте-

ресный вопрос о том, когда, на каком этапе развития героического эпоса появились в нем острые социальные мотивы. По концепции Т. М. Акимовой, для начального периода характерна только тема героико-патриотическая. Но с середины XIX в. в эту тему «врывается тема социальной борьбы, которая иногда даже заслоняет и перебивает ее» (стр. 69). На каком же основании автор так представляет движение героического эпоса? Главным образом на основе материалов сборника XVIII в.—Кирши Данилова, сопоставляя его с записями второй половины XIX в. Но ведь один этот сборник не может быть надежной базой для суждения о характере общерусской былинной традиции до середины XVIII в. Он создан в определенном месте, отразил местную традицию, большинство былин записано от группы сказителей одной школы и, быть может, от одного сказителя². В конце концов у нас нет надежного материала для суждения о характере ранних былин, мы их не знаем. Если даже предположить, что социальные мотивы в былинах не были исконными, то мало вероятно, чтобы бурный XVII век, получивший такое яркое отражение в литературе, никак не сказался на былинном эпосе. Конечно, в середине и конце XIX в., в эпоху еще большего усиления классовых противоречий, некоторые из социальных мотивов заостряются, эпизоды, отразившие социальную борьбу, насыщаются новыми деталями, но это происходит в порядке развития уже возникшей ранее традиции. Нельзя согласиться с Т. М. Акимовой и в том, что в начале XX в. и в советскую эпоху в былинном эпосе происходит спад мотивов социального протesta. Напротив, записи этого времени говорят о том, что социальные мотивы по-прежнему живы, ярки, а сказители советского времени, с их особым вниманием к социальному содержанию фольклора, склонны еще усиливать и заострять социальную проблематику. Факты противоречат и тому, что «былинные тексты 60-х годов были и расцветом и одновременно лебедибою песнью ге-роического эпоса» (стр. 81). Достаточно взять все собрания 1900-х гг., а также записи советского времени, чтобы убедиться в обратном.

В статье Э. В. Померанцевой, также рассматривающей судьбы былинного эпоса, высказано много правильного, справедливого: об устойчивости форм былинного эпоса, что не дает возможности адекватного отражения в былинах новых жизненных явлений и нового сознания; о том, что внешняя модернизация лексики и образов не является показателем существенных изменений, и что записи и наблюдения позднейшего времени действительно свидетельствуют о постепенном угасании былинного эпоса в конце XIX и в начале XX в. Вместе с тем, неправильно, во-первых, преувеличивать интенсивность этого процесса и, во-вторых, оспаривать положение о творческих процессах в эпосе уже после того, как он сформировался и прекратилась его продуктивная жизнь, т. е. возникновение новых сюжетов, связанных с исторической действительностью. Эпос еще в середине XIX—начале XX в. жил полной жизнью, и не только в том смысле, что еще были великолепные мастера-сказители, которые помнили былины, но в ряде мест наблюдалось и вполне живое творческое бытование эпоса: возникали многообразные новые композиции, былинам учились, они имели аудиторию. И даже в 1920-е—1930-е годы, когда круг лиц, культивировавших былину, значительно сузился, еще не приходилось говорить о прекращении жизни эпоса. Сказители А. В. Маркова не оказались, как предполагал собиратель, последними хранителями русского национального эпоса, тем более не оказались ими сказители П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга. Вопреки всем прогнозам, былины дожили в устной традиции до 50-х гг. нашего века. Поэтому, рассматривая вопрос о позднейшем этапе жизни эпоса, следует говорить не только о его угасании (поскольку оно очевидно), сколько о том, что поддерживало жизнь былин в течение веков, почему этот очень древний жанр так долго удерживался в живой устной традиции. С этой стороны мне представляется правильным основное направление статей о былинах в академическом издании «Русское народное поэтическое творчество»³.

Непонятно, почему заключение о судьбе традиции Рябининых названо автором статьи «безотрадным выводом» «для теории творческого развития эпоса» (стр. 87). Ведь Рябинины, начиная со второго, Ивана Трофимовича, принадлежат к типу сказителей-«передатчиков», не вносящих ничего своего в усвоенное наследие, а лишь бережно его хранящих. Рядом же с наследниками Трофима Рябинина мы видим Н. С. Богданову, М. Г. Антонова, Г. А. Якушова, А. М. Пащкову и ряд других, существенно трансформировавших былины, но остававшихся одновременно в пределах определенной традиции. Наконец, само воспроизведение былины, хотя бы и не в переоформленном виде,—есть определенный творческий акт.

Историческая песня, как один из самых значительных жанров народного творчества, в последнее время привлекала особенно пристальное внимание. Пересматривался вопрос о самой природе жанра, о соотношении его с действительностью, о его генезисе. Все эти вопросы, в частности, и составили содержание названных выше статей Б. Н. Путилова—в данном сборнике и в книге «Русский фольклор», т. I. Автор указывает на недостаточность традиционного определения исторической песни, рас-

² См.: П. Д. Ухов, Из наблюдений над стилем сборника Кирши Данилова, сб. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. I, М.—Л., 1956.

³ «Русское народное поэтическое творчество», М.—Л., т. I, 1953; т. II, кн. 1, 1955 и кн. 2, 1956.

крывает роль и значение в исторических песнях художественного вымысла и художественного обобщения некоторых существенных сторон действительности; призывае к конкретно-историческому изучению самого материала, намечает пути преодоления известных трудностей в изучении жанра, обусловленных отсутствием ранних песенных записей и неполнотой наших представлений о сюжетном составе песен до XVI в.

В связи с пересмотром проблемы исторического песенного жанра в целом естественно обращение к самой художественной структуре исторической песни, к особенностям ее поэтики. Эти вопросы нашли отражение в статьях В. К. Соколовой «Некоторые приемы характеристики образов в исторических песнях» и Э. С. Литвин «О некоторых художественных особенностях русской народной исторической песни». Обе статьи как бы дополняют одна другую, рассматривая разные стороны художественного метода исторической песни. В. К. Соколова исследует особенности построения образа; Э. С. Литвин — некоторые черты композиции, приемы типизации, роль и место художественного вымысла и его соотношение с отражением живой конкретной исторической действительности. Обе статьи содержат ряд наблюдений, которые до сих пор не нашли отражения в печати.

В статье П. Д. Ухова «Постоянные эпитеты в былинах как средство типизации и создания образа», как и во многих других работах этого автора, касающихся поэтики былин, имеется ряд новых тонких наблюдений. Правда, основное положение статьи, отраженное в ее названии, а также положение о художественном смысле так называемых «окаменелых», кажущихся алогичными эпитетах из новы (см. «Русское народное поэтическое творчество», т. II, кн. 1, стр. 190—191), но разработка этих положений, постановка новых, вытекающих из них задач представляются весьма плодотворными. Так, очень существенна выдвинутая П. Д. Уховым задача изучения постоянных эпитетов при исследовании областных стилевых традиций; важно указание на необходимость раскрытия специфики эпитетов в различных жанрах (кое-что в этом отношении уже сделано А. П. Евгеньевой); ценные наблюдения над тем, как некоторые устойчивые сочетания слов с эпитетами порой теряют свое конкретное значение, а иные приобретают характер символа. На ряде примеров П. Д. Ухов доказывает важность изучения художественной функции постоянных эпитетов в связи с изучением авторского замысла. Он стремится также уточнить терминологию, справедливо указывает на неточность определения постоянного эпитета у Л. И. Тимофеева и заменяет его другим (см. стр. 161). Однако помещенные в этом разделе примеры не все удачны: приводится иногда не эпитет в его настоящем смысле, т. е. определение, неущее художественную функцию, а определение логическое (см. например: девушка поваренная; русская девица; девушка глупая, неразумная — при обращении; сенная девушка; кони татарские и т. п.).

Проблемы и представляют значительный интерес статьи А. Н. Робинсона «К вопросу о народно-поэтических истоках стиля «воинских» повестей древней Руси» и И. А. Оссовецкого «Язык фольклора и диалект». Еще А. С. Орловым были установлены некоторые характерные особенности стиля древнерусских воинских повестей, наличие в них определенного фонда устойчивых поэтических средств. Но их истоки, происхождение остались невыясненными. А. Н. Робинсон и поставил перед собой задачу исследовать это. Ввиду общности темы воинских повестей и героического эпоса, одинаково принадлежащих средневековью, близости отраженных в них идейных представлений, а также некоторого сходства в самом характере творчества (своеобразное отношение к авторству, приверженность к поэтической традиции, свободное отношение к ранее созданному тексту), А. Н. Робинсон счел возможным и целесообразным произвести сопоставление наиболее типичных художественных средств изображения военных столкновений в воинских повестях и в былинах. В результате ему удалось убедительно показать общность самого типа стиля в обоих рассмотренных им видах словесного искусства, в двух близких друг другу художественных системах. Автор отмечает и некоторые общие черты этих систем, и специфические, традиционные только для каждой из них, и правомерно ставит вопрос об общих национальных источниках. Перед исследователями встает задача расширить круг сопоставлений, привлекая материал южнославянской древней литературы и эпоса.

И. А. Оссовецкий исследует соотношение языка фольклора и диалекта определенной местности. На ряде примеров автор показывает, что фольклор не только художественная форма данного диалекта — он богаче и шире разговорной речи. С одной стороны, в нем сохранилось и продолжает жить, как специфические выразительные средства, много такого, что уже вышло из употребления в бытовой речи. С другой стороны, в язык фольклора, вследствие особенностей исполнения, могут войти явления, не свойственные местному говору. Очень существенно указание на то, что, вследствие недостаточного знакомства с живой разговорной речью, некоторые черты ее, отраженные в фольклоре, могут быть ошибочно приняты за фольклорные явления со специальной эстетической нагрузкой (например, повторение предлогов). Поэтому при интерпретации того или иного факта языка фольклора с точки зрения его художественной функции необходим тщательный учет всего того, что свойственно языку как определенной лексико-грамматической системе. Содержательная статья И. А. Оссовецкого в известной степени проигрывает от недостаточно тщательного, четкого построения статьи, повторений и пр.

Статьи раздела II, рассматривающие вопросы изучения украинского эпоса, носят разнородный характер. Одни из них имеют по преимуществу историко-фольклорный и историографический интерес, излагая результаты исследований по отдельным или многим темам, другие, напротив, остро проблемны и полемичны. К первым относится прежде всего статья М. Ф. Рыльского «Итоги и задачи изучения украинских дум и исторических песен», открывающая раздел. Это содержательный при всей его краткости обобщающий очерк о думах и исторических песнях, об истории их изучения и использования в литературе. Автором устанавливается отличие дум от исторических песен; дается общее представление о каждом из этих жанров; отмечены некоторые характерные стилистические особенности дум; раскрывается их идейное содержание; даются сведения по истории сабирания и публикации дум и исторических песен. Попутно автор называет некоторые вопросы, не получившие еще надлежащего освещения (о внутренней и формальной связи украинских дум и русских былин) или дискуссионные (о том, какого рода произведения следует относить к историческим песням), и в самом конце тоже бегло указывает задачи в области фольклора, стоящие перед украинской научной общественностью. Только один вопрос более выделен и заострен: о правомерности создания дум на советском материале. Думается, что автор прав, подходя к этому осторожно, отмечая, что хотя равновесия старых традиций с идейно-художественными чертами, рожденными советской эпохой, создатели новых дум еще не нашли, но нельзя быть вполне уверенными, что они его и не найдут.

Ряд интересных фактов по истории кобзарства, из жизни и творчества отдельных выдающихся кобзарей сообщает Ф. И. Лавров в статье «Творцы и исполнители украинского героического эпоса». Во второй части статьи Ф. И. Лавров рассматривает соотношение коллективного и индивидуального начала в народном творчестве и, как мне представляется, правильно указывает, что «коллективный характер народного творчества не только не исключает личного творческого начала, а, наоборот, предполагает его» (стр. 229). Далее Ф. И. Лавров приводит данные о современных думах и путях развития кобзарства на Украине. Приведенные факты побуждают присоединиться к мнению автора о том, что кобзарство, хотя и угасает в его традиционных формах, однако полностью не отмирает: «оно принимает принципиально новые формы, включаясь в искусство трудящихся заводов и фабрик, колхозов и совхозов, учебных заведений и учреждений» (стр. 239).

Статья К. Г. Гуслисского «К вопросу об исторических условиях возникновения украинских дум» кратко сообщает об итогах исследований украинских ученых, пришедших к выводу, что возникновение дум «связано с двумя периодами этнического развития украинского народа: периодом формирования народности и периодом, когда он начал превращаться в нацию» (стр. 249).

Значению исследования стилевой системы героических эпосов разных славянских народов в различные исторические периоды посвящена статья М. М. Плисецкого «О стилях героического эпоса различных эпох». По наблюдениям автора, можно найти, с одной стороны, черты общности между стилем киевских былин и украинских и белорусских колядок, что обусловлено особенностями стиля раннефеодального периода, а с другой стороны,— общие черты украинских дум XVI—XVII вв. и русских исторических песен того же времени. Размеры статьи, очевидно, не дали возможности автору подкрепить свои положения вполне убедительным материалом. Но принципиальная установка исследования плодотворна; автор выдвигает требование рассматривать стиль фольклора не суммарно, а в историческом разрезе и на большом сравнительном материале.

Статья П. Н. Попова «К вопросу о путях развития эпоса восточных славян» принадлежит к числу самых интересных, теоретически острых, по-настоящему проблемных работ в сборнике. Пусть ее полемические положения не подкреплены анализом конкретного материала, как о том справедливо говорится в заметке «От редакции», логически эти положения хорошо аргументированы и заставляют еще и еще раз пересмотреть разные точки зрения на то, что же происходит в настоящее время с эпосом восточнославянских народов, живет он или умер, каковы были его судьбы в предшествующие эпохи, каковы пути его развития в настоящем и будущем. Статья будет мысль, то заставляя соглашаться с автором, то сомневаться и возражать, а следовательно — стремиться проверить, изучить. Перечислить все заслуживающие внимания положения автора нет возможности, это значило бы переписать всю статью, так насыщена она при всей ее краткости. Приходится поэтому ограничиться лишь общим указанием на ее характер и место, которое она занимает в сборнике.

Традициям былинного эпоса в украинских думах и исторических песнях и глаевным образом соотношению в эпосе художественного вымысла и отражения реальной действительности посвящена статья Г. Н. Сухобруса «Роль художественного вымысла в русском и украинском героическом эпосе». Вопрос этот в настоящее время стоит в центре всех наиболее значительных исследований по исторической песне. Он поставлен и освещен и в упоминавшихся работах Б. Н. Путилова. На статье Г. Н. Сухобруса с наибольшей резкостью сказались недостатки редакторской работы над сборником,— она изобилует повторениями, не очень вразумительными формулировками и производит впечатление плохо выправленной стенограммы.

Статья В. Г. Хоменко (название см. выше) излагает результаты исследования автором одного из фактов взаимоотношения украинской литературы и фольклора.

Особый интерес представляет небольшая статья Н. М. Гордейчука «О музикальных особенностях украинских дум и исторических песен». Это — единственная в сборнике статья фольклориста-музыковеда. Его наблюдения над некоторыми процессами в современном народном творчестве (поиски новых синтетических форм народной эпической поэзии; оригинальное соединение стилистических особенностей думы и песни как в тексте, так и в напеве; сильное воздействие мелодики революционной песни на массовых композиторских песен на новую историческую песню) очень важны для изучения народного творчества в целом. Жаль только, что эти интересные наблюдения почти не подкреплены фактическим материалом.

Содержателен в целом раздел III. В статье Н. И. Кравцова определяется отличие историко-сравнительного изучения как совокупности методических приемов сопоставления с целью определить пути исторического развития произведений устного творчества и выяснить общее и своеобразное в нем (стр. 299) — от сравнительно-исторического метода старой фольклористики, формалистического и космополитического. Автор подробно рассматривает, что именно можно установить при помощи историко-сравнительного изучения народного творчества вообще и славянских эпосов в частности. Статья — в том же русле, что и известный доклад В. М. Жирмунского на IV Международном съезде славистов⁴, она богата конкретным материалом и постановкой ряда проблем.

К. П. Кабанихников поднимает совсем не разработанный вопрос о традициях героического эпоса восточных славян в белорусском народном творчестве. Он обращает внимание на непосредственные связи белорусского фольклора с русскими былинами (белорусские сказки и предания о былинных богатырях, идейная близость и черты былинной поэтики в героических богатырских сказках, например в сказке о богатыре Асилике и др.), на наличие исторических песен и преданий о борьбе народа с иноземными захватчиками (татарами, шведами, французами). Статья привлекает внимание исследователей к разработке всего этого материала.

О важности сравнительного изучения языка и стиля эпоса славянских народов говорит статья П. Г. Богатырева «Некоторые очередные вопросы сравнительного изучения эпоса славян». Она перекликается со статьей Н. И. Кравцова; автор указывает на значение сравнительного изучения эпосов славянских народов не только для выявления черт сходства, но и для раскрытия художественной специфики каждого из славянских эпосов. Сравнительное изучение языка и стиля эпических произведений славянских народов, по словам П. Г. Богатырева, помогает в решении многих вопросов исследования эпоса, в частности — определения времени возникновения отдельных видов эпических произведений. П. Г. Богатырев бегло намечает и ряд других задач в области сравнительного изучения славянских эпосов. Ряд положений автора нашел более углубленную разработку и аргументацию в докладе на IV Международном съезде славистов⁵.

Последняя статья сборника — И. М. Шептунова «Об эпической традиции в болгарском фольклоре» — ставит вопрос о значении сравнительного изучения судеб славянских эпосов для уяснения общих закономерностей развития народного эпоса. Автор прослеживает возникновение и развитие болгарских героических и исторических песен и приходит к выводу, что результаты исследования подтверждают правильность выдвигаемых советскими учеными положений о неодновременности возникновения исторических жанров фольклора, обусловленной изменениями народного сознания в разные исторические периоды.

* * *

Рассмотрение статей сборника показывает, что при всех указанных выше авторских и редакторских недоработках, при всем том, что не все статьи полноценны, а некоторые не представляют интереса новизны, сборник в целом следует оценить как положительное явление в нашей фольклористической литературе. В нем поставлены и частично освещены по-новому действительно важные вопросы изучения эпического творчества восточных славян. Подведены и некоторые итоги изучения.

А. М. Астахова

⁴ В. М. Жирмунский, Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса, М., 1958.

⁵ П. Г. Богатырев, Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов, М., 1958.

В. Н. Увачан. *Переход к социализму малых народов Севера (По материалам Эвенкийского и Таймырского национальных округов)*. Под редакцией М. А. Сергеева, М., 1958, 183 стр.

Малые народы Севера СССР пользуются должным вниманием историков и этнографов. В последние годы вышло немало статей и брошюр, посвященных истории и успехам социалистического строительства у этих народов. Однако более или менее обобщающих работ на эту тему мало. Поэтому понятен интерес, с каким раскрываешь рецензируемую книгу В. Н. Увачана, освещающую опыт строительства социализма у народов Енисейского Севера.

Хочется сказать несколько слов об авторе книги. Василий Николаевич Увачан — эвенк. Он родился в 1917 г. в Катангском районе Иркутской области; учился в Ленинградском институте народов Севера; окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС; работал секретарем Эвенкийского окружного комитета партии. В 1954 г. т. Увачан защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Социалистический путь развития народов Крайнего Севера». В. Н. Увачан — один из первых ученых, выдвинутых эвенкийским народом.

Рецензируемая книга — результат переработки автором своей диссертации. Она содержит предисловие и три главы: 1) Установление Советской власти на Енисейском Севере, 2) Начало социалистического строительства, 3) Возрождение малых народностей в период социализма. В первой главе автор рассматривает положение малых народов Енисейского Севера накануне Великой Октябрьской социалистической революции, а также события, связанные с установлением здесь Советской власти. Во второй главе рассказывается о создании и упрочении органов Советской власти в крае, о восстановлении и социалистической реконструкции основных отраслей хозяйства коренного населения, промышленном и транспортном освоении края в 1920-е годы, а также о культурном строительстве у малых народов Енисейского Севера — эвенков, долган, нганасан, ненцев, энцев, селькупов, кетов. Третья глава посвящена созданию Эвенкийского и Таймырского национальных округов, победе колхозного строя на Енисейском Севере, развитию промышленности и транспорта за последние 20—25 лет, культурной революции, произшедшей среди малых народов.

Книга имеет ряд несомненных достоинств. Отдавая должное своеобразной культуре малых народов, автор справедливо указывает на их вклад в общечеловеческую культуру. Подчеркнув то прогрессивное влияние, которое оказал на коренное население Севера русский народ в XVII—XX вв., В. Н. Увачан отмечает, что и народы Севера оказали известное положительное воздействие на русских, живших по соседству с ними (стр. 13).

Автор отмечает «исключительное знание народами Севера топографии и природы родного края: его рельефа и речной системы, климатической и метеорологической обстановки, смены сезонов года, растительности и пр.» (стр. 23—24). Правилен вывод автора о том, что «накануне Октябрьской революции общественный строй малых народов Енисейского Севера являлся переходным от первобытно-общинного строя к классовому строю» (стр. 21).

Заслуживает внимания трактовка автором природы шаманства. В отличие от некоторых исследователей, видящих в шаманстве особую религию, В. Н. Увачан рассматривает его как составную часть анимизма; последний является идеологической основой шаманства (стр. 24). Говоря о насаждении христианства среди народов Севера, автор в соответствии с фактами указывает, что православная религия «не проникла глубоко в сознание местного населения» и что в результате смешения христианских и анимистических верований у народов Севера «сложился причудливый синкретизм» (стр. 25).

Рассказывая о социалистических преобразованиях на Енисейском Севере, В. Н. Увачан приводит много интересных данных, иллюстрирующих экономические и культурные достижения малых народов. Наряду с этим он отмечает и некоторые недостатки, имевшие место в северных районах.

Привлекает внимание источниковедческая база работы. В книге использованы не только литературные источники, но и материалы центральных и местных архивов, собственные наблюдения и впечатления автора. Это делает книгу еще более интересной.

Вместе с тем нельзя пройти мимо ряда существенных недостатков, снижающих ценность книги. Автор, на наш взгляд, излишне упрощает явления, относящиеся к жизни малых народов Севера. Правильно противопоставляя князцов, «кулаков» и шаманов остальной массе коренного населения (стр. 21), подчеркивая их эксплуататорскую сущность и классовую «политику» по отношению к бедноте (стр. 22), автор в то же время не раскрывает своеобразия социальных отношений у народов Севера, не показывает, в чем отличие местных эксплуататорских элементов от представителей эксплуататорских классов таких народов, как русские, украинцы и др.

В книге имеются противоречия; один и те же примеры автор использует для иллюстрации разных положений. Так, по достоинству оценив достижения самобытной культуры народов Севера, показав, что многие ее элементы, в том числе орудия промысла, вошли в обиход пришлого русского населения, автор затем квалифицирует эти орудия как «примитивные и малопроизводительные» (стр. 14). Говоря об отношениях в соседской общине, автор в одном случае указывает, что про-

мысловыми угодьями пользовались «все... на равных правах» (стр. 18), в другом месте говорит, что «богачи захватывали лучшие охотничьи и рыболовные угодья» (стр. 20). Различные точки зрения высказаны автором на природу оседания. В одном месте он пишет, что переход отдельных групп коренного населения Севера оседлости до революции был вызван главным образом смешанными браками (с русскими) (стр. 12), а в другом месте — что причиной этого была потеря оленей (стр. 145).

Трудно согласиться с некоторыми оценками, данными автором. Уровень разряда малых народов Севера в прошлом он характеризует словами: «глубочайшая хозяйственная, политическая и культурная отсталость» (стр. 9), «первобытные формы хозяйственного уклада и патриархальных социальных отношений» (стр. 13). Переиздание некоторых народов Севера на оседлость расценивается им как одно из главных достижений малых народов в ходе социалистического строительства (стр. 8), хотя в этом вопросе многое нерешенного. Не ясно, например, как в условиях оседлого разряда жизни народы Севера смогут осуществлять одну из важнейших отраслей своего хозяйства — оленеводство.

Отдельные фактические положения автора спорны или ошибочны. Так, он считает, что к приходу русских у малых народов Севера существовали только каменные деревянные орудия (стр. 11). Между тем известно, что многие народы, в том числе эвенки, имели также орудия, сделанные из железа, которое они получали от якутов, бурятов, кетов и юрьевцев. Не соответствует действительности и другое утверждение: будто женщина у народов Севера «была настоящей рабыней» (стр. 26). Напротив, многочисленные свидетельства говорят о том, что у эвенков, ногаанас и других народов женщины, хотя и занимали подчиненное по отношению к мужчинам положение, были свободны, пользовались уважением и влиянием. В случае дурного обращения с ними в семье мужчины могли уйти к отцу или братьям.

На недоразумении, очевидно, основано утверждение В. Н. Увачана, будто численность коренного населения Енисейского Севера составляет «несколько десятков тысяч» человек (стр. 6); она значительно меньше.

Противоречиво трактует автор вопросы, связанные с внедрением в хозяйство народов Севера новых занятий — огородничества и животноводства. Как известно, в большинстве районов Севера эти отрасли не рентабельны с экономической точки зрения; ошибки, связанные с излишне настойчивым внедрением их в хозяйство народов Севера, сейчас исправляются. В. Н. Увачан же, призывая местных работников учитывать природно-экономические условия Севера и не навязывать колхозам указанных занятий (стр. 11), в то же время положительно оценивает результаты внедрения огородничества и животноводства в колхозах Эвенкийского национального округа, ссылаясь при этом только на рост посевных площадей и поголовья крупного рогатого скота (стр. 131).

Нельзя согласиться с пожеланием В. Н. Увачана, чтобы члены семей пастухов и охотников оставались в колхозных поселках в то время, как их мужья и братья передвигаются по тайге и тундре со стадами оленей и в поисках зверя. Осуществление этого пожелания привело бы к длительному отрыву пастухов и охотников от своих семей.

Недостаточно освещается в книге вопрос об эвенкийской письменности. Указывается на развитие национальной по форме эвенкийской литературы, В. Н. Увачан упоминает поэтов и писателей эвенков, происходящих из районов Забайкалья, Якутии, Сахалина и других, но не называет ни одного имени, относящегося к Эвенкийскому округу, входящему в сферу его исследования.

Чувство досады вызывает множество неточностей, имеющихся в книге. Известно, что малых народов Севера 25 (26 вместе с чуванцами, которые не являются самостоительным народом). Однако автор осторожно, но неточно сообщает, что на Севере живут и трудятся «свыше 25 малых народностей» (стр. 3). С такой же непонятной осторожностью автор пишет о чуме: «Чум в известной мере был приспособлен к условиям кочевого быта» (стр. 16). Ошибочно интерпретирует автор некоторые свидетельства, почерпнутые у дореволюционных историков. Так, ссылаясь на Словцова, он пишет, что в 1731 г. «полностью вымерли селькупы Касимовской, Имбатской и Пумпокольской волостей» (стр. 27—28). Между тем Касимовской волости не было, а была Сымско-Касская волость, и составляли ее не селькупы, а кеты. Имбатскую волость тоже образовывали не селькупы, а кеты. Ни в одной из названных волостей население в 1731 г. полностью не вымерло. При более тщательном редактировании книги большинства подобных неточностей можно было бы избежать.

В целом же рецензируемая книга является выразительной иллюстрацией той большого пути, который проделали малые народы Севера за годы Советской власти.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛ ВЕНГЕРСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА «ETHNOGRAPHIA»
(1956—1957)

Журнал Венгерского этнографического общества «Ethnographia» публикует в первую очередь материалы, содержащие результаты научной деятельности венгерских этнографов, которая направлена прежде всего на изучение материальной и духовной культуры венгерского народа. Одновременно журнал стремится ознакомить венгерского читателя с достижениями этнографической мысли за рубежом, публикуя как оригинальные статьи иностранных авторов, так и рецензии на их труды. В органе венгерских этнографов имеется также раздел хроники, где приводятся сведения о деятельности этнографических институтов Венгрии и других стран.

В 1957 г. в Венгрии началась подготовка к изданию капитального труда — Венгерского этнографического атласа. Многие статьи в журнале в той или иной степени учитывают эту важную область деятельности венгерских этнографов и способствуют успешному решению указанной задачи.

Серьезное внимание уделяют венгерские ученые изучению хозяйственных занятий и материальной культуры своего народа. В этом отношении большой интерес вызывают статьи И. Балога и И. Балаша, в которых исследуются вопросы, связанные с историей развития уборочных работ в Венгрии. В статье И. Балога «Уборка урожая в XVI—XVII вв.» (1957, № 2) рассматриваются виды уборочных работ, различия между мужским и женским трудом при разных типах уборки зерновых и т. д. Наличие многочисленных церковных списков, касающихся уплаты десятины и прочих поборов, дало возможность автору подробно изучить элементы жатвенных работ. И. Балог устанавливает также, что для уборки урожая зерновых в Венгрии использовали различные виды кос и серпов (короткая коса, откидная, грабельная, насеинный серп и др.).

Малоизученной теме народных мер сжатых хлебов и форм их складывания посвящено исследование И. Балаша «Складывание и счет связанных в снопы хлебов» (1956, № 4). На территории Дунайского бассейна распространены такие формы складывания хлебов, как крестец (keresztt), полукопна (kalangya), копна (kere). Большинство венгерских слов, обозначающих формы складывания хлебов на живые, — славянского происхождения. В заключение венгерский этнограф отмечает, что сходство форм складывания сжатых хлебов, а также кратных чисел, лежавших в основе счета снопов у славян и венгров, подтверждает, что венгры почерпнули сельскохозяйственные сведения у славян.

Решение вопросов, связанных с темой жатвенных работ в Венгрии, дано также в работе И. Талаши «Связь между производством и языком при жатвенных работах в Венгрии» (1957, № 2). Эта статья заслуживает внимания как этнографа, так и лингвиста. Автор на основе большого фактического материала показывает, как изменение процесса уборки урожая влекло за собой изменение старых и возникновение новых сельскохозяйственных терминов.

В работах Э. Шаймоша «Развитие орудий наметного рыболовства» (1957, № 3) и Й. Сабадфалви «Пчеловодство в деревне Эрдёхат в области Сатмар» (1956, № 4) исследуются промыслы венгров. В первой статье излагается развитие орудий наметного рыболовства; автор делит их на девять групп в зависимости от материала, из которого эти орудия изготавливаются, их формы и способов применения. Простейшим видом является корзина без дна из ивовых прутьев для лова рыбы на мелководье. С середины прошлого столетия начали применять обвязывающие орудия, представляющие собою сеть, прикрепленную к жерди. Рыбаки же озера Веленце с начала XX в. применяют сеть с мотней.

В статье И. Сабадфалви рассматриваются постройки, в которых держали стафетки с пчелиными семьями, способы изготовления стафеток и пр., а также обычай, связанный с процессом ловли пчел во время роения.

Изучением хозяйственных и жилых построек занимается большая группа венгерских этнографов, результаты деятельности которых нашли свое отражение, в частности, в статьях Л. Солноки «Двор и надворные постройки в селе Вайдачка» (1956, № 4) и А. Вайкаи «Давильни и погреба XVII века на северном берегу озера Балатон» (1956, № 1—2). Л. Солноки стремится дать классификацию хозяйственных построек крестьянского двора по материалам, собранным в селе Вайдачка, а также исследовать назначение и использование этих построек. Автор приходит к выводу, что при сооружении хозяйственных построек в селе Вайдачка в 1950 г. были использованы восемь форм оставов и четырнадцать способов кладки стен и покрытий. Он отмечает тенденцию к сокращению числа хозяйственных построек за счет увеличения их объема. В заключение Л. Солноки излагает сведения о внутреннем устройстве и использовании строений, а также о связанных с этим верованиях.

Образ жизни крестьян, живших постоянно в поле во время полевых работ, исследуется в статье Т. Хофера «Ветровые заслоны крестьян района г. Хайдубёсёл мель. (К вопросу о полевом быте и о типах поселений на Венгерской низменности)» (1956, № 4). Поскольку крестьяне, работавшие на дальних полях, не могли возвращаться каждую ночь домой, они вынуждены были оставаться ночевать в поле. Они не соору-

жали там постоянных строений, а ставили вокруг телег легко переносимые тростниковые щиты, образуя заслон; здесь они готовили себе пищу и ночевали. Начиная с XVII в. крестьяне стали сооружать на полях хозяйственные постройки. Автор пишет, что раздельный двор встречался на всей Венгерской низменности. К концу XIX в. типом сельских поселений стали хутора.

Изучению образа жизни крестьян деревни Кишмарья, которые из-за отсутствия пастбищ около деревни вели кочевое овцеводство, посвящена работа Д. Варги «Кочующие отары на пастбище Кишмарья» (1956, № 1—2).

Работы И. Катона «Барабер (Тип землекопа)» (1956, № 1—2) и «Жеребенок (Подсобный рабочий, возящий тачку)» (1957, № 1) освещают малоизученную тему социального положения, нищенском образе жизни и примитивных орудиях труда одной из самых низкооплачиваемых и отсталых в прошлом групп рабочего класса Венгрии — землекопов.

Интересные сведения о национальной обуви венгров приведены в статье А. Габоряна «Венгерская национальная обувь и обувь времен турецкого завоевания, найденная при раскопках в Солноке» (1957, № 4). Автор сопоставляет формы и технику пошива венгерской и турецкой, а также кавказской, московской, новгородской и алтайской обуви. Исходя из большого сходства между этими типами обуви, А. Габорян делает вывод, что рассматриваемые формы и техника пошива могли иметь распространение среди венгров задолго до турецкого нашествия.

На основе изучения рукописей, поступивших в 1956 г. в музей г. Самбатхей, написана работа Ш. Деметера «Рисунки одежды крестьян в 1857 г.» (1957, № 4).

Вопросами фольклора занимается большая группа венгерских этнографов, что подтверждают многочисленные статьи по этой тематике. В качестве примера следует назвать исследования Л. Дега «Дополнительные сведения о формировании сказок и сказаний о „благодарном“ мертвце» (1957, № 2), И. Ференци «Некоторые вопросы „образа „чертова кучера“» (1957, № 1), Л. Такача «Творческие приемы народных певцов» (1956, № 3), Я. Манга «Отражение военной борьбы с турками в словацких народных песнях Венгрии» (там же).

Изучению народной музыки посвящены статьи И. Халмоша «Песни странствующих певцов» (1957, № 3) и Б. Райецки «Вечер у склеров» (1957, № 4). Во второй из этих работ анализируется ритм, структура и тональность ряда трансильванских песен лежащих в основе одного из произведений известного венгерского композитора Б. Бартока, выдающегося собирателя трансильванских песен. Б. Райецки устанавливает самостоятельность этих песен среди аналогичных песен других европейских народов.

Внимание этнографов других стран привлекает статья И. Барабаша «Принципиальные и практические вопросы Венгерского этнографического атласа» (1957, № 4) знакомящая с обширным планом работ венгерских ученых по составлению этого атласа. Автор пишет, что в настящее время венгерские этнографы не располагают каким-либо трудом, который давал бы общий обзор различных сторон культуры венгерского народа. Венгерский этнографический атлас призван восполнить данный пробел.

Опросные листы атласа включают 200 тем, которые более или менее пропорционально представляют важнейшие отрасли этнографии. Так, земледелие отражено в 30 темах, животноводство — в 15, домашнее хозяйство и питание — в 30 и т. д. В атлас войдет материал, относящийся ко времени с конца XIX в. до наших дней. В Венгрии именно в последние десятилетия XIX в. произошли крупные изменения в образе жизни и формах быта. Поскольку поколение, выросшее при исчезнувших ныне условиях, уходит, — становится еще более очевидной необходимость быстрейшего составления атласа.

Составление Венгерского этнографического атласа предусмотрено планом работ Венгерской академии наук и будет осуществляться под руководством комиссии, в которую вошли Б. Гунда, И. Барабаш, В. Диосеги, Ю. Морвай и Л. Солноки. Составление атласа началось в 1957 г. и должно быть завершено в течение трех лет.

В рецензируемом журнале в течение 1956—1957 гг. напечатан также ряд работ этнографов других стран, в частности: Г. Читая (СССР) «Из истории виноградарства и виноделия Грузии» (1957, № 4), О. Скальниковой (Чехословакия) «Изучение быта и культуры рабочего класса в Чехословакии» (1956, № 1—2), Л. Шмидта (Швейцария) «К вопросу об орудиях труда, изображенных на так называемой «вазе жнецов», найденной во дворце Хагия Триада (о. Крит)» (1956, № 4) и ряд других.

Из краткого обзора содержания журнала видно, что в поле зрения венгерских этнографов находятся многие отрасли этнографической науки. Следует отметить также, что усилия ученых Венгрии направлены как на сбор и обработку новых материалов, так и на их обобщение. Журнал стремится удовлетворить растущий с каждым годом интерес венгерских этнографов к достижениям своих коллег за рубежом, в первую очередь в Советском Союзе и в странах народной демократии. Работы венгерских этнографов, рассмотренные в настоящем обзоре, свидетельствуют о том большом вкладе, который вносят венгерские ученые в исследование культуры своего народа.

В. Шуртанов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТОГРАФИЯ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

За короткий срок после победы народной революции Китайская Народная Республика достигла больших успехов в индустриализации страны, социалистическом преобразовании сельского хозяйства и повышении культурного уровня народа. Выдающихся результатов достигла и китайская наука, которая в ряде отраслей является примером для других стран.

Очень велики успехи китайской этнографии и других смежных наук, связанных с изучением многочисленных народов страны.

В старом Китае население изучалось очень плохо. Даже цифры общей численности жителей страны никогда не удавалось определить с достаточной степенью достоверности, хотя учет населения в Китае существовал еще с древних времен. Проводя политику великодержавного шовинизма, реакционные правители Китая не только подавляли малые народности, но в годы господства гоминьдановского режима даже официально отрицали их существование. Все это не могло не оказать влияния на степень изученности национальных меньшинств: до последнего времени не было ясности по многим вопросам, связанным с этническим составом страны. Даже самые названия некоторых народов, особенно — живущих в юго-западном Китае, стали достаточно известны лишь недавно. В старых китайских атласах и различных справочных изданиях из года в год печатались мелкомасштабные (1 : 20—1 : 30 млн.) схематические карты народов (или языков), на которых показывалось не более 25—30 народов (в действительности в Китае их насчитывается более 50). Еще в вышедшей в 1954 г. работе «Китай» (издание Большой Советской Энциклопедии)¹, которая отражает достигнутый на то время уровень знаний, характеристика населения далека от действительности. Так, в перечне основных народов в этой работе не упомянуты чжуаны — самый крупный из числа национальных меньшинств народа Китая. Численность маньчжуров указана в 70—150 тыс. чел., а в действительности их оказалось (по переписи населения 1953 г.) около 2,5 млн. чел.

* * *

Новые работы китайских ученых в области этнической картографии представляют большой интерес. Пять рассматриваемых здесь этнографических карт по отдельным провинциям Китая и по стране в целом² — выдающееся событие не только в китайской, но и в мировой этнографии и картографии. Можно без преувеличения сказать, что за десять послереволюционных лет китайская этнографическая наука не только ликвидировала свою отсталость, но и вышла на одно из первых мест в мире. По крайней мере нам неизвестно, чтобы в другой какой-либо стране имелись этнические карты крупного масштаба (1 : 500 000—1 : 1 000 000), охватывающие такую большую территорию.

Чем объясняются эти успехи?

Для практики социалистического строительства большое значение имеют подробные данные о численности, национальном составе и размещении населения. Эти данные помогают решению таких вопросов, как правильное размещение производительных сил, проведение социалистических преобразований в экономике, национальное строительство, повышение культурного уровня народа и многих других. Уже в 1953/54 г., когда в стране еще не были залечены раны, нанесенные длительной войной за Освобождение,

¹ Эта работа представляет собой перепечатку статьи «Китай» из 21 тома Большой Советской Энциклопедии, вышедшего в 1953 г., до опубликования материалов переписи населения Китая.

² 1. *Карта расселения национальностей Китайской Народной Республики*. Издана Правительственным комитетом по делам национальностей КНР. Октябрь 1956. Масштаб 1 : 4 000 000.

2. *Карта расселения национальных меньшинств Гуйчжоу*. Комитет по делам национальностей провинции Гуйчжоу. Апрель 1957. Масштаб 1 : 800 000.

3. *Карта расселения национальных меньшинств Центрально-Южного района*. Комитет по делам национальностей Центрально-Южного административного района. Составлена на основании обследований 1953 г. Август 1954. Масштаб 1 : 2 000 000.

4. *Карта расселения национальных меньшинств провинции Юньнань*. Издана комитетом по делам национальностей народного правительства провинции Юньнань. Сентябрь 1954. Масштаб 1 : 1 000 000.

5. *Карта расселения национальностей провинции Гуанси*. Издана комитетом по делам национальностей провинции Гуанси. Апрель 1957. Масштаб 1 : 800 000.

Все карты изданы на китайском языке.

Этим перечнем не ограничиваются работы по этническому картографированию. Новые карты народов появились в атласах и учебниках. Почти во всех работах, посвященных национальному строительству, описанию народов, автономных районов и т. д., имеются этнические карты (некоторые из них — крупного масштаба).

в Китае была проведена всеобщая перепись населения, которая впервые с научной достоверностью определила общую численность, национальный состав, размещение населения и т. д. О значении переписи можно судить хотя бы по тому факту, что общая численность населения оказалась на одну четверть больше, чем считали раньше³.

Одна из важнейших задач в деле строительства социализма — ликвидация экономической и культурной отсталости национальных меньшинств. В этих целях китайское народное правительство с самого начала своего существования приступило к созданию национальных районных автономий для всех народов, живущих более или менее компактно (первые национальные автономные районы появились в Освобожденных районах еще до образования Китайской Народной Республики). Были созданы Комитеты по делам национальностей при центральном правительстве, Академия национальных меньшинств, провинциальные комитеты по делам национальностей и провинциальные институты национальных меньшинств. Эти учреждения организовали многочисленные экспедиции для всестороннего изучения хозяйства, быта, расселения, культуры, численности национальных меньшинств. В результате обработки всех собранных таким образом материалов, а также подробных данных переписи населения были составлены и опубликованы многочисленные труды по отдельным народам, районам и провинциям. Начата работа по выпуску обширной шестидесятитомной серии «Очерки этнографии истории», посвященной всем национальным меньшинствам. Все это позволило так составить самые разнообразные этнические карты.

* * *

Как уже было сказано, по некоторым провинциям Китая составлены карты такого крупного масштаба, подобных которым нет ни в одной другой стране. Большие размеры карт народов Гуйчжоу, Юньнани и Гуанси (2, 4, 5)⁴ позволили показать все, даже самые мелкие группы населения численностью в несколько десятков человек. Выделены не только все народы, обладающие своими национальными особенностями, но и некоторые другие группы, вопрос об этнической принадлежности которых еще не решен⁵. Так, на карте народов Юньнани (4) выделены такие группы, как пула, туця, хуяо и муцзы (по-видимому, близкие к народу ицзу), бэнъян и куцун (возможно, подразделения народа кава), на карте народов Гуйчжоу (2) — лунцзян, гусичин, хугуан, гету, цайця, синця, янхуан, миця, саньчао и т. д. Выделение их на картах очень полезно, так как помогает решить вопрос об этнической принадлежности этих групп.

На картах принят следующий метод показа народов. Резкими способами и цветами заштриховываются территории, где преобладают национальные меньшинства. Китайцы (хань) на всех картах (кроме первой) не выделяются какой-либо штриховкой — места их преобладания оставляются белыми. Присутствие в районах, населенных китайцами, небольшого процента тех или иных народов показывается при помощи специального условного знака — кружка небольшого диаметра, внутри которого дается соответствующая данному народу штриховка. Несколько по-другому составлена карта народов Центрально-Южного района (3). Здесь фигурной штриховкой с постепенно убывающей сложностью показаны районы компактного расселения национальных меньшинств, смешанное и разбросанное население.

На картах почти во всех случаях отсутствует фоновая закраска. Это позволяет одним и тем же цветом, но разной штриховкой или значками показать несколько народов⁶. Так, на карте Юньнани (4) выделено 29 народов, а использовано для составления карты всего семь цветов; одним только красным цветом показано 7 народов, зеленым — 6, коричневым — 5. Примерно так же оформлены и другие карты. Такой метод показа народов представляется чрезвычайно интересным — при ограниченных тех-

³ Резкое увеличение данных о численности населения Китая по сравнению с прежними публикациями вызвало недоверие к новым цифрам со стороны ряда зарубежных исследователей. Так, в демографическом ежегоднике ООН за 1955 год, в таблице № 2, где приводится численность населения по отдельным районам земного шара, возможная ошибка для Китая принята в 10%, тогда как для других стран она не превышает 5%. Однако повторная проверка данных переписи, проведенная в 343 уездах 23 провинций, 5 городах и одном национальном автономном районе и охватившая 53 млн. чел. (около 9% всего населения Китая), показала несостоительность этих сомнений. Попавшие в переписные листы дважды составили 0,139%, а не прошедшие перепись — 0,255%. Эти цифры говорят о высокой точности данных переписи.

⁴ Здесь и дальше в скобках указываются номера рассматриваемых карт, перечисленных выше.

⁵ Дело в том, что в Китае выделение и наименование народов производится специальными правительственными постановлениями. Существует целый ряд групп, которые впоследствии, при дополнительном изучении, могут быть выделены как самостоятельные народы или же окажутся частью другого народа.

⁶ Такой метод в свое время был предложен Комиссией АН СССР по изучению племенного состава России и сопредельных стран и употреблялся на картах, издаваемых этой Комиссией.

нических средствах карта получается очень наглядной. Использование небольшого количества цветов позволяет выбирать самые контрастные краски, что облегчает чтение карты.

Следует отметить, что этот метод затрудняет показ районов со смешанным национальным составом населения. Однако, учитывая крупный масштаб карт (когда можно выделить даже самые малочисленные группы населения) и использование условных знаков (кружочков) для показа небольших групп одного народа среди других народов — отсутствие обозначения смешанных районов не является существенным недостатком.

По-другому составлена карта национальностей по стране в целом (1). На ней заштрихованы территории расселения не только национальных меньшинств, но и китайцев, поэтому белые пятна там обозначают лишь незаселенные пространства. Районы со смешанным населением показаны перекрещенной штриховкой разных цветов. Китайцы, маньчжуры и дунгане, а также некоторые другие народы, сильно разбросанные по всей территории Китая, в районах компактного расселения других народов показаны небольшими знаками, нанесенными на основной фон.

Всего на карте нанесено 48 народов — все официально признанные на момент издания карты⁷. Кроме них, общим знаком показаны все прочие этнические образования, не вошедшие в состав этих народов. И здесь при помощи различного вида штриховок удалось показать почти 50 народов всего лишь девятью красками, и все эти народы хорошо различаются на карте.

В легендах к картам народы, как правило, располагаются в порядке убывания их численности и не классифицируются по другим признакам.

Особый интерес вызывает карта расселения национальных меньшинств провинции Юньнань (4). Это объясняется не только тем, что мы впервые получаем ясное представление о всех народах и группах, населяющих этот наиболее сложный в этническом отношении район Китая (а может быть и всего мира), но также и потому, что карта содержит ряд дополнительных, очень важных сведений. В легенде, кроме названий народов, даны их численность и процент по отношению к общей численности населения провинции. Все поля карты заняты различными таблицами, картограммами и картодиаграммами. Здесь помещены: картодиаграмма численности народов, схема языковых групп, таблица деления каждого народа на отдельные группы и их самоназвания, профиль с указанием высот над уровнем моря крупнейших населенных пунктов и горных вершин, таблицы расстояний между основными населенными пунктами провинции. В пояснении рассматриваются спорные вопросы, касающиеся выделения тех или иных народов и групп. Фактически мы имеем совмещение на одном листе карты и пояснительной записи к ней, составленной в табличной и диаграммной форме. Все это очень обогащает карту и облегчает ее чтение. По нашему мнению, опыт составления этой карты должен быть учтен всеми, кто занимается этническим картографированием.

* * *

Всякая большая работа, особенно если она делается впервые, может иметь те или иные недостатки или спорные моменты. Это относится и к рассматриваемым картам. Однако следует сказать, что эти недостатки не столь велики, чтобы они могли существенно повлиять на научную ценность карт.

Есть ряд погрешностей в общегеографической основе карт. Конфигурация рек, дорог, местоположение населенных пунктов в ряде мест дается очень приближенно и по-разному на отдельных картах. Это затрудняет ориентировку и искажает, в некоторых случаях, показ расселения тех или иных народов.

Нам кажется неоправданным (так как это обедняет содержание карт) отказ китайских ученых от группировки народов в легендах в порядке лингвистической классификации. Действительно, в настоящее время есть еще ряд невыясненных вопросов по классификации народов. Спорным является отнесение к той или иной группе таких народов, как молао, маонань, келао, шэ, а также корейцев и вьетнамцев. Однако все это не является достаточным основанием для отказа от группировки — все спорные моменты могли быть отражены в примечаниях.

Почти на всех картах выделяются группы, не являющиеся самостоятельными народами, и лишь на карте Юньнани (4) указано, частями каких народов, возможно, они являются. При отсутствии таких указаний на других картах становится затруднительным судить о расселении тех или иных народов, тем более, что и в литературе эти группы очень редко упоминаются. Так, например, на карте народов Гуйчжоу (2) такие группы занимают не менее 10% всей заштрихованной территории и за счет их уменьшается площадь распространения народов буй и мяо, подразделениями которых эти группы, по-видимому, являются.

На картах не проведены границы между народами. Условной границей между ними служит переход от одной штриховки к другой или от одной краски к другой. Это, конечно, не может не сказаться на точности карт.

⁷ Сейчас в КНР выделено 52 народа.

Ряд замечаний имеется к карте народов Китая (I). Составлена она с меньшими подробностями, чем позволяет имеющийся материал (например, крупномасштабные карты по провинциям). Некоторые районы, особенно на востоке страны, изображены очень схематично. Границы расселения таких народов, как шуй, буи, чжуан, показаны по-другому, чем на более подробных картах по провинциям. В Китае около 10% территории, главным образом пустыни и высокогорные районы, совершенно не населены; в Синьцзяне и Тибете они составляют около половины всей площади. На карте же схематично показаны только отдельные небольшие незаселенные районы. В различных местах одним цветом выделены «прочие» народы, что на картах обычно не делается. Следовало бы по крайней мере в легенде дать расшифровку названий этих народов а на карте отличить их номерами.

Наконец, следует остановиться на количественных показателях изображения народов. В Китае население размещено очень неравномерно. В западной половине страны живет всего 3% населения. Плотность его в восточных районах в среднем в 50 раз больше, чем в западных. Тибетцы, которых насчитывается 2,8 млн. чел., занимают территорию лишь в 2,5 раза меньшую, чем китайцы, численность которых превышает в настоящее время 600 млн. чел. Поэтому было бы желательно выделить более выпукло самые многочисленные народы или же народы, имеющие высокую плотность. Этого можно было сделать, выбирая для них самые интенсивные краски и более густую штриховку.

Условными значками показаны вкрапления других народов, независимо от их численности в данном месте. Так, например, ряд вкраплений маньчжур показан в таких провинциях, как Цзянси, Чжэцзян, Фуцзянь, Шаньси, где их численность не превышает 200—800 чел. Вряд ли целесообразно было их показывать в этих районах на сводной карте народов Китая (I). Они здесь не являются органическим элементом.

Несмотря на отмеченные недостатки, можно поздравить китайских ученых с значительными достижениями в области этнического картографирования. С удовлетворением можно отметить, что связи между китайскими и советскими учеными в области этнической картографии все расширяются. В 1956 г. побывавшая в СССР делегация китайских этнографов проявила большой интерес к работам Института этнографии АН СССР по составлению карт народов новым методом, который заключается в сочетании показа на одной карте этнического состава и плотности населения. Затем, в 1957 г., в Китае побывал заведующий сектором этнической статистики и картографии Института этнографии П. Е. Терлецкий, который ознакомил китайских ученых с новым методом этнического картографирования. После этого китайские специалисты приступили к составлению по этому методу этнических карт отдельных территорий (например по западной части Гуанси-Чжуанской автономной области). Было бы желательно появление новых карт народов (составленных разными способами) по таким сложным в этническом отношении районам Китая, как, например, Синьцзян, Дунбэй, Ганьсу, Цинхай и т. д.

С. И. Брук

Гуанси чжуанцзы лиши хэ сяньчжуан (История и современное положение народа чжуан провинции Гуанси). Ред. Хуан Цзан-су и др., Пекин, 1958, 68 стр.

5 марта 1958 г. в жизни многонационального Китая произошло важное событие. После тщательной подготовительной работы в г. Наньнине в торжественной обстановке было провозглашено создание третьей автономной области КНР — Гуанси-Чжуанской. С созданием этой автономии сбылись вековые мечты чжуанского народа — самого крупного по численности национального меньшинства страны.

Накануне этого события Издательство национальной литературы КНР выпустило в свет коллективный труд китайских историков и этнографов, посвященный истории и современному положению чжуан Гуанси. Не будет преувеличением сказать, что до публикации этой книги сведения о чжуан в мировой науке были чрезвычайно скучны. Материалы экспедиционных исследований ученых народного Китая, данные исторических хроник позволили авторам дать общую, хотя и краткую картину истории сложения чжуанской народности, которая совместно с китайцами героически боролась против феодально-империалистического гната. Авторы рецензируемой книги, используя обширные материалы, показывают, что сложение хозяйственно-культурного типа бывшей провинции Гуанси явилось результатом объединенных усилий и творчества чжуан и китайцев.

В небольшой по объему работе содержится так много новых материалов и фактов, что они заставляют пересмотреть сложившиеся раньше представления о чжуан и их месте в истории Китая. Книга содержит семь разделов. Первый из них посвящен общей характеристике народа и области его расселения. По данным 1958 г., чжуан в Китае насчитывается свыше 7 млн. Подавляющее большинство чжуан (свыше 6,5 млн. чел.) проживает в западной половине Гуанси, где они составляют 37% всего населения; 73 уезда и города Гуанси-Чжуанской области населены исключительно чжуан, а

которые живут на территории, составляющей около 60% Гуанси. Главным городом является Наньнин, ставший с марта 1958 г. центром ныне созданной автономной области.

Климатические и природные условия Гуанси чрезвычайно благоприятны для круглогодичного занятия поливным земледелием. Этот вид сельского хозяйства — основное занятие крестьян. В то же время довольно значительная часть населения занята на промышленных предприятиях и угольных разработках.

Чжуан являются самыми ранними обитателями Гуанси. Уже в начале нашей эры они достигли больших успехов в производстве сельскохозяйственной продукции, выработали свою систему поливного земледелия, создали крупные поселения. Благоприятное сочетание природных и исторических условий жизни чжуан способствовало значительному экономическому и культурному развитию этой народности по сравнению с другими национальными меньшинствами страны. Историческое единение трудающихся чжуан и китайцев предопределило широкое участие этих двух народов в истории революционной борьбы Китая. В результате осуществления национальной политики Коммунистической партии Китая в 1952 г. в западной части Гуанси был создан автономный район чжуан, в 1956 г. преобразованный в округ. Под руководством Коммунистической партии Китая здесь были осуществлены демократические и социалистические преобразования в сельском хозяйстве, ремесленном производстве и промышленности, способствовавшие резкому подъему благосостояния народа.

Второй раздел монографии посвящен исследованию исторических наимечаний предков чжуан в китайских хрониках, их самоназваний и вопросам их происхождения. Устанавливая, что этноним чжуан появляется в китайских хрониках с начала правления династии Сун (Х в.), авторы убедительно доказывают принадлежность этнонимов лоюэ, ляо, ли, лан предкам чжуан. Такое отождествление дает право видеть в группах дуньюэ (дунюо) и сиюэ (сиоу; последние связаны с лоюэ) самых ранних предков чжуан и таким образом, исходя из исследований вьетнамских историков, рассматривать ранний этногенез чжуан в связи с этногенезом вьетнамцев; лоюэ (вьетнамская форма лак-вьет) определенно считаются предками вьетнамцев. Хотя это и не нашло отражения в настоящей работе из-за ее краткости, необходимо также добавить, что раннее государственное образование на юге Китая — Наньюэ (III—I вв. до н. э.) было создано предками чжуан и вьетнамцев. Говоря о современных самоназваниях чжуан, авторы отмечают четыре, как наиболее распространенные и всеобщие: бучжуан, буту, буи, бунун (в каждом случае компонент «бу» означает на языке чжуан «человек»).

В третьем разделе книги дается краткий исторический очерк народности чжуан. На 18 страницах изложены основные события из жизни чжуан, начиная с времени правления династии Тан (VII—X вв.) до середины XIX в. Внутри раздела материал разбит, в соответствии с традиционной хронологией, по династиям и в основном заимствован из династийных хроник. Но из обширных сведений китайских исторических памятников авторы берут такие факты, которые наиболее четко характеризуют процессы разложения первобытно-общинных отношений, степень развития различных отраслей производства у чжуан. Безусловно, для краткого очерка такая подача материала наиболее выигрышна. Приведенные материалы показывают, что уже к началу X в. чжуан имели развитое ремесленное производство, выросшее на базе древних традиций (бронзовые барабаны, знаменитая чжуанская парча). Процессы классообразования внутри общества чжуан были столь значительны, что сохранявшиеся по традиции родоплеменное деление играло не большую роль в их общественной жизни, чем широко известные «цзунцзу» (территориально-родственные общинны) у китайцев. Родоплеменная верхушка чжуан имела доступ к чинорвиччим должностям императорского Китая. С другой стороны, усилившиеся феодалы пытались выйти из подчинения императорскому Китаю, стать независимыми владельцами своих областей. Особенно ярко эта борьба против центральной власти проявилась в конце IX и начале XI в. В первом случае борьбу с танским Китаем вел род Хуан, во втором — род Нун. Старейшина рода Нун Чжигао в мае 1052 г. поднял восстание против сунской империи, привлек на свою сторону крестьянские массы чжуан и китайцев и, захватив ряд крупных городов и селений (в том числе современный город Наньнин), провозгласил себя императором и основал государство Наньтяньго («Небесное государство Юга»). Войска Нун Чжигао первое время одерживали победы и развивали наступление на восток, к Гуанчжоу. К исходу 1052 г. восставшие блокировали Гуанчжоу, но продолжавшаяся 57 дней осада не дала результатов; восставшие не овладели городом, силы их ослабли, и в решительном сражении с сунскими войсками в январе 1053 г. они потерпели поражение: Нун Чжигао с небольшим отрядом ушел на территорию государства Дали (стр. 20).

В период правления династии Цин (1644—1912), отмечают авторы книги, в районах, населенных чжуан, значительно обострились противоречия как классовые (между крестьянством чжуан и китайцев, с одной стороны, и чжуан-китайскими помещиками, — с другой), так и национальные. К концу этого периода классовая борьба крестьянства стала приобретать более резкие формы (стр. 30), а верхушечные слои чжуан и китайцев всячески разжигали национальную рознь между этими народами. Следует подчеркнуть, что в экономическом, социальном и культурном отношении чжуан не уступали китайцам (стр. 31). В то же время тесные культурно-исторические

связи этих двух основных народов Гуанси были столь прочными, что попытки нарушить их не могли увенчаться успехом. Вероятно, это в первую очередь предопределило особое место чжуан среди других национальных меньшинств страны в революционной истории Китая.

Истории революционной борьбы трудящихся масс чжуан посвящены четвертый и пятый разделы книги: «Революционная борьба народа чжуан в период правления династии Цин» и «Революционная борьба народа чжуан под руководством Коммунистической партии Китая». Если во втором из этих разделов авторы дают дополнительные сведения об уже известных фактах участия чжуан в народной революции о знаменитых 7-й и 8-й Красных армиях, созданных чжуан и действовавших в Гуанси о героическом сине чжуанского народа коммунисте Вэй Баоцуне, о коммунистических партизанских отрядах, изгнавших гоминдановцев с захваченной ими территорией; то первый раздел сообщает совершенно новые материалы, вынуждающие пересмотреть некоторые установленные в исторической науке взгляды.

Четвертый раздел включает две главы: «Участие гуансиских чжуан в восстании периода Тайпинянго» и «Вклад народа чжуан в китайско-французскую войну в конце династии Цин».

Чжуан всех слоев населения, от старейшин-феодалов до крестьян и угольщиков, приняли активное участие в тайпинском восстании, выдвинув таких вождей, как Вэй Чанхуэй и Линь Фынсян. Линь Фынсян был выходцем из беднейших слоев чжуанского крестьянства; будучи одним из руководителей северного похода тайпинской армии, он внес большой вклад в дело тайпинов. Восстание тайпинов началось в чжуанской деревне Цзиньтянь, в нем приняли активное участие чжуан, которые «составляли одну четверту или около одной трети всего состава тайпинской армии того времени» (стр. 33). Таким образом, великая крестьянская война тайпинов должна рассматриваться как антифеодальное и национально-освободительное движение китайцев, чжуан и других народов Китая. В этой же главе сообщены новые факты о местных очагах восстаний, которые способствовали укреплению тайпинов. Вторая глава сообщает, что большинство бойцов легендарной армии Черных флагов, сражавшейся против французских колонизаторов, составляли чжуан, проявившие в кровопролитных боях мужество и отвагу (стр. 35).

В разделе шестом рецензируемой книги описываются характерные особенности экономики, культуры и политического устройства чжуан до Освобождения. Из помещенных материалов следует обратить внимание прежде всего на замечание авторов о капиталистическом укладе у чжуан. Так, авторы сообщают, что в обществе чжуан до Освобождения ремесло в ряде случаев отделялось от земледелия и появилась небольшая группа населения, ставшая наемными рабочими на небольших предприятиях. Это, по мнению авторов, свидетельствует о том, что «начинают возникать капиталистические мануфактуры» (стр. 43). Ясно, что в условиях столь высокого уровня социально-экономического развития система местных управлятелей тусы, принятая для национальных окраин Китая, была неприемлема в отношении чжуан, и на районы их расселения распространялась общекитайская политическая административная структура (стр. 44). В специальной главе о языке авторы, оговаривая, что вопрос о существовании в прошлом своей иероглифической письменности у чжуан остается невыясненным, склонны считать более вероятным, что такая письменность была (стр. 50).

Заключительный, седьмой, раздел авторы посвящают характеристике тех коренных изменений, которые произошли в жизни народа чжуан после Освобождения. На ярких примерах они показывают социалистические преобразования в области экономики и культуры гуансиских чжуан, которые вместе с китайским и другими народами страны под руководством Коммунистической партии Китая добились решающих побед во всех областях новой жизни. В результате происшедших изменений уже в 1956 г. доля промышленности в общем производстве чжуан составляла 10% (стр. 59), а это означает численный рост рабочего класса, его возросшую роль в жизни своего народа.

В настоящее время китайские ученые готовят к выпуску серию историко-этнографических очерков о народах своей многонациональной страны. Удачный опыт такого рода изданий уже есть — это прежде всего рассмотренная здесь книга о чжуан Гуанси. Можно быть уверенными, что китайские ученые с честью выполнят поставленную задачу и их исследования являются значительным вкладом в этнографическую науку. Хочется выразить надежду, что вслед за небольшими трудами китайские ученые создадут капитальные исследования, посвященные истории, культуре быта народов Китая.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Г. А. Агранат. *Зарубежный Север. Очерки природы, истории, населения и экономики районов*. М., 1957, 319 стр.

Книга Г. А. Аграната представляет общий обзор экономики, географии, населения и истории освоения северных областей Америки и зарубежной Европы. Для этнографов работа имеет особый интерес в связи с тем, что автор подробно освещает современное положение коренного населения этих районов. Как известно, специальных исследований по данному вопросу нет. Работа состоит из введения, пяти разделов (Аляска, Канадский север, Гренландия, Шпицберген, Исследования центральной Арктики зарубежными странами) и заключения. В настоящей рецензии мы коснемся лишь этнографических проблем, затронутых в книге.

Рассматривая современное положение малых народов зарубежного Севера, автор показывает, что европейская колонизация нарушила веками сложившийся хозяйственный уклад их жизни. Вследствие хищнического истребления европейцами китов, моржей и сокращения запасов лосося в прибрежных водах Северной Америки и Гренландии, почти полного уничтожения оленя-карибу значительно сократились, а местами полностью сошли на нет такие важнейшие в прошлом отрасли хозяйства эскимосов и индейцев, как охота на морского зверя и дикого северного оленя. В то же время развивающийся под влиянием европейцев пушной промысел дает эскимосам и индейцам весьма небольшие доходы. В связи с этим в настоящее время коренное население часто не в состоянии обеспечить себя самыми необходимыми продуктами, что нередко приводит к голодающим. Так, у эскимосов Канады сильными голодающими были отмечены зимы 1953/54 и 1955/56 гг. Многие эскимосы и индейцы вынуждены покидать веками обжитые места и поступать в качестве сезонных рабочих на горнопромышленные, рыбоконсервные и другие предприятия, где их труд оплачивается намного ниже, чем американцев или европейцев.

Во время второй мировой войны и в послевоенные годы на Аляске и в других районах зарубежного Севера развернулось значительное промышленное и особенно военно-стратегическое строительство. Для обслуживания военных баз привлекается и коренное население. Эскимосы и индейцы Аляски вербуются также в особые отряды так называемой Национальной гвардии, где их готовят проводниками и разведчиками на случай возможных военных действий на Севере (стр. 52). В связи с этим правительственные органы США в послевоенные годы уделяют внимание экономическому и правовому положению малых народов Севера. Однако отдельные шаги, сделанные в США и Канаде для некоторого улучшения положения коренного населения, по существу мало что изменили. Большинство эскимосов, алеутов и индейцев по-прежнему лишены тех гражданских прав, которыми обладает белое население. Так, многие коренные жители Аляски считаются не «гражданами», а «подданными» США. Получение американского гражданства сопряжено для аборигена с очень большими трудностями: необходимо успешно выдержать экзамены, где выясняется степень приобщения его к «цивилизованной жизни», выхлопотать особое поручительство у пяти «белых» граждан и т. д.

Образовательный цзен фактически лишает большую часть коренного населения избирательных прав. Автор приводит сведения, относящиеся к 1950 г., согласно которым 25% алеутов, индейцев и эскимосов Аляски старше 25 лет вообще никогда не учились в школах. Грамотных среди коренного населения очень мало, так как число школ для малых народов Севера невелико. К тому же большинство их находится в руках церковных миссий. Дети коренного населения обучаются в этих школах отдельно от белых детей. Преподавание ведется на английском (Аляска, Канадский Север) и французском (Канада) языках, письменность на эскимосском языке отсутствует¹.

Больницы, также находящиеся в руках церковных миссий, обслуживают только незначительную часть коренного населения. Процент смертности у малых народов зарубежного Севера весьма высок, тем не менее официальные данные переписи, проведенной на Аляске в 1950 г., показали некоторое увеличение численности коренного населения за прошедшие 40 лет. Автор справедливо указывает, что этот прирост в действительности далеко не столь значителен, как явствует из статистических сведений. Г. А. Агранат правильно считает, что при использовании данных официальных источников необходимо учитывать, что прежняя перепись (1910 г.) не охватывала некоторой части коренного населения. Нельзя не принимать во внимание и то обстоятельство, что американские статистики ныне относят к «туземцам» людей,

¹ Несколько иначе обстоит дело в Гренландии, где датское правительство долгое время проводило политику «культурной изоляции» коренного населения. В Гренландии уже около ста лет существует письменность на эскимосском языке, и дети коренных жителей обучались в особых школах, находившихся в руках церковных миссий. Только с 1950 г. когда школьное дело местного населения было передано датскому школьному ведомству, преподавание в большинстве школ страны стало вестись на двух языках — эскимосском и датском.

предки которых во втором и даже в третьем поколении были эскимосами, алеутами или индейцами.

Как отмечает Г. А. Агранат, в послевоенные годы многие американские и канадские этнографы и экономисты часто поднимают вопрос о путях дальнейшего развития малых народов Севера, их будущей судьбе. Однако те пути развития малых народов, которые предлагают американские этнографы, практически неосуществимы. Одна из них — восстановление и консервация старых промысловых отраслей хозяйства — в условиях капитализма означает для коренного населения громадный шаг назад, в прошлое, тогда как другой путь — создание из среды малых народов кадров квалифицированных рабочих — является применительно ко всему коренному населению зарубежного Севера совершенно нереальным.

Наряду с этим автор отмечает, что в послевоенные годы под давлением прогрессивной общественности правительственные органы, ведающие делами коренного населения (Аляскинская туземная служба в США, Министерство по делам Севера и национальных ресурсов в Канаде, Министерство Гренландии в Дании), осуществляли некоторые мероприятия для улучшения положения малых народов Севера. Появляется развитие сравнительно новых отраслей хозяйства — оленеводство (Аляска, Канадский Север, Гренландия) и овцеводства (Гренландия), проведены некоторые реформы в области школьного дела и здравоохранения, выдаются пособия детям, престарелым и инвалидам, отпускаются кредиты на жилищное строительство. Оценивая положительные стороны этих мероприятий, автор одновременно вскрывает их половинчатость и односторонность. Вывод, к которому приходит Г. А. Агранат, закономерен: коренное улучшение жизненных условий и дальнейшее развитие малых народов зарубежного Севера связано с полной ликвидацией расовой дискриминации и правового неравенства и всесторонней помощью им со стороны государства. А это невозможно в условиях империализма.

Отметим и некоторые недостатки в освещении современного положения коренного населения зарубежного Севера, имеющиеся в работе. Недостаточно внимания уделяет автор процессам классового расслоения, происходящим ныне в среде малых народов Севера, в частности развитию национальной буржуазии. Конечно, такая буржуазия, как индейская, почти не связана с производством, еще малочисленна и слаба и слишком непоследовательна даже в решающих вопросах борьбы за национальную независимость своего народа. По-иному обстоит дело в Гренландии — единственной области зарубежного Севера, где коренные жители — эскимосы составляют абсолютное большинство населения. Автор сообщает о том, что в 1951 г. национальный совет Гренландии не был избран ни один из баллотировавшихся тундровских чиновников (стр. 230). Активные выступления гренландской общественности, поддержанные прогрессивными политическими кругами Дании, вынудили датское правительство к обещанию рассмотреть в ближайшие годы вопрос о предоставлении Гренландии независимости. Широкое движение коренного населения Гренландии за свою национальную независимость происходит, очевидно, не без влияния со стороны эскимосской буржуазии. Развитие буржуазии у народов зарубежного Севера и ее роль в борьбе за изменение правового положения и национальную независимость — важные факты сегодняшнего дня, и очень жаль, что они почти не освещены в книге.

В работе Г. А. Аграната содержатся сведения о расселении, хозяйстве, быте и общественном строем малых народов зарубежного Севера в прошлом.

В разделе, посвященном Аляске, автор сжато, но довольно полно описывает основные черты хозяйства и материальной культуры американских эскимосов до европейской колонизации. Отметим, что автор не претендует на исчерпывающее этнографическое описание эскимосов, но тем не менее у читателя создается цельное представление о быте самого северного народа на земле. Очевидно, во избежание повторений Г. А. Агранат почти не касается хозяйства и быта эскимосов Канадского Севера и Гренландии.

Таким же образом строит автор этнографическое описание индейцев Аляски и Канадского Севера. Кратко рассказав о хозяйстве и материальной культуре в прошлом индейцев внутренних районов и юго-восточного побережья Аляски, в отношении алгонкинских и атапаских племен Северной Канады он ограничивается замечанием, что это «такие же кочевые охотники и рыболовы», как и индейцы-атапаски Аляски (стр. 144).

Слабо представлены в книге алеуты. Для читателя остается, например, неясным, какой же вид промысла играл ведущую роль в хозяйстве этого народа.

Этнографический материал книги содержит и некоторые фактические ошибки. Утверждение о том, что 2—3 столетия назад канадские эскимосы заселяли южное побережье Гудзонова залива, — неверно (стр. 144). Как известно, до европейской колонизации эти места занимали индейские алгонкинские племена².

Некоторые возражения вызывает и освещение автором вопросов, связанных с общественным строем коренного населения зарубежного Севера в прошлом. В от-

² См. «Очерки общей этнографии», под ред. С. П. Толстова, М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, вып. 1, Общие сведения. Австралия и Океания, Америка, Африка. М.—Л., 1957. Карта расселения народов Северной и Центральной Америки до европейской колонизации.

ношении народов Аляски Г. А. Агранат ограничивается заявлением, что все они находились на различных стадиях первобытно-общинного строя, а разделение на классы, на богатых и бедных только зарождалось (стр. 47). Это, конечно, верно. Тем не менее подобное объяснение вряд ли может удовлетворить читателя, которому несомненно было бы интересно узнать, что у эскимосов ко времени прихода европейцев, вероятно, еще происходил процесс перехода от материнского рода к отцовскому, тогда как у индейских племен юго-восточной Аляски в этот период уже, видимо, преобладали патриархальные отношения, хотя пережитки матриархата были довольно сильны (например, счет родства и наследование происходили по линии матери). Совершенно не касается автор и такого интересного явления, как наличие патриархального рабства у племен юго-восточной Аляски.

Весьма упрощенной представляется нам и трактовка автором обычая потлача только как празднества, во время которого устроитель так щедро одаривал гостей, что нередко полностью разорялся (стр. 47). Автор не указывает, что потлач, бытавший у индейцев юго-восточного побережья Аляски (тлинкиты, хайда, цимшиан, селиш), ко времени прихода европейцев являлся своего рода средством сопротивления родовых начал растущему имущественному неравенству. Позднее, с углублением разложения родовых отношений и увеличением имущественного неравенства, этот обычай использовали старейшины и другие наиболее влиятельные и богатые члены рода для усиления своего могущества, сторицей возмещая расходы за счет поборов с соседней и соплеменниками.

Нельзя не упрекнуть автора и в том, что он совершенно не затрагивает вопросов этногенеза малых народов зарубежного Севера, хотя эти проблемы давно поставлены и частично уже разрешены. Не касается автор и духовной культуры коренного населения. Отметим также, что Г. А. Агранат неточно называет некоторые индейские племена Северной Америки (атабаски, альгонкины, цимшияне вместо принятых в советской этнографии — атапаски, алгонкины, цимшиан).

В книге Г. А. Аграната значительное внимание уделяется истории колонизации зарубежного Севера. Этот вопрос освещается в работе весьма подробно. Укажем лишь на отдельные упоминания. Излагая историю колонизации Аляски, следовало бы остановиться на том противодействии в освоении этой территории, которое оказывала Русско-Американской компании Английская компания Гудзонова залива. Дело доходило до того, что агенты последней нередко натравливали отдельные индейские племена на русских.

Среди имен русских исследователей природы и жителей Северной Америки, наряду с Л. Загоскиным и И. Вениаминовым, следовало упомянуть также И. Вознесенского, ученого-зоолога, оставившего интересные заметки о народах Аляски и зарисовки их быта. Укажем еще, что в книге пропущен такой важный факт истории алеутов, как переселение их русскими в 1825—1826 гг. на Командорские острова.

Работа снабжена обширной библиографией, содержащей 230 названий на русском и иностранных (преимущественно английском и датском) языках. К сожалению, автором не использованы некоторые труды советских этнографов, непосредственно касающиеся темы его книги. Назовем хотя бы работу Ю. П. Аверкиевой «Рабство у индейцев Северной Америки» (М.—Л., 1941) и статью Е. Э. Бломквист «Колонизация Северной Америки и современное положение индейцев» («Индейцы Америки», Труды Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. XXV, М., 1955).

Отмеченные недостатки ни в коей мере не снижают ценности рецензируемой работы. Книга Г. А. Аграната не только явится полезным пособием для этнографов и специалистов других наук, занимающихся изучением Севера, но и несомненно заинтересует широкие слои читателей.

В. Васильев

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ

Frederic D. McCarthy. *Australia's Aborigines. Their life and culture*. Melbourne, 1957, 200 стр.

Перу Фредерика Маккарти принадлежит ряд работ обaborигенах Австралии¹. Рецензируемая книга содержит сжатую этнографическую характеристику коренного населения этого континента; работ аналогичного характера немного.

¹ См., например: F. D. McCarthy, «Trade» in *Aboriginal Australia and «trade» relationships with Torres strait, New Guinea and Malaya*, «Oceania», т. IX, Sydney, 1939, № 4; т. X, 1949, № 1, 2; его же, *Australian Aboriginal Material Culture: its composition*, «Mankind», т. II, Sydney, 1940; его же, *The Stone Implements of Australia*, «Memoir, Australian Museum», IX, 1946; его же, *The Antiquity of Man in Australia*, «Australian Museum Magazine», IX, 1948, № 7; его же, *The Prehistoric cultures of Australia*, «Oceania», т. XIX, 1949, № 4, его же, *Australian Aboriginal Culture*, «Australian National Committee for UNESCO», 1953; его же, *The Oceanic and Indonesian Affiliations of Australian Aboriginal Culture*, «The Journal of the Polynesian Society», т. 62, 1953, № 3.

Глава I — «Кто такие австралийскиеaborигены» начинается с разбора теорий о происхождении австралийцев. Автор обобщает существующие в науке мнения о происхожденииaborигенов Австралии. Вместе с большинством исследователей он считает, что прародина австралийцев — Юго-Восточная Азия. Однако выделение автором австралийцев в четвертую основную расу человечества — «австралийскую» — спорно².

Совершенно несоставимо с передовым мировоззрением такое утверждение автора «Вопрос об уровне интеллектуального развитияaborигенов спорен. Оценить его крайне трудно. Среди них много индивидов с высоко развитым интеллектом, который вполне может быть сравним с умом белых людей, но их так называемая расовая интеллектуальность остается под вопросом» (стр. 22). Дальнейшие утверждения автора по этому вопросу соответствуют приведенному выше основному тезису: «в вопросах связанных с абстрактным мышлением..., их результаты значительно ниже, чем у белых» (стр. 23); в их языке нет слов для абстрактных понятий; детиaborигенов учатся в смешанных школах якобы хуже детей белых, почему и учителя жалуются, что очень трудно учить этих детей в ранних классах, и т. д. Между тем, лучшее доказательство значительно высокого интеллектуального развития австралийцев — признание самого Маккарти, что они наблюдательны, хорошо ориентируются в пустыне, где легко находят воду и пищу, искусны в ремеслах, имеют сложную систему родства, богатую мифологию. Не приходится доказывать, что если бы не горькая нищета и крайне неблагоприятные условия жизни, коренное население не уступало бы белым в уровне образования. Несмотря на крайне тяжелые условия жизниaborигенов, из их среды выходят высокоодаренные люди. Так, известен астроном-любитель изaborигенов, о котором Ф. Лушан сообщал, что он стоял на высоте современной культуры³. Напомним также о замечательном художнике Альберте Наматжира⁴, юных художниках из школы в резервации Кэрролуп⁵.

Главы II — «Охотники, рыболовы и собиратели» и III — «Мастера каменного века» дают представление об экономической жизни австралийцев. Они написаны очень живо, простым языком и читаются с большим интересом. Подробное перечисление различных способов охоты,ловли рыбы не утомляет читателя. Так же просто описаны повседневные занятия в лагере, способы добывания огня, приготовления пищи, постройки жилищ, изготовления орудий и оружия, различных украшений. Кратко, ясно сказано о разделении труда и распределении продуктов охоты и рыбной ловли.

Глава IV — «Руководство общественной жизнью» слишком кратка. В ней популярно охарактеризована общественная жизнь, система родства, брачные отношения; правильно показаны политическая функция племени и экономическое значение локальной группы. О принципах наследования сказано мельком. Подчеркнута роль стариков в обществе. Автор характеризует причины войн, правила их ведения. Но по сравнению с описанием материальной культуры и хозяйства сложная общественная организация австралийцев описана поверхношно.

Следующие четыре главы: V — «Мир полон духами предков», VI — «Колдуны или умные люди», VII — «Погребальные обряды», VIII — «Художники и раскрасчики» трактуют о духовной жизниaborигенов, об их искусстве; здесь много увлекательных деталей, образных описаний. Охарактеризована богатая мифология, религиозные верования, посвятительные церемонии, деятельность знатарей («колдунов»). Подробно описана народная медицина. Детально описаны погребальные обряды и траурные обычаи. Маккарти кратко характеризует каннибализм, определяя его как следствие голода и ритуальных представлений. В главе VIII хорошо показана большая роль искусства в жизниaborигенов. Автор отмечает их страсть разрисовывать все, что можно — оружие, домашнюю утварь, скалы, стены пещер, собственное тело. Правильно указаны источники и темы художественного творчества: быт и религиозные представления.

Последняя глава — «Развитие культурыaborигенов» служит своеобразным заключением к книге. В ней автор знакомит со взглядами ученых на происхождение австралийской культуры. Маккарти излагает и свое мнение: предки австралийцев пришли на континент с определенной культурой, которая неизбежно изменилась под влиянием местных условий. Автор справедливо считает, что при однородности культуры в целом необходимо отметить ее порайонные особенности. Прав он и отрицая абсолютную изолированность австралийского материала.

Заканчивается работа критикой мнения о чрезвычайной простоте австралийской культуры. Автор пишет: «Жизнь коренного населения — это не слабая система общественных связей, функционирующая только для поддержания жизни народа в труд-

² Известно, что большинство современных антропологов делит человечество на три большие расы — монголоидную, европеоидную и негроидную; в последнюю входят иaborигены австралийского континента.

³ «Народы Австралии и Океании», под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова (серия «Народы мира. Этнографические очерки», под общей редакцией С. П. Толстова), М., 1956, стр. 298.

⁴ Н. А. Бутинов, Альберт Наматжира — художник из племени аранда, «Сов. этнография», 1954, № 4.

⁵ В. И. Шаревская, Судьба молодежи из коренного населения в современной Австралии, «Сов. этнография», 1955, № 3.

ной обстановке при сравнительно простых технических средствах. Это, как автор стремился показать, общественная структура, укрепленная многочисленными институтами и неисчислимыми связями, которые соединяют индивида и группу. В том же направлении действуют многие обычая небольшого экономического или практического значения, которые тем не менее могут быть рассматриваемы как имеющие существенное значение в эстетическом, культурном и интеллектуальном отношениях» (стр. 194).

Далее, касаясь причины вымирания коренного населения, Маккарти пишет, что первые путешественники описывали аборигенов как людей крайне отсталых, испорченных и что «это впечатление было увековечено и усилено в последующие десятилетия конфликтом между поселенцами (белыми).—A. H.) и аборигенами, которых первые лишили охотничьих, рыболовных и священных земель во многих местах континента; основным результатом трагического непонимания туземцев белыми и неспособности туземцев установить контакт с белыми является уменьшение численности аборигенов от четверти миллиона или более до 45 тыс. чистокровных и 30 тыс. метисов, выживших сегодня» (стр. 17).

Под «трагическим непониманием» автор скрывает разбой, обезземеливание, заражение венерическими болезнями и пр. Маккарти должен был бы четко сказать, что лишение земли, основного источника существования,—основная причина гибели сотен тысяч аборигенов. Надо было добавить, что так как туземцы не уступали своих прав на землю добровольно, то их зверски истребляли: расстреливали, подбрасывали отравленную пищу, устраивали настоящие облавы, во время которых убивали всех без различия пола и возраста. Н. Н. Миклухо-Маклай пишет: «...В Северной Австралии... в возмездие за убитую лошадь или корову белые колонисты собираются партиями на охоту за людьми и убивают сколько удастся черных»⁶.

Автор старается показать стремление австралийского правительства улучшить положение аборигенов. Он говорит о медицинской помощи, о возможности получения среднего и высшего образования, об отпуске средств для их нужд. Однако его утверждения приукашивают положение, о котором можно судить, вопреки желанию автора, по его же замечаниям. Например, Маккарти пишет, что «имеются случаи грубости, эксплуатации, равнодушия к их (аборигенов.—A. H.) благосостоянию со стороны белых; белые не разрешают им ходить в свои бассейны, церкви, школы, где учатся их дети; туземцы не имеют одежды, жилища, пищи и т. д.».

Однако все изложение Маккарти в гораздо большей степени характеризует день минувший, а не день сегодняшний. Современного положения он не показывает, если не считать нескольких фраз во введении и небольшого числа превосходных иллюстраций (стр. 44, 61а, 103 и др.).

Часть этих иллюстраций, характеризующая прошлое, представляет большой этнографический интерес. Фотоснимки современной жизни документальны. Они-то, действительно, рисуют горестное положение коренного населения. К сожалению, автор совершенно не касается положения метисов, хотя эта проблема — одна из важнейших в современной Австралии. Следует подчеркнуть, что англо-австралийские ученые до сих пор еще не дали правдивого описания современного положения аборигенов. Книга Маккарти не восполняет этого пробела.

A. Новицкая

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

The Journal of the Polynesian Society. A quarterly study of the native peoples of the Pacific area. Vol. 65—66, 1956—1957. Wellington, New Zealand.

Журнал Полинезийского Общества издается с 1892 г. В 1957 г. исполнилось 65 лет со дня выхода первого номера. Этой дате посвящена краткая редакционная статья в № 2 за 1957 год.

Полинезийское Общество насчитывает свыше 750 членов (включая зарубежных ученых, научные общества, университеты, библиотеки; в число членов входят: Библиотека Академии наук СССР, Государственная публичная библиотека им. В. И. Ленина, советское посольство в Новой Зеландии). Местный контингент Общества составляют, наряду с профессиональными учеными, врачи, фермеры, учителя, интересующиеся историей и культурой коренного населения Полинезии.

Общество существует за счет членских взносов (1 фунт 10 шиллингов в год, пожизненное членство — 25 фунтов), и не имеет достаточных средств для финансирования научных исследований. Ежегодно происходят съезды Общества, но посещаются они плохо, хотя его члены и стараются приурочить свои деловые приезды в город к дате съезда. На этих съездах утверждается финансовый отчет за минувший год, выделяются определенные суммы для публикации монографий (как правило, не из средств самого Общества, а из специальных поступлений от Океанийской Комиссии),

⁶ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. II, М.—Л., 1950, стр. 442.

Новозеландского университета, различных миссионерских обществ), для представительства на конгрессах и конференциях, дается информация о работе журнала.

Журнал, издаваемый Обществом, содержит материалы по антропологии, этнографии, археологии и филологии коренного населения Полинезии и частично Микронезии и Меланезии.

В 1956 г. журнал опубликовал 15 статей о маори Новой Зеландии (9 по этнографии и 6 по археологии), 2 — по остальной Полинезии (Таити и Гавайи), 3 — по Меланезии и 1 — по Микронезии. В 1957 г. картина примерно та же: 12 статей о маори (7 по этнографии и 5 по археологии), 6 — по остальной Полинезии (Самоа, Таити, Кукив о-ва, Эллисова, о-в Пасхи), 2 — по Меланезии и 1 — по Микронезии. Кроме того, помещено 5 статей, трактующих вопросы эволюции культуры на островах Полинезии. Следует отметить, что ни один новозеландский этнограф не выступил в дискуссии по этим вопросам. В ней приняли участие американские этнографы Голдман, Гуднау, Салинс, а также Бельшоу и Хаусорн (в прошлом новозеландцы, ныне сотрудники Колумбийского университета в США).

Процесс эволюции понимается ими очень узко. Бельшоу и Хаусорн понимают под этим процесс, в результате которого из одной культуры возникает другая при полном отсутствии внешних влияний. Гуднау (1957, № 2) понимает эволюцию как процесс отдаления («радикации») родственных культур от их общего источника, при отсутствии внешних влияний. Такой процесс, пишет он, происходил в Полинезии, Микронезии и в районе Массим на Новой Гвинее. Наконец, Голдман трактует эволюцию как процесс, в котором стадиальность обязательно сочетаться с абсолютной хронологией.

Таким образом, участники дискуссии не хотят принять тезис Л. Моргана и Э. Тейлора о том, что данные абсолютной хронологии, как и данные о родстве культур, не играют решающей роли при установлении стадий развития. Известно, что Морган приводил в качестве примера трех основных стадий развития австралийцев, индейцев Америки и древних греков и римлян, и эта стадиальная последовательность бесспорна, хотя она и не сочетается с принципами абсолютной хронологии и родства народов. Участники дискуссии отказываются признать даже то, что человечество в целом прогрессировало от раннего палеолита. Они утверждают, что процесс эволюции можно изучать лишь в рамках одного «культурного ареала», среди родственных народов. Это означает, что процесс эволюции, по их мнению, охватывает лишь краткие периоды времени, пока народы остаются родственными.

Но это неверно. Процесс эволюции охватывает огромные периоды, в течение которых родственные народы могут стать неродственными. Так случилось, в частности, и с полинезийцами, попавшими из Юго-Восточной Азии на свои острова. «В Азии не найдено ни одного народа, — пишет Гарри Шапиро, — который в настолько время был бы физически и культурно настолько близок к полинезийцам, чтобы можно было предполагать близкое родство. Мы никогда не найдем такого народа: многое могло произойти с працародом в течение столетий, прошедших с тех пор, как полинезийцы начали свои странствия, да и сами полинезийцы за это время могли сильно измениться. Так или иначе, время стерло родство»¹. Надо также учесть, что «выводить законы последовательности из событий небольшого периода времени особенно опасно»². Полинезийский культурный ареал сложился примерно лишь в начале нашей эры. С предпосылкой Голдмана, что предки полинезийцев в эпоху переселения еще не имели общественных классов, вряд ли можно согласиться. Полинезийские легенды в качестве причин переселения указывают борьбу за власть, которая не характерна для родового строя. Культуры, входящие в полинезийский ареал, нельзя рассматривать как разные стадии развития. Скорее всего это варианты одной и той же стадии — разложения первобытно-общинного строя и формирования классового общества. Полинезийцы находились на этой стадии как в начале нашей эры, так и в начале XIX в. Конечно, они не стояли на одном месте, их культура изменялась, но это были изменения в пределах одной стадии.

Попытка Голдмана найти в полинезийских обществах три разные стадии развития представляется нам неубедительной³.

Наибольшее число статей в журнале посвящено коренному населению Новой Зеландии — маори. В трех номерах за 1956 г. и в двух за 1957 г. публикуется маорийский фольклор «Нга Мотеатеа».

Прежней культуре маори (по этнографическим данным) посвящены: статья Т. Бэрроу «Маорийское декоративное искусство» (1956, № 4), в которой дана общая характеристика резьбы по дереву и изделий из нефрита; статья маорийского ученого Махарана Виниата «Вожди в доевропейском маорийском обществе» (1956, № 3), содержащая описание основных единиц племенной организации (вака, иви, хапу, ванай) и основных общественных классов (арики, рангатира, варе, таурекарека); статья Эндрю Шарпа «Доистория новозеландских маори» (1956, № 2), в которой он утверждает, что в доевропейские времена полинезийцы не совершали будто бы преднамеренных даль-

¹ H. L. Shapirō, *Les Iles Marquises, «Natural History»*, 1958, No. 5, стр. 264.

² R. Lowie, *An introduction to cultural anthropology*, New York, 1946, стр. 371.

³ J. Goldmann, *Status rivalry and cultural evolution in Polynesia*, «American Anthropologist», 1955, No. 4.

них плаваний⁴, а также говорит о возможности заселения северных районов Северного острова с Кукувых островов; две статьи Д. Робертона: «Генеалогии как основа маорийской хронологии» (1956, № 1) и «Роль племенных преданий в изучении новозеландской доистории» (1957, № 3), где, между прочим, опровергается утверждение Шарпа об отсутствии преднамеренных дальних плаваний полинезийцев в доевропейские времена. Пеи Те Хурини Джонс в статье «Замечания маори на книгу Эндрю Шарпа «Древние плавания в Океании» (1957, № 1) обвиняет Эндрю Шарпа в том, что он «поставил перед собой задачу дискредитировать достижения наших полинезийских предков» (стр. 131).

Большой интерес вызывает предание о том, как полинезиец Купе открыл Новую Зеландию (1957, № 3). Это предание было известно и раньше, но в данной публикации содержится много новых деталей. Оно записано маорийским вождем Химиона Каамира, главой группы стариков в Хокианга, собиравшимся время от времени, чтобы обсуждать и согласовывать противоречивые предания разных племен. Химион Каамира умер в 1953 г. в возрасте 83 лет. Текст предания опубликован на маорийском и английском языках (перевод Б. Биггса). В предании говорится о постройке лодки и плавании Купе на Новую Зеландию. Это предание, как и множество других, бесспорно доказывает, что полинезийцы в прошлом совершали дальние плавания по океану, в частности с целью переселения на новые архипелаги.

История маори в период колонизации представлена статьей М. Сорренсона «Методы покупки земли и их влияние на маорийское население в 1863—1901 гг.» (1956, № 3). Автор оспаривает точку зрения И. Суверленда, будто главной причиной уменьшения численности маори в XIX в. была «психологическая подавленность» этого народа после поражений в войнах 1860—1870 гг. Статистические данные, приводимые автором, говорят о том, что численность маори резко упала среди племен, лишенных земли. Расхищение маорийских земель европейцами было здесь главной причиной, заключает автор.

В отчете Д. Колсона о конференции на тему «Отношения между расами на Новой Зеландии», состоявшейся в Роторуа (1956, № 3), приводится содержание выступлений официальных докладчиков: двух пакеха — Р. Пиддингтона и В. Джедса и двух маори — М. Виниата и Те Хау. К сожалению, в отчете почти ничего не сказано о содержании выступлений в прениях. По заключительному слову Джедса можно судить о том, что прения были весьма жаркими и что картина отношений между маори и пакеха далека от той идиллии, которая была нарисована официальными докладчиками. Джедс вынужден был, в частности, признать, что в таких местах, как Окленд, маори живут в плохих условиях и являются объектом расовой дискриминации (стр. 293). Те Хау указывал на необходимость совещаться с маори при проведении изменений в их жизни (имеется в виду, в частности, школьная политика правительства); между тем, как глухо упомянуто в отчете, маори редко имеют возможность выразить правительству свое мнение (стр. 291).

Вопросы школьного обучения маори стоят особенно остро после рекомендаций Комитета маорийского образования (1955 г.) и решения, принятого правительством в начале 1956 г. об объединении руководства маорийскими школами⁵. В статье старшего районного инспектора начальных школ Э. Парсонсайджа «Обучение маори на Новой Зеландии» (1956, № 1) отмечается, что маорийский язык не получил в школьной системе должного места. После 1930 г. его можно было преподавать в маорийских школах (до этого запрещалось), но отсутствовали хорошие учителя. Цифры, приведенные автором, свидетельствуют все же о некоторых успехах в этом направлении: с 1941 г. более 600 маори стали учителями. Многие маори, не получившие образования, но хорошо знавшие древние мифы и предания, ремесла (резьба по дереву, плетение из льна), маорийские песни и пляски, передавали свои знания детям в маорийских школах. Новый закон означает отказ от этих хороших начинаний. Автор, защищая официальную точку зрения, утверждает, что не следует обучать маорийских детей маорийской культуре.

Джемс Ритч (1956, № 1) показывает, как происходила на практике передача одной из маорийских школ в районе Роторуа в ведение школьного комитета. Маори, конечно, понимали, что это означает ликвидацию маорийской школы. Возмущение их было велико (стр. 24). К ним прибыла правительственныйная делегация, и было срочно созвано общее собрание. Пришло 160 человек, маори и пакеха. Говорили на маорийском и английском языках, выступления говоривших по-маорийски не переводились, и большинство пакеха их не понимало. Таким образом, мнение маори даже в этом исключительном случае не дошло до правительственной делегации. Один из пакеха выступил в защиту прав маори на их школу, его слова были встречены аплодисментами (стр. 28). Председатель собрания заявил, что надо, наконец, решать вопрос о передаче школы в ведение школьного комитета. Поднялся страшный шум. Общее мнение

⁴ Об этом же он пишет в своей книге: A. Sharp, *Ancient voyagers in the Pacific*, «Polynesian Society Memoirs», 1956, No. 32.

⁵ До этого часть школ для маори была в ведении маорийской школьной секции, а часть — в ведении школьных комитетов; первые школы назывались маорийскими, вторые — обычными; сейчас маорийские школы переданы также в ведение школьных комитетов.

свилось к тому, что решение о передаче было принято против желания общины (стр. 29).

В целом следует отметить, что журнал проявляет к маори большое внимание. Но он освещает главным образом прошлое этого народа. Современные культуры и быт маори отражены слабо. Читатель не получает ответа на вопрос о том, как живут в настоящее время маори Южного острова, внутренних районов Северного острова, городское маорийское население.

Переходим к остальной Полинезии. К. Маккей, проживший 25 лет на Западном Самоа, в статье «Введение в самоанский обычай» (1957, № 1) описывает в общих чертах образ жизни самоанцев и дает практические советы тем, кто будет работать на этих островах. Так, он пишет, что если вам подарят циновку, надо найти способ вернуть ее обратно (изготовление хорошей циновки — дело нескольких месяцев). Не следует сразу спрашивать о генеалогии и родственниках, это — деликатная тема. При входе в дом следует учтеть, что у дома (даже если он круглый) есть фасадная сторона (выходит к центру деревни или к морю). У главного столба — место для знатного гостя; вошедшему полагается сесть немного в стороне от этого столба, ближе к фасаду дома, пока его не пригласят пересесть. Если не принесут стул, надо сесть на циновки, скрестив ноги или вытянув их вперед (при этом подошвы ног не должны быть обращены к хозяину, их надо прикрыть циновкой). В задней стороне дома юноши начинают готовить каву, а хозяин тем временем произносит приветственную речь. Брать чашку с кавой надо той рукой, которая дальше от знатных лиц, а если знатные с обеих сторон — обеими руками. Несколько капель кавы надо пролить на циновку — это подношение божествам. Маккей описывает подобные детали с большой симпатией к самоанцам и их культуре. Нельзя, однако, не отметить, что он говорит лишь о древней культуре, и совершенно умалчивает о том, что на Самоа складываются новые общественные порядки и обычаи, являющиеся результатом колониального гнета, с одной стороны, и борьбы самоанцев за свою свободу, — с другой.

Американский этнограф Л. Холмс в статье «Тау. Стабильность и изменение в самоанской деревне» (1957, № 3, 4) характеризует современную культуру островной группы Мануа и прослеживает изменения, произошедшие в XIX в. и в период 1925—1930 гг. Самоанская культура, пишет автор, осталась в своей основе прежней, само-бытной, но многое все же изменилось: каменные орудия заменены железными, исчез очаг внутри дома, не изготавливается оружие, исчезли деревянный барабан и флейта пана; появилось много европейских предметов: мыло, спички, консервированное мясо, гитара и т. п. Автор сообщает интересные подробности об условиях полевой этнографической работы на Самоа. Любопытно, что у самоанцев есть специальный термин для этнографа, означающий: «тот, кто изучает живых самоанцев» (стр. 303).

Датский этнограф Т. Монберг в статье «Таароа в таитянском мифе о создании мира» (1956, № 3) отмечает, что начало мира в полинезийских мифах обычно связано с какими-нибудь двумя явлениями природы: небо и земля, гора и разина, морские водоросли и грязь и т. п. Они якобы вступают в брак, производят потомство, и так появляются на свет звезды, растения, животные, люди. Но в мифах Кукозых островов, Новой Зеландии и Таити мир создан одним существом, соответственно Вари-ма-тетакаре, Ио и Таароа. Таароа — очень древняя мифологическая фигура, но миф о том, как он создает мир, возник на Таити, по мнению автора, весьма убедительно аргументированному, в конце XVIII в., в связи с появлением такой фигуры, как Помаре I, захвативший власть на Таити и над частью островов Туамоту. «Это, — пишет автор, — чрезвычайно интересный и ярко выраженный пример тесной связи, существующей между социальной, религиозной и политической жизнью» (стр. 280).

Г. Руссель в статье «Ронгоматане арики VI. Историческая церемония на острове Атиу» (1957, № 2) описывает церемонию провозглашения нового короля на Кукозых островах, происходившую 9 августа 1956 г. Для церемонии характерно сочетание местных и христианских элементов. В журнале помещена также статья Ю. В. Кнорозова и автора настоящей рецензии «Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи» (1957, № 1) ⁶.

Переходим к статьям, посвященным Меланезии и Микронезии. Майор Равен-Харт, участник первой и второй мировых войн, ныне живущий на Цейлоне, полтора месяца пробыл на острове Джасава (в группе Фиджи) в деревне Набакеру. В своей статье (1956, № 2) он дает краткий, но довольно полный очерк хозяйства, общественной жизни и культуры фиджийцев этой деревни. К сожалению, многие его сообщения основаны на показаниях только одного или двух информаторов. Автор подробно описывает процесс постройки дома, от возведения земляного фундамента до церемонии освящения внутренних стен (стр. 99—108), музыку (стр. 136—144), но лишь очень бегло касается таких вопросов, как «социальная организация» (стр. 144—145), «изменяющаяся культура» (стр. 148—150).

Фиджиец Руисиате Раибоса Наджакакалоу, преподаватель Оклендского университета, публикует вторую, заключительную часть своей статьи «Фиджийская система родства и брака» (1957, № 1) ⁷. Куратор фиджийского музея Р. А. Деррик, известный

⁶ См. «Сов. этнография», 1956, № 4.

⁷ Первая часть опубликована в рецензируемом журнале, 1955, № 1.

исследователь Фиджи, описывает фиджийские военные палицы (1957, № 4) и дает их классификацию. Оуэн Парнэби в статье «Регулирование контрактного труда на Фиджи в 1864—1888 гг.» (1956, № 1) пишет о том, как происходил ввоз рабочих на Фиджи с других островов Океании, а после захвата Фиджи Англией и прибытия первого губернатора Артура Гордона — также из Индии (с 1878 г.). Советского читателя не удовлетворит статья Парнэби, хотя автор не может скрыть зверства колонизаторов по отношению к коренному населению, но он тем не менее стремится оправдать английское правительство.

Диана Брэдли, пробывшая в 1953 г. около семи недель на острове Реннел и два дня на острове Беллона (Соломоновы острова), публикует свои заметки и наблюдения с жителями этих островов, главным образом об их фольклоре, и дает краткий голоссарий (1956, № 4). У. Лесса в статье «Миф и дань в западной части Каролинских островов» (1956, № 1) сообщает, как жители острова Яп с помощью трех мифов обосновывали подчиненное по отношению к ним положение жителей островов, расположенных восточнее Япа и плативших дань жителям этого острова.

Молодой маорийский ученый Пеи Те Хуринуи Джонс выдвинул новую теорию заселения Микронезии (1957, № 1, стр. 133). По его мнению, Микронезия заселена из Центральной Полинезии. К этой теории присоединился американский этнограф Гуднау (1957, № 2, стр. 148).

Мы изложили вкратце содержание статей, помещенных в журнале за два года, при этом в ходе изложения уже высказали ряд критических замечаний. Заключая наш обзор, мы хотим отметить, что журнал был бы еще более интересным, если бы авторы от конкретных описаний переходили к обобщению того богатого фактического материала, который ими накоплен. Они могли бы больше сказать читателям об угнетенном положении народов Океании, об их борьбе против колониализма, о формировании в ходе этой борьбы новых этнических общин из племен, новых форм культуры и быта. Все эти важнейшие процессы, происходящие в Океании, пока не нашли должного отражения на страницах журнала.

Н. А. Бутинов

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы этногенеза и исторической этнографии

У Жу-кан (Пекин) и Н. Н. Чебоксаров (Москва). О непрерывности развития физического типа, хозяйственной деятельности и культуры людей древнего каменного века на территории Китая 3

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

М. М. Плисецкий (Ужгород). Вопросы развития эпоса в условиях возникновения государственности 26

М. Абдураимов (Ташкент). Пережитки сельской общины в узбекском кишлаке Хумсан 43

А. З. Розенфельд (Ленинград). О некоторых пережитках древних верований у припамирских народов (В связи с легендой о «снежном человеке») 55

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

Г. Г. Стратанович (Москва). Экономические и социальные отношения у цзинто 67

О. Н. Глухарева (Москва). Возрожденное мастерство 86

Сообщения

Данута Добровольская, Владислав Квасьневич (Краков). Этнографические исследования современной культуры польского народа краковскими учеными 102

Е. И. Кычанов (Ленинград). Некоторые сведения китайских источников об этнографии тангутов 110

Хроника

У. М. Полякова (Москва). Историко-бытовые экспедиции Государственного исторического музея в 1958 году 116

Г. Л. Челебеевская (Москва). Выставка декоративного искусства Узбекистана 124

И. Треков (Нальчик). Научная сессия по фольклористике 130

И. А. Золотаревская (Москва). Два научных совещания в Вашингтоне 131

Критика и библиография

Народы СССР

А. М. Астахова (Ленинград). Основные проблемы эпоса восточных славян 137

В. А. Туголуков (Москва). В. Н. Увачан. Переход к социализму малых народов Севера 143

Народы зарубежной Европы

В. Шуртанов (Москва). Журнал Венгерского этнографического общества «Ethnographia» (1956—1957) 145

Народы зарубежной Азии

С. И. Брук (Москва). Этническая картография в Китайской Народной Республике 147

Р. Ф. Итс (Ленинград). Гуанси чжуанцзу лиши хэ сяньчжуан (История и современное положение народа чжуан провинции Гуанси) 150

Народы Америки

В. Васильев (Москва). Г. А. Агранат. Зарубежный Север 153

Народы Австралии

А. П. Новицкая (Москва). *Frederic D. McCarthy. Australia's Aborigines. Their life and culture* 155

Народы Океании

Н. А. Бутинов (Ленинград). *The Journal of the Polynesian Society* (1956—1957) 157

SOMMAIRE

Questions d'ethnogénèse et d'ethnographie historique

Woo Ju-kang (Pékin) et N.N.Tchéboksarov (Moscou). Continuité de l'évolution du type physique, de l'activité économique et de la culture des hommes à l'époque paléolithique sur le territoire de la Chine 3

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie de l'U.R.S.S.

M. M. Plietzy (Oujgorod). Problèmes de l'évolution du folklore épique à la période de la naissance de l'état 26
 M. Abdouraimov (Tachkent). Survivances des rapports de la commune agraire au village ouzbek Hourisan 43
 A. Z. Rosenfeld (Léningrad). Quelques anciennes croyances des peuples du Pamir (A propos de la légende sur «l'homme des neiges») 55

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie des pays étrangers

G. G. Strataniouch (Moscou). Rapports économiques et sociaux chez les Chingpos 67
 O. N. Gloukharéva (Moscou). L'art ressuscité 86

Informations

Danouta Dobrowolska, Wladislaw Kwasniewicz (Cracovie). Investigations ethnographiques de la culture contemporaine par les savants cracoviens 102
 E. I. Kytchanov (Léningrad). Quelques informations des sources chinoises sur l'ethnographie des Tangouts 110

Chronique

Ou. M. Poliakova (Moscou). Expéditions du Musée Historique d'Etat en 1958 pour recherches historiques sur le mode de vie 116
 G. L. Tchepélévetskaia (Moscou). Exposition de l'art décoratif de l'Ouzbekistan 124
 I. Treskov (Nalchik). Session scientifique folkloristique 130
 I. A. Zolotarevskaia (Moscou). Deux conférences scientifiques à Washington 131

Critique et bibliographie

Peuples de l'U.R.S.S.

A. M. Astakhova (Léningrad). Osnovnye problémy épossa vostotchnich slavian (Problèmes fondamentaux du folklore épique des Slaves orientaux) 137
 V. A. Tougoloukov (Moscou). V. N. Ouvatchane. Pérékhod k socialismu malych narodov Sévéra (L'évolution des petites peuplades du Nord vers le socialisme) 143

Peuples de l'Europe étrangère

V. Chourtanov (Moscou). La Revue de la Société ethnographique hongroise «Ethnographia» (1956—1957) 145

Peuples de l'Asie étrangère

S. I. Brouk (Moscou). La cartographie ethnique en République Populaire Chinoise 147
 R. F. Its (Léningrad). Histoire et état contemporain des Chuangs de la province Kwangsi 150

Peuples de l'Amérique

V. Vassiliev (Moscou). G. A. Agranate. Zaroubejny Sévér (Le Nord au-delà de l'U.R.S.S) 153

Peuples de l'Australie

A. P. Novitzkaia (Moscou). Frederic D. McCarthy. Australia's Aborigines Their life and culture 155

Peuples de l'Océanie

N. A. Boutinov (Léningrad). The Journal of the Polynesian Society (1956—1957) 157

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
68	24 сн.	17 родов, из которых	17 родов, два из которых
72	4 св.	к надежной опоре	в надежной опоре
122	4 св.	Сосианского района	Сисианского района
163	2 св.	Kuestions	Questions